

Муниципальное образование
«Муниципальный округ Пискаревка»

Память сердца

Воспоминания
жителей МО Пискаревка
о Великой Отечественной войне
1941–1945 годов

Книга шестая

Санкт-Петербург
2012

П 15

Память сердца. Воспоминания жителей МО Пискаревка о Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. Книга шестая. — СПб.: НИКА, 2012. — 256 с., илл.

ISBN 978-5-98220-042-X

- © Местная администрация Муниципального образования МО Пискаревка, 2012.
- © Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, 2012.

Память сердца

СЕРГЕЕВА Вера Владимировна

Глава Муниципального образования
МО Пискаревка

Дорогие друзья!

Вышел из печати шестой том книги «Память сердца».

Мы задумывали выпуск книги воспоминаний жителей МО Пискаревка о Великой Отечественной войне 1941-1945 годов и героических днях блокады Ленинграда для того, чтобы сохранить в нашей памяти и в наших сердцах имена тех, кто своей жизнью защитил наш город и нашу страну от врага.

Книга — это дань памяти известным и еще неизвестным героям. Ведь в той войне героями были все: и те, кто сражался на передовой с оружием в руках, и те, кто в тылу, не жалея сил, тоже работал на Победу!

Каждый том книги «Память сердца» дает нам возможность познакомиться с новыми и новыми страницами войны и блокады Ленинграда. Это своеобразный памятник всем, кто ковал Победу над фашизмом. Но это еще и первоисточник свидетельств людей, которые не только пережили огромную беду, но и смогли

выстоять и достойно перенести нелегкие испытания. Здесь приведено немало примеров мужества и стойкости. Все это станет предметом исследования ученых-историков последующих поколений.

В будущем мы планируем расширить границы нашей книги и включить в нее рассказы, воспоминания и свидетельства очевидцев о других, не менее героических, страницах подвигов жителей Пискаревки уже в послевоенные годы. Мы расскажем о тех, кто выполнял интернациональный долг в Афганистане, кто самоотверженно трудился на ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС и других. Это тоже герои — герои другой эпохи.

Сердечно благодарю всех жителей муниципального образования МО Пискаревка, которые приняли посильное участие в создании шестого тома книги.

Память сердца

ПИОТРОВСКИЙ Михаил Борисович

директор Государственного Эрмитажа,
президент Союза музеев России,
член-корреспондент РАН,
доктор исторических наук

Блокада — одно из главных злодеяний Второй мировой войны, — стала испытанием, из которого Эрмитаж вышел не только с честью. Своей деятельностью и рассказом о ней, он показал, ЧЕМ являлась ленинградская блокада по существу: борьбой культуры, человечности со злом, олицетворением которого стал нацизм. Эрмитаж потерял много сотрудников, но сохранил свои бесценные коллекции. В блокадном Ленинграде по законам военного времени запрещено было фотографировать, разрешалось только зарисо-

вывать. Так появилась в нашем собрании редкостная коллекция — рисунки эрмитажников, наша блокадная летопись. Рисунки, сделанные рукой, никогда не умирают, они спасают память, когда техника бессильна. Они теплее и человечнее. Серия рисунков, рассказывающих об эрмитажных буднях в годы блокады, — один из способов передать память о пережитом многим поколениям. Мы надеемся, что новое издание поможет рассказать молодым о блокаде, напомнив им один из самых важных уроков истории.

Каким оружием мы воевали

Красная Армия к началу войны имела на вооружении 481 средний танк Т-28 производства 1933-1940 годов и 1383 танка Т-34 производства 1940-1941 годов. До нападения на нашу страну немецкий средний танк PzKpfw-III считался одним из лучших танков в мире. Однако советские танки: средний Т-34 и тяжелый КВ — не оставили немецким танкам никаких шансов. Из 1735 средних танков вермахта, перешедших советскую границу в июне 1941 года, к 1944 году осталось не более 80.

Уже первые столкновения с танком Т-34 произвели на немцев ошеломляющее впечатление. Этот танк отличался высокой маневренностью при достаточно хорошей броневой защите и сильном вооружении. Он имел абсолютное превосходство над всеми имевшимися в то время танками противника, на первом этапе войны считался лучшим танком мира и на втором этапе — одним из лучших. Танк Т-34 был создан коллективом конструкторов во главе с М. И. Кошкиным, Н. А. Кучеренко и А. А. Морозовым. Его конструкция в ходе войны постоянно улучшалась и совершенствовалась за счет упрочнения корпуса, улучшения обзорности поля боя, увеличения емкости топливных баков и повышения надежности всех агрегатов. Немецкие специалисты тщательно изучали попавший к ним танк Т-34, так как командование вермахта рассматривало вопрос о производстве копии этого танка на заводах Германии. Однако сложности техноло-

гического процесса не позволили это сделать. Тем не менее, этот советский танк послужил толчком к созданию новых немецких образцов танков, позаимствовавших некоторые идеи нашей машины. Это, в первую очередь, танк PzKpfw-V, более известный как «Пантера». Затем появился PzKpfw-VI «Тигр». Они по броневой защите и огневой мощи превосходили Т-34. Но это уже класс тяжелых танков, которых в первый период войны у Германии не было. С ними командование вермахта связывало надежды на коренной перелом в ходе военных действий в свою поль-

*Курская Дуга.
Обучение истребителей танков*

зу, что особенно проявилось в сражениях на Курской дуге. В ходе боев выяснилось, что Т-34 эффективно бороться с хорошо вооруженными и бронированными новыми немецкими танками может только на дистанции не более 600 метров, в то время как пушки немецких машин способны поражать его с дистанции 1000-1500 метров.

Тем временем, в процессе производства танка Т-34 на Уральском Кировском, Уральском вагоностроительном заводах и Уральском заводе тяжелого машиностроения появился новый вариант танка Т-34 с более мощной 85-миллиметровой пушкой, что позволяло не-

сколько выправить положение. Однако первые такие танки стали сходиться с заводского конвейера только в конце января 1944 года. Танк Т-34 образца 1941 года производился на 6 заводах, выпустивших 35 312 машин. Танк Т-34 образца 1944 года производился в 1944-1946 годах на 3 заводах, выпустивших 21 048 единиц. Такие объемы производства сделали танк Т-34 самым массовым танком Второй мировой войны. Танки Т-34 участвовали в боевых действиях практически на всех континентах мира.

Сравним характеристики ведущих средних танков Германии и Советского Союза:

Наименование военной техники/ технические характеристики	Т-34-76 образца 1941 г.	Т-34-85 образца 1944 г.	PzKpfw-III образца 1941 г.
Боевая масса, т	26,5	30,9	23,6
Экипаж, чел.	4	5	5
Толщина лобовой брони, мм	45	52	50
ПУШКИ			
Количество, шт.	1	1	1
Калибр, мм	76	85	75
ПУЛЕМЕТЫ			
Количество, шт.	2	2	2
Калибр, мм	7,62	7,62	7,92
БОЕКОМПЛЕКТ	77 выстрелов 3906 патронов	60 выстрелов 1920 патронов	80 выстрелов 2700 патронов
Мощность двигателя, л. с.	500 дизель	500 дизель	300 бензиновый
Максимальная скорость, км/ч	45	55	40
Запас хода по шоссе, км	430	400	200

Танк PzKpfw-III

В начальный период войны в немецкой армии не было тяжелых танков, они появились только в 1943-м. В Советском Союзе в конструкторском бюро Ж. Я. Котина еще до начала войны, в 1938 году, начал разрабатываться принципиально новый тяжелый танк КВ (ведущий конструктор Н. Л. Духов), который должен был стать основой советских бронетанковых войск. 19 декабря 1939 года он был принят на вооружение Красной Армии. Первые такие танки были изготовлены в феврале 1940-го. Всего в 1940 году было произведено 243 машины, а в 1-м полугодии 1941-го Ленинградский Кировский завод (директор И. М. Зальцман) и Челябинский тракторный завод им. Кирова (директор Ю. Е. Максарев) выпустили еще 393 танка КВ-1. Танки были вооружены 76-миллиметровой пушкой. Затем появился КВ-2 с большой башней и 152-миллиметровой гаубицей. Танк имел на вооружении три пулемета: спаренный с пушкой, курсовой и кормовой. Часть машин дополнительно обеспечивалась еще и зенитным пулеметом. До конца 1942 года КВ-1 был самым мощным танком в мире.

В умелых руках он, мощный и практически неуязвимый, мог творить чудеса. Один такой танк мог остановить продвижение целой колонны. Известно, что 19 августа 1941 года рота старшего лейтенанта Григория Колобанова из пяти танков КВ-1, сражаясь за Ленинград под Красногвардейском у села Войковицы, сумела запереть большую колонну немецких танков на шоссе и уничтожить 43 вражеских танка, не понеся потерь. Экипаж командира подбил 22 машины. На броне его танка были обнаружены вмятины от 135 попаданий, но ни один немецкий снаряд не сумел пробить броню. Всего в 1940-1944 годах было произведено 4775 танков КВ-1 и 200 танков КВ-2. В конце 1942-го с появлением немецких тяжелых танков «Тигр» КВ стали устаревать. Им на смену пришел тяжелый танк КВ-1С, на котором летом 1943-го была установлена литая башня с 85-мм пушкой. Так появился Т-85. Затем появились самые мощные и тяжелые танки Второй мировой войны — ИС-2 и ИС-3 с 122-мм пушкой.

Сравним характеристики тяжелых танков:

Танк ИС-3

Наименование военной техники / Технические характеристики	Танк КВ-1 Образца 1941 г.	Танк ИС-2	Танк Pz Kpfw- VI «Тигр»
Боевая масса, т	47,5	46	56
Экипаж, чел.	5	4	5
Вооружение:			
ПУШКИ			
Количество, шт.	1	1	1
Калибр, мм	76 образца 1939 г.	122	88
ПУЛЕМЕТЫ:			
Количество, шт.	4	3	1
Калибр, мм	7,62	7,62	12,7
БОЕКОМПЛЕКТ	135 выстрелов 2772 патрона	28 выстрелов 2331 патрон и 300 патронов	92 выстрела 4800 патронов
Мощность двигателя, л. с.	600	520	700
Максимальная скорость, км/ч	35	37	38
Запас хода по шоссе, км	250	240	145
Толщина лобовой брони, мм	75	120	100

Советские танки, особенно Т-34 и ИС-3, отличались оригинальной формой броневго корпуса и послужили образцом для целого ряда зарубежных танков. Рациональной была и их компоновка с двигателем и трансмиссией в кормовой части. На них были установлены длинноствольные пушки. Особенностью наших танков были мощные дизельные силовые установки. Они обладали бесспорным

Танк Т-34

преимуществом перед карбюраторными бензиновыми двигателями, применявшимися на немецких и других иностранных танках. Широкие гусеницы обеспечивали этим машинам хорошую проходимость в самых разнообразных условиях местности и погоды. Конструкция советских танков отвечала условиям крупносерийного производства и позволяла вести ремонт в полевых условиях, что было очень важным преимуществом перед иностранными машинами. В ходе военных действий на отдельных танках Т-34 и КВ дополнительно устанавливались автоматические танковые огнеметы АТО-42 с дальностью огневой струи до 120 метров.

Немецкая промышленность в 1944 году поставила в армию новый тяжелый танк PzKpfw-VI В, получивший название «Королевский тигр». Он имел массу 68 тонн, лобовую броню 150 миллиметров и длинноствольную 88-миллиметровую пушку. Однако его броня оказалась низкого качества, и он был малоподвижен, что позволяло успешно с ним бороться.

Достаточно существенную помощь Красной Армии и промышленности оказали поставки по ленд-лизу. США подписали такое соглашение с Советским Союзом 11 июня 1942 года и, по их данным, до конца сентября 1945-го поставили нам 7056 танков, Великобритания — 4542 танка, а Канада — 1590 походно-ремонтных мастерских. Это данные по отгрузке. На самом деле большое количество машин терялось в пути в результате действия немецких подводных лодок. Так, в 1942 году

*Танк Pz Kpfw-VI
«Тигр»*

в нашу армию поступило только 2650 импортных танков, а в 1943-м — 2176, что составляло соответственно 11% и 9% от общего количества поступивших новых танков.

Не все танки попадали на поле боя — из-за неправильного обслуживания они ломались при выгрузке или на марше. Значительная их часть, дошедшая до соприкосновения с противником, выбывала из боя по техническим причинам. Г. К. Жуков писал, что танки из США не отличались высокими боевыми качествами. И. В. Сталин в переписке с Ф. Рузвельтом отмечал, что американские танки очень легко горят от противотанковых ружей, попадающих сзади и сбоку, потому что они работают на бензине. Мы были вынуждены отказаться от американских танков М3 и английских Mk-II «Матильда» и Mk-IV «Черчилль».

Советские танкисты недолюбливали иностранные машины не только из-за сложности изучения их материальной части (вся документация, инструкции и надписи были на английском языке). Так, английский танк «Лейланд» выгод-

но отличался от советских машин простотой управления и надежностью мотора, но работал на высокооктановом бензине, был маломаневренным, имел на вооружении только бронебойные снаряды к 40-миллиметровой пушке и был очень уязвимым в бою. Эти танки стали применять для обороны или в боях против пехоты при поддержке советских танков. Наши специалисты тщательно изучили всю иностранную технику и выяснили, что отдельные ее узлы и элементы можно использовать в советском танкостроении, а сами иностранные танки — улучшить.

На «Валентайне» признали весьма ценным двигатель, гидравлические амортизаторы и коробку передач с синхронизатором, чего у нас не было. Особый интерес представило соединение коробки передач с «дифференциально-планетарным механизмом» поворота, установленное на «Черчилле» и «Кромвеле», также гидравлические приводы для поворота башен на «Матильде» и др. Поставляемый англичанами легкий танк Mk-III «Валентайн» можно отнести к легким танкам (его масса 16,5 т), но по толщине лобовой брони (60-65 мм) он даже превосходил некоторые тяжелые немецкие машины. Он стал одним из наиболее удачных легких танков Второй мировой войны и важнейшим танком английской армии. Главной его особенностью было отсутствие каркасов для сборки корпуса и башни. Бронелисты просто соединялись болтами и заклепками. Танк производился в Великобритании и Канаде в 11 модификаци-

ях. Красная Армия получила 2394 машины английской и 1388 канадской сборки, вооруженные устаревшими 40-мм и 57-мм пушками. Мы установили на английских танках «Валентайн» и «Матильда» 75-миллиметровые орудия и перевели их двигатели на дизельное топливо, но они по-прежнему значительно уступали советским танкам, а потому так и не приобрели популярность. В конце войны «Валентайны» перестали производиться, а на их шасси были созданы плавающие танки, мостовкладчики, огнеметные танки и другие бронированные машины самого разного назначения, участвовавшие в высадке союзников в Нормандии.

Американский танк М4 «Шерман» считался лучшим средним танком наших союзников. После Т-34 это был самый массовый танк Второй мировой войны. Он выпускался в нескольких модификациях и находился на вооружении до середины 1950-х годов. Советскому Союзу в конце 1942 — начале 1943 годов было поставлено 4063 танка «Шер-

*Танк М4
«Шерман»*

ман» модификации М4А2. По вооружению и боеприпасам он не уступал Т-34 с 76-мм пушкой, до появления на поле боя «Тигров» и «Пантер» он поражал броню немецких танков всех типов. Это была достаточно надежная и простая в обслуживании машина, так как в ней использовались проверенные автомобильные механизмы. Танк имел дополнительный зенитный пулемет. Существенным его недостатком была худшая проходимость, его узкие гусеницы вязли в грязи в отличие от гусениц немецких и советских машин, и горючего они потребляли гораздо больше.

Так ли уж нуждался Советский Союз в поставке танков из-за рубежа? Даже после колоссальных потерь под ударами вермахта в начале войны на 1 декабря 1941 года в Красной Армии насчитывалось 6347 машин, а к весне 1942-го их стало 8857. Это почти втрое превышало число немецких танков. Для сравнения: с октября 1941-го до 1 января 1942-го вместо обещанных американцами 600 танков мы получили только 182, а вместо обещанных англичанами 2443 — всего 466.

Подводя некоторые итоги, следует отметить, что советские тяжелые и средние танки, а также бронев автомобили были очень высокого качества, даже легкие танки были качественнее немецких. Мы сильно отставали в тягачах разного назначения и автомобилях. Самым существенным недостатком танковых подразделений Красной Армии был исключительно низкий уровень подготовки личного со-

става, отсутствие слаженности экипажей и боевого опыта. Вторая мировая война была «войной моторов». Немецкий солдат — в основном, промышленный рабочий одной из самых образованных наций мира. Наш красноармеец — крестьянин, хорошо владеющий косой и вилами, только начавший садиться за штурвал трактора.

В 1939-1940 годах авиационная промышленность, ставшая в середине 1930-х крупной отраслью народного хозяйства страны, была перестроена. Экстренные меры были приняты по переводу ее на производство более совершенной военной техники, проведена реконструкция 31 авиационного завода. К началу войны были сняты с вооружения Красной Армии бомбардировщики ТБ-3, истребители И-153 и И-15бис, штурмовики Р-5ССС, разведчики, транспортные и другие машины Р-5, Р-10, Р-З и ДИ-6. Конструкторские бюро активно работали над новыми образцами машин. Конструкторское бюро А. А. Архангельского усовершенствовало СБ и разрабатывало Ар-2; конструкторские бюро Г. М. Бериева разрабатывало МБР-2 и Бе-4; В. Г. Ермолаева Ер-2; С. В. Ильюшина — Ил-2 и Ил-4; С. А. Лавочкина — ЛаГГ-3; А. И. Микояна — МиГ-1 и МиГ-3; В. М. Петлякова — Пе-2 и ТБ-7; И. Н. Поликарпова — серию И-16, И-153, И-15бис и У-2; П. О. Сухого — Су-1 и Су-2; А. Н. Туполева — ТБ-3, ДБ-3, СБ и все самолеты АНТ; И. В. Четверикова — Че-2; С. А. Яковлева — все самолеты Як. Конструктор-

ские бюро В. Я. Климова, А. А. Микулина и А. Д. Шевцова разрабатывали авиационные моторы. Быстро наладить производство новых образцов было невозможно, поэтому наряду с новыми самолетами заводы завершали выпуск старых типов. Так, в первом полугодии 1941 года было произведено, в основном, из оставшихся заготовок, 99 И-16, 64 И-153, 18 ДБ-3, 87 СБ и 122 Ар-2 (модификация СБ).

К июню 1941 года были приняты на вооружение Красной Армии новые бомбардировщики Ар-2, Ер-2, Ил-4, Пе-2 и оставлены ДБ-3, СБ и ТБ-7; истребители ЛаГГ-3, МиГ-3, Як-1 и оставлен И-16; штурмовик Ил-2 и оставлен И-153; разведчики, транспортные, морские и другие самолеты Бе-4, Ли-2, Че-2, Як-2, Як-4, Як-7УТИ и оставлены МБР-2, У-2 и УТ-2. Не были приняты, как недоработанные или не отвечающие полностью требованиям, истребители И-180, Су-1, Як-3 и Як-5; штурмовики ТШ-1, ТШ-3 и ТШ-6. Созданный конструкторским бюро А. Н. Туполева замечательный бомбардировщик «103» мог появиться в нашей армии до войны, но появился лишь спустя полтора года после ее начала как Ту-2. Причина — в недоверии А. Н. Туполеву и его колле-

гам, так как они работали в тюремном конструкторском бюро.

Из 460 планируемых к выпуску в 1-м полугодии 1941 года самолетов Ил-2 было произведено только 249, из 370 Як-4 — 63, из 525 Пе-2 — 460, из 555 Ил-4 — 433, из 20 ТБ-7 — только 7, из 405 Су-2 — 327. Правда, произвели 42 бомбардировщика Ер-2, выпуск которого планировался во 2-м полугодии. Всего в 1-м полугодии был выпущен 4641 самолет, но в начале войны 740 из них еще оставались на заводах. Война заставила 85% производственных мощностей авиационных заводов перевести на восток страны, что сказалось на общем производстве. Так, пришлось вывезти из Прибалтики 381-й, 463-й и 464-й заводы, а из Ленинграда — эвакуировать 11 авиационных предприятий. Ввиду эвакуации нашей промышленности потребовался почти год, чтобы вернуться к прежней производительности. В 1939-1940 годах в Советском Союзе самолетов производилось больше, чем в Германии, однако немецкая промышленность выпускала самолеты только новейших марок, а советская — как новых, так и старых конструкций. Производство новых боевых самолетов началось у нас только в 1940 году.

В начале войны основу советской истребительной авиации составляли самолеты И-15 и И-16 (1933) и И-153 «Чайка» (1938) в модернизированных вариантах, также начали поступать новые, созданные в 1940 году ЛаГГ-3, МиГ-3 и Як-1. Однако в 1-м полугодии

Самолет МиГ-3

1941 года из запланированных к выпуску 805 ЛаГГ-3 промышленность произвела только 116 машин, а из 780 Як-1 — только 408. Произведено только 111 МиГ-1. Правда, вместо 1360 истребителей МиГ-3 было выпущено на три машины больше. Тем не менее, в Красную Армию должно было поступить 2925 новых истребителей, что составляло всего только 17,3% потребности. Остальные были старых моделей. Было выпущено 249 штурмовиков Ил-2 и 459 пикирующих бомбардировщиков Пе-2. К этому следует добавить, что только 10% летчиков были обучены новой технике, и их подготовка шла с черепашной скоростью. К началу Великой Отечественной войны многие советские пилоты истребительной авиации успели налетать не более четырех часов! Многие наши летчики даже не знали, как выглядят новые советские бомбардировщики, и 22 июня 1941 года стреляли в них.

Бомбардировочная авиация имела на вооружении фронтовой бомбардировщик СБ (1935), дальний бомбардировщик ТБ-3 (1930, модифицирован в 1934-м), ДБ-3 (1935), ДБ-3Ф (1937), Ил-4 (1938), Пе-8 (1939). В 1940 году в войска начали поступать скоростной пикирующий бомбардировщик Пе-2 и многоцелевой самолет Су-2, использовавшийся как ближний бомбардировщик. На вооружении состояли также штурмовик Ил-2 (1939), разведчик Р-5 (1931), летающая лодка МБР-2 (1932 г.) и другие самолеты. Большинство советских самолетов были старых марок,

Самолет Me-109E
«Мессершмитт»

изношены от длительной эксплуатации и, несмотря на то, что их общее количество в 9576 ставили советскую авиацию на первое место в мире, поначалу она не представляла угрозы для Люфтваффе. Однако новые машины превосходили однотипные немецкие самолеты.

В ходе войны были созданы новые типы истребителей С. А. Лавочкина Ла-5 (1942) и А. С. Яковлева Як-9 (1942) и Як-3 (1943) и их различные модификации (Ла-5ФН, Ла-7, Як-9ДД и др.), которые по летно-техническим характеристикам превосходили немецкие истребители «Мессершмитт»-109Е и «Фоке-Вульф»-FW-190. Ла-5 имел высокую скорость и мощное вооружение — две синхронные 20-миллиметровые пушки (на Ла-7 даже три). Он отличался хорошей маневренностью и легким управлением. Як-9 успешно действовал не только против истребителей противника, но и против наземных целей. Он впервые успешно проявил себя в Сталинградской битве. Як-9ДД имел дальность полета до 2200 километров, что вдвое превышало дальность полета немецких истребителей, а Як-3 стал самым легким и маневренным истребителем

Второй мировой войны, имевшим скорость до 720 км/ч. Основной немецкий истребитель «Мессершмитт» Me-109E (1936) имел скорость до 570 км/ч и дальность полета до 660 километров.

Самым распространенным дальним бомбардировщиком Красной Армии всю войну был двухмоторный Ил-4 (1938) с дальностью полета 3800 километров. Именно на этом самолете летчики Краснознаменного Балтийского флота в августе 1941 года совершили налет на столицу фашистской Германии Берлин. В немецкой авиации дальних бомбардировщиков не было. Советские фронтовые пикирующие бомбардировщики Пе-2 (1940) и Ту-2 (1943) по своим тактико-техническим данным также превосходили немецкие бомбардировщики, лучшим из которых считался одномоторный «Юнкерс» Ju-88A (1936).

Советские машины были двухмоторными, имели большую скорость и лучшее вооружение. Против 4 пулеметов 7,92 мм у «Юнкерса» Пе-2 имел 3 пулемета 12,7 мм и 2 пулемета 7,62 мм, Ту-2 имел 2 пушки 20 мм и 2 пулемета 12,7 мм. Советский штурмовик Ил-2 (1939) не имел себе равных в борьбе с танками противника и стал самым массовым самолетом войны. Наша промышленность выпустила 36 163 самолетов Ил-2, второе место принадлежит «Мессершмитту» Me-109E, производство которого в Германии составило 33 000 машин. Ил-2 был единственным военным самолетом Второй мировой войны, имев-

шим на вооружении, кроме пушек и пулеметов, 8 реактивных снарядов РС-82 (4 РС-132).

Всего за годы войны в серийное производство нашей авиационной промышленности поступило 25 моделей боевых самолетов и 23 типа авиационных двигателей.

Определенную помощь Советскому Союзу поставками самолетов оказали наши союзники. В начале войны она, к сожалению, носила скорее символический характер. Надо отметить, что Великобритания первой начала реальные, пусть и ограниченные поставки в сентябре 1941 года и до конца года отправила нам 711 самолетов. Основу английской военной авиации составляли дальний бомбардировщик Авро 683 «Ланкастер I» (1939) и бомбардировщик Де Хэвилленд DH98 «Москито IV» (1940). Последний представляет несколько больший интерес, так как это был деревянный двухмоторный самолет с большой скоростью в 611 км/ч, что позволяло его использовать в варианте штурмовика и истребителя дальнего сопровождения. В Советский Союз поставлялись истребители Хокер «Харрикейн II» и Супермарин «Спитфайр V». Последний был основным истребителем Великобритании. Он имел большую скорость и хорошее вооружение — 8 пулеметов 7,69 мм с вариантами установки пушек в крыльях. Всего за войну нам было поставлено 7663 самолета при общем объеме производства английских истребителей в 37 101 самолет.

Что касается Соединенных Штатов, то они не спешили. На переговорах специально приехавшего помощника президента Г. Гопкинса с И. В. Сталиным в конце июля 1941 года было определено, что Советский Союз особенно нуждается в алюминии для производства самолетов и высокооктановом авиационном бензине. Эти запросы были оценены американцами как незначительные, тем не менее удовлетворить их они не спешили. Это отмечал и Франклин Д. Рузвельт: «После начала войны с Россией прошло почти шесть недель, но мы практически ничего не сделали, чтобы доставить им необходимые материалы». Он считал также, что самолеты, предназначенные для продажи Советскому Союзу, не обязательно должны быть последних моделей, а поставки могли носить «символический характер». В результате, как пишет Г. Икес, бывший тогда министром внутренних дел, из запрошенных советской стороной 3000 бомбардировщиков в 1941 году было отправлено только 5. Через четыре с половиной месяца после нападения Германии на СССР, президент распространил закон о ленд-лизе на нашу страну. Первые поставки датированы октябрём 1941 года, до конца которого мы получили всего 204 самолета, вместо согласованных 600. Первый протокол также не был выполнен. В 1942 году из 1474 обещанных самолетов, 687 были потеряны в пути. Всего за время войны нам было отправлено 11 381 американских и 7663 английских самолетов. Потери в пути составили 15%.

Американская авиационная промышленность выпускала дальние бомбардировщики Боинг В-17Г «Фортресс III» (1935), Консолидейтед В-24 «Либерейтор» (1940) и Боинг В-29 «Суперфортресс» (1942). Они широко применялись для нанесения бомбовых ударов по территориям Германии и Японии, но в Советский Союз не поставлялись. Американские истребители Локхид Р-38Е «Лайтининг» (1939), Белл Р-39Д «Эйр-кобра» (1939), Р-40, Р-47 «Тандерболт», Норт Американ Р-51 «Мустанг I» (1940) и другие были предназначены для сопровождения дальних бомбардировщиков, и поэтому за счет запасов достаточно большого количества топлива имели большую дальность полетов, но уступали по боевым качествам, хотя по основным параметрам превосходили наши устаревшие «Чайки» (И-153) и «Ишачки» (И-16). При их эксплуатации возникали и другие трудности. Самолеты часто поступали, укомплектованные по американским нормам, с американской маркировкой и инструкциями на английском языке без перевода, а иногда и в разные порты. Часто они поставлялись не полностью укомплектованными, без монтажно-ремонтного инструмента и запасных частей, резина на колесах самолетов не выдерживала даже малых морозов и т.д.

Впоследствии многие недостатки удалось совместно устранить. Поставки 1941 и 1942 годов составили тогда 18% нашего самолетного парка, а по морской авиации — даже до 29%. Половина амери-

канских истребителей была оставлена на Севере — в составе авиации Северного флота и Карельского фронта. Так, в феврале 1942-го истребительная авиация Карельского фронта имела 44 самолета отечественного производства и 190 иностранного, а авиация Северного флота — соответственно 46 и 44. Обстановка в небе Севера резко изменилась. На американских самолетах советские пилоты защищали ленинградское небо и Дорогу жизни на Ладоге. Американские самолеты появились на аэродромах Балтийского флота Приютино и Гражданка в конце 1943 года. Это были фронтовые многоцелевые двухмоторные, хорошо вооруженные бомбардировщики — штурмовики А-20G «Бостон». Один из них, прибывший в 1944 году, имел на борту надпись на английском языке: «Мы сделаем!». Этот самолет был подарком известного американского актера-комика Рэда Скелтона.

Интересно, что испытал машину в бою и при этом уничтожил фашистский транспорт с военной техникой полярный летчик гвардии старший лейтенант немец Эрих Гептнер. Он погиб на другой машине в бою над Балтикой 1 июля 1944 года. А 2 мая 1996 года ему посмертно было присвоено звание Героя Российской Федерации. Самолет Р. Скелтона был передан командиру звена 3-й Краснознаменной эскадрильи 1-го гвардейского минноторпедного авиационного полка гвардии капитану П. Ф. Стрелецкому. На нем П. Ф. Стрелецкий и штурман Н. Ф. Афанасьев потопили 4 вражеских транспорта и

участвовали в разгроме опорных пунктов врага под Ленинградом. 31 мая 1944 года оба стали Героями Советского Союза.

К сожалению, качество американской техники было не очень высоким. И. В. Сталин в переписке с Ф. Рузвельтом отмечал, что советская сторона крайне нуждается в увеличении поставок истребителей современного типа, но не самолетов «Китихаук», которые не выдерживают борьбы с немецкими истребителями. Отдавалось предпочтение истребителям Р-39D «Эйркор», однако выяснилось, что они часто срываются в штопор, а это не вызывало у самих американцев желания летать на них и рисковать жизнью. Г. К. Жуков также писал о том, что самолеты из США не отличались высокими боевыми качествами. Всего американцы направили для советских ВВС 11 381 самолет разных типов.

С начала войны до сентября 1945-го производство военных самолетов всех типов советской авиационной промышленностью составило 112 100 машин.

Сравнивая качество советских военно-воздушных сил на начало Великой Отечественной войны, следует отметить, что у нас, по сравнению с немцами, было очень низкое качество старых истребителей и фронтовых бомбардировщиков, значительно более высокое качество пикирующих бомбардировщиков и штурмовиков и одинаковое качество истребителей нового типа. Люфтваффе несколько превосходила нас по разведывательным самолетам. Что касается транспортной

авиации, связной и санитарной, то мы были на одинаковом уровне. Самым существенным образом советская авиация отставала по уровню подготовки личного состава, организации аэродромного обслуживания и управления авиасоединениями и, конечно, опыта боевого применения.

Артиллерия считалась у нас главной огневой ударной силой в войне. По качеству боевой техники, организации и способам боевого применения она заслуживает высокой оценки. Такую оценку вынужденно ей дали и немецкие военные, испытавшие силу ее ударов. Так, известный генерал Ф. Меллентин пишет в своей книге, что «Русская артилле-

рия является очень грозным родом войск и целиком заслуживает той высокой оценки, которую дал ей Сталин».

За годы первых пятилеток в стране были созданы мощные металлургическая и станкостроительная промышленности, явившиеся хорошей базой для развития артиллерийского производства, производства качественных сталей, приборов, оптики и пр. Строились новые артиллерийские заводы и реконструировались старые, на производство артиллерийских орудий был переведен целый ряд гражданских предприятий. Основными заводами по производству артиллерийского вооружения были подмосковные заводы №4 им. Ворошилова, №7 «Красный Арсенал» и №8 им. Калинина, Пензенский завод №9, Брянский №13 им. Кирова, Горьковский №92 им. Сталина, Пермский №172, Поволжский №352, Сталинградский №221 «Баррикада» и киевский «Арсенал». Некоторые из них пришлось эвакуировать на восток страны. С 1 января 1939 по 22 июня 1941 года Красная Армия получила от промышленности 29 639 полевых орудий и 52 407 минометов. К началу Великой Отечественной войны, по сравнению с 1940 годом, количество орудий выросло более чем в 1,5 раза.

Непрерывно повышалось качество артиллерии. Создавались специализированные конструкторские бюро, научно-исследовательские институты конструкторского и технологического направлений. Это позволило на основе новейших достижений науки и техники совершенствовать

*Расчет советской
122-миллиметровой гаубицы
М-30 в бою*

устаревающие и создавать новые образцы советского артиллерийского вооружения. Главная роль в этом принадлежала коллективам В. Г. Грабина (орудия типа Ф и ЗИС), И. И. Иванова (орудия типа Б и Бр), Ф. Ф. Петрова (орудия типа МЛ и М), М. Н. Логинова (зенитные орудия), Б. И. Шавырина (все минометы). Именно они создали в предвоенные годы новые образцы орудий, которые по своим технико-техническим данным, как правило, не уступали подобным же образцам артиллерии западно-европейских стран и оставались на вооружении Красной Армии все годы войны.

К началу войны были сняты с производства 122-мм гаубицы образца 10/30, но 122-мм гаубицы М-30 оставались на вооружении; сняты с производства 280-мм гаубицы Бр-5 и 152-мм образца 10/30, но оставлено производство 152-мм гаубиц МЛ-20 и М-10, а также 203-мм; сняты с производства 307-мм гаубицы Бр-18. Из пушек и танковых орудий были сняты с производства 45-мм пушки образца 1937-го, но оставлены 45-мм танковые; сняты с производства 76-мм орудия образца 02/30, Л-11 и Ф-22, оставлена горная пушка образца 1938-го и приняты на вооружение новые 76-мм пушки Ф-32 и Ф-34; сняты с производства 107-мм пушка М-60 и 152-мм пушка образца 10/30; оставлено производство 152-мм Бр-2; 122-мм А-19; начато производство 57-мм пушки ЗИС-2.

Были сняты с производства 76-мм зенитные орудия образцов 15/28 и 1938-го.

Вместо них стали производить принятые на вооружение 25-мм орудия образца 1940 года, 37-мм и 85-мм образца 1939-го. Было прекращено производство минометов 50-миллиметрового образца 1938-го, их заменили на новые образцы 1940 года; аналогичная замена произошла и с 82-мм минометами образца 1936-го, их сменил образец 1941 года.

Многие советские орудия были лучшими в мире: 122-мм гаубицы образца 1938 года, 152-мм гаубица-пушка образца 1937-го, 37- и 85-миллиметровые зенитные пушки образца 1939-го. В тот же период было создано новое мощное оружие — реактивный миномет БМ-13, более известный как «Катюша». Впервые реактивные снаряды М-8 были опробованы в 1939 году на Халхин-Голе. Первый показ этой установки руководителям Советского правительства и военачальникам прошел в июне 1941-го. Четыре машины произвели залп, выпустив за 8-10 секунд по 16 снарядов каждая. 21 июня Комитет обороны при Совете народных комиссаров СССР принял постановление о серийном производстве этого нового вида оружия. Первые партии установок поступили в армию через 10-15 дней. Первый боевой удар 112 ракет М-13 был произведен 14 июля 1941 года под Оршей. На Ленинградском фронте такой удар был сделан 3 августа 1941-го под Кингисеппом. 4 установки БМ-13 за 5-6 секунд обрушили на врага 96 снарядов весом 42,7 килограмма каждый. Командующий группой армий «Север» генерал-фельдмаршал фон Лееб

немедленно после этого залпа доложил в генеральный штаб сухопутных войск, что «русские применили на северном направлении оружие невероятной силы, отчего войска несут значительные потери». Немецкие солдаты называли это «огненным тайфуном» или «огненным ковром». В создании этого вида оружия основная заслуга конструкторов Ю. А. Победоносцева, И. И. Гвая, Л. Э. Шварца, В. А. Артемова, Ф. Н. Пойда, А. П. Павленко, А. С. Попова и А. С. Пономаренко и коллективов многих ленинградских заводов, главными из которых были заводы им. Карла Маркса и им. Калинина.

На вооружении Красной Армии были реактивные системы БМ-8 (калибр снаряда 82 мм) и БМ-13 (калибр 132 мм). Летом 1942 года стали поступать тяжелые реактивные снаряды М-30 (калибр 300 мм), а в 1943-м на Ленинградском фронте появились реактивные снаряды повышенной мощности М-31. Подобного оружия у противника не было.

В ноябре 1941 года на Ленинградском фронте появился первый в Красной Армии полк реактивной артиллерии, полностью снаряженный заводами блокированного Ленинграда. Установки были созданы заводом им. Карла Маркса в кооперации с 40 другими заводами, а снаряды производились заводом им. Калинина в кооперации с 52 предприятиями.

В апреле 1942-го на Ржевском полигоне под Ленинградом были проведены испытания новых тяжелых турбореактивных фугасных ракет вращательного

Реактивная система БМ-13

типа М-28, которые начали производить на Невском машиностроительном заводе и заводе им. Калинина. В июле под Урицком реактивные установки М-28 дали первый залп по противнику из 396 ракет. Одновременный разрыв такого количества мощных снарядов морально подействовал не только на немецких солдат, но и на нашу пехоту. Аналогов этим установкам в мире не было.

Работу ленинградских оружейников заметил И. В. Сталин. В беседе с членом Военного совета Юго-Западного фронта Н. С. Хрущевым он указал последнему на то, что в организации обороны на местах надо больше рассчитывать на собственные силы, и в качестве примера умелого подхода к делу сослался на блокированный Ленинград.

Примерно 40% артиллерийских систем, находившихся на вооружении Красной Армии, было создано и произведено в ходе войны. Цикл их освоения был необычно коротким — всего 2-3 месяца вместо 1-2 лет в мирный довоенный период. Так, 152-мм гаубица Д-1 была скон-

струирована в Конструкторском бюро Ф. Ф. Петрова в 1943 году всего за 18 дней, а ее массовый выпуск был освоен за полтора месяца. В кратчайшие сроки также были разработаны 45-мм и 57-мм противотанковые пушки М-42 образца 1942-го и ЗИС-2 образца 1943-го, 76-мм дивизионная пушка ЗИС-3 образца 1942-го и 100-мм полевая пушка БС-3 образца 1944 года. Производство последней началось на одном из ленинградских заводов по чертежам опытного образца сразу после прорыва блокады. Как уже отмечалось выше, наш средний танк Т-34, признанный лучшим танком Второй мировой войны, имел на вооружении 76-мм пушку Ф-34, которую заменили в 1944 году новой, более мощной 85-мм пушкой ЗИС-С-53. Тяжелый танк ИС был вооружен 85-мм пушкой Д-5Т, затем замененной на 122-мм пушку Д-25Т.

Важнейшим этапом в развитии артиллерии в период войны стало появление нового типа артиллерии. Главные конструкторы танков Н. А. Астров, А. А. Морозов и Ж. Я. Котин совместно с конструкторскими бюро В. Г. Грабина и Ф. Ф. Петрова, используя танковые шасси, создали самоходную артиллерию. В самом начале войны мы столкнулись с немецкими самоходными 150-мм гаубицами siG-33, которые довольно легко уничтожались советскими танками, так как тогда еще не имели бронебойных снарядов и были малоустойчивыми — при малейшем крене просто-напросто опрокидывались. Другая немецкая самоходная установка Pz

Jag 1В имела слабое бронирование, поэтому тоже легко уничтожалась. Красная Армия получила в 1943 году мощные бронезащищенные и мобильные САУ СУ-76 на базе легкого танка Т-70 с пушкой ЗИС-3 и СУ-85 на базе среднего танка Т-34 с пушкой Д-5С. Они хорошо зарекомендовали себя в обороне при отражении вражеской пехоты и в наступлении при борьбе с танками и подавлении немецких огневых точек.

Позднее на базе немецких трофейных танков PzKpfw-III была создана самоходная установка СУ-76 И. В 1943 году появились ИСУ-122 с пушкой А-19. Она прекрасно показала себя на поле боя, но установленная на ней короткоствольная гаубица не смогла эффективно бороться с новыми немецкими танками «Тигр», так как имела малую начальную скорость снаряда и отдельное заряжание. Вместо нее стали ставить зенитную 85-мм пушку. Она дала достаточно высокую эффективность, и в конструкторском бюро Л. Н. Горлицкого на ее основе создали танковую пушку Д-25С. Так появилась САУ СУ-85, длинноствольная с увеличенной скорострельностью пушка которой позволяла с расстояния в 1000 метров пробивать броню толщиной 100 мм. СУ-85 отлично зарекомендовала себя в борьбе с модернизированными немецкими танками PzKpfw-III и PzKpfw-IV, однако появление в большом количестве «Тигров» и «Пантер» с толщиной брони 80 и 250 мм потребовало от наших конструкторов разработать специально для

САУ новую 100-мм пушку. Это было сделано на базе морской зенитки. Так в июле 1944 года на смену СУ-85 пришла СУ-100, которая считалась одной из лучших противотанковых самоходных артиллерийских установок Второй мировой войны. Она тоже подверглась модернизации: установке командирской башенки, жидкостного подогревателя, нового воздухоочистителя и, главное, приборов ночного видения.

В 1943 году на базе шасси тяжелого танка КВ-1С было начато производство САУ ИСУ-152 с гаубицей-пушкой МЛ-20. Советские самоходные артиллерийские установки создавались в рекордно короткие сроки (от 2-х месяцев до 2-х недель), так как на уже производимые серийные танковые шасси устанавливались уже выпускаемые промышленностью артиллерийские орудия. Их надо было просто приспособить друг к другу. Иной была ситуация, когда возникали принципиальные трудности размещения мощных артиллерийских орудий в серийные танковые шасси, что требовало существенного изменения конструкции артиллерийской части.

За период войны нашим конструкторам удалось значительно улучшить тактико-технические качества артиллерийского вооружения Советской Армии: в 1,5 раза возросла скорость полета снарядов; в 1,6-2,2 раза увеличились калибры танковых и противотанковых орудий; в 5 раз увеличилась бронепробиваемость, значительно улучшилась маневренность артиллерийских систем за счет облег-

чения их веса; очень резко увеличился удельный вес автоматического пушечного вооружения авиации.

Несколько слов об осадной артиллерии. Не имея возможности взять Ленинград, противник перешел к систематическим обстрелам города из тяжелой артиллерии. Юго-восточнее Ораниенбаума, в районе села Беззаботное была создана очень сильная артиллерийская группировка осадных орудий калибра от 420 до 800 мм, в том числе 240-мм пушка «Рейн-металл» с дальностью стрельбы 36-45 км, 400-мм мортира «Толстая Берта», 400-мм гаубица, выстреливавшая снаряд весом в 900 кг и др. Командование Ленинградского фронта в качестве противодействия 19 сентября 1943 года создало специальный 3-й Ленинградский контрбатареинный артиллерийский корпус с пушками калибра 152 мм. К контрбатареинной борьбе были привлечены также 58 орудий Балтийского флота калибра 130-356 мм.

Следует особо отметить, что артиллерия кораблей флота, береговая артиллерия имели важное значение в обо-

*Осадная мортира
«Толстая Берта»
калибра 420 мм*

роне Ленинграда. В мае 1942-го была создана специальная оборонительная полоса Краснознаменного Балтийского флота. Вдоль набережной Лейтенанта Шмидта были поставлены военные корабли: у 19-й линии стоял крейсер «Киров», у Горного института — линкор «Октябрьская революция», напротив Медного всадника — недостроенный крейсер «Петропавловск», которые своей артиллерией калибра 180-305 мм активно помогали фронту. Кроме них по Неве были рассредоточены эскадренные миноносцы «Сильный», «Суrowsкий», «Грозный», «Статный», «Строительный» и «Скорый», имевшие на вооружении 130-мм орудия.

Подводя итоги сравнения советской и немецкой артиллерии, следует сказать, что с самого начала войны качество наших отечественных орудий большой мощности и резерва главного командования, а также минометов было лучше немецких; корпусной, дивизионной и противотанковой артиллерии — значительно лучше; полковой и зенитной артиллерии — на одинаковом уровне. Подготовка личного состава нашей артиллерии была лучше, чем немецкой, а организационно-штатная структура — на одинаковом уровне. Мы значительно отставали по обеспеченности средствами тяги. И, естественно, у нас отсутствовал необходимый боевой опыт.

Поставки артиллерийских орудий по ленд-лизу были незначительны, но в первый период войны противотанковые и зенитные орудия сыграли довольно большую роль. По первому протоко-

лу, США поставили нам только 5 364 тонн артиллерийского вооружения. Великобритания за весь период войны поставила нам всего 548 противотанковых, 385 зенитных и 75 морских пушек, а также 253 миномета.

Для Советского Союза более важными были поставки взрывчатых веществ и пороха, в них мы остро нуждались. В Ленинграде пороха практически не было, и проводилась огромная работа по изысканию заменителей дефицитных взрывчатых веществ и производству новых материалов для снаряжения боеприпасов. На 1 октября 1941 года в городе оставалось меньше 300 т взрывчатки. На заводе «Объединенный Металлист» стояли 18 000 корпусов авиабомб, которые необходимо было заполнить взрывчаткой, а ее не было. США поставили в этот период более 100 000 т пороха, взрывчатых веществ, толуола и тринитротолуола для производства бомб, снарядов и других боеприпасов. Из них 16 237 т взрывчатых веществ и 29 746 т боеприпасов попали в Ленинград и помогли обеспечить стабилизацию фронта, а затем победу под Тихвином. Г. К. Жуков отмечал, что «у нас не было взрывчатки, пороха. Не было чем снаряжать винтовочные патроны. Американцы по-настоящему выручили нас с порохом и взрывчаткой». За период войны мы получили от них 360 181 т взрывчатых веществ и 21 217 т боеприпасов, также 71 904 т боеприпасов и пороха мы получили от Великобритании, 17 033 т пороха поставила Канада.

К началу Великой Отечественной войны Красная Армия имела самые разные виды стрелкового вооружения. Накануне войны его производилось в среднем около 1 миллиона 800 тысяч единиц в год. С начала войны производство резко увеличилось. Так, в 1940 году было выпущено около 1 миллиона 300 тысяч винтовок и карабинов, а в 1942-м. — уже 3 миллиона 700 тысяч. Это были 7,62 мм винтовки Мосина образца 1891/30 и 7,62 мм карабин Мосина образца 38/44, 7,62 мм самозарядная винтовка СВТ-40 и 7,62 мм автоматическая винтовка АБС-36. Производство последних составило в начале войны 1 031 900 и 65 800 единиц соответственно. Вместо автоматической винтовки АБС-36 с 1940 года на вооружение была принята автоматическая винтовка АБС-40. В немецкой армии использовались 7,92 мм винтовка М98 «Маузер», самозарядная 7,92 мм винтовка G-41 и 7,92 мм карабин 98к образца 35. По прицельной дальности стрельбы и скорострельности они были примерно на одинаковом уровне с нашими.

Производство пистолетов-пулеметов в 1942 году увеличилось в 16 раз и достигло 1,5 миллионов штук. Пистолет-пулемет ППД-34 был снят с производства и заменен на пистолет-пулемет ППШ-41. Одновременно использовался пистолет-пулемет ППС образца 1943 года. Пистолет-пулемет Г. С. Шпагина имел значительно меньшую трудоемкость при его изготовлении, что позволило в сентябре-декабре выпустить более 95 000

единиц, а пистолет-пулемет А. И. Судаева удалось произвести даже в тяжелейших условиях ленинградской блокады в количестве 45 000 штук. Они имели калибр 62 мм и превосходили по скорострельности немецкий 9 мм пистолет-пулемет MP-40.

В немецкой армии использовался также финский 9 мм пистолет-пулемет М31 «Суоми», равноценный советским. В Красной Армии широко использовались крупнокалиберный пулемет ДШК и станковый пулемет «Максим», производство которого возросло с 10 000 штук в 1940-м до 55 000 в 1942 году. В вермахте использовался менее скорострельный крупнокалиберный пулемет TUF-18. Очень важно было сконструировать противотанковые ружья. В немецкой армии использовалось противотанковое ружье PzB-39, имевшее прицельную дальность стрельбы 20 м и скорострельность 8-10 выстрелов/мин. В Красной Армии использовалось противотанковое ружье Н. В. Рукавишникова образца 1940 года, имевшее прицельную дальность стрельбы до 35 м. Для поражения легких и средних танков противника В. А. Дегтярев сконструировал 14,5 мм противотанковое ружье ПТРД, а С. Г. Симонов — ПТРС, производство которых в 1942-м достигло 20 000 единиц в месяц.

В 1944 году на вооружение вермахта поступил реактивный противотанковый гранатомет «Панцешрек» — переделанная американская «Базука». Он пробивал броню толщиной до 200 мм. В Советском Союзе такого оружия не было. В качестве личного оружия офицеры Красной Армии

имели пистолет ТТ и револьвер «Наган»-95 калибра 7,62 мм, а в вермахте применялись пистолеты Р-38 «Вальтер» калибром 7,92 и «Парабеллум»-08 калибром 9 мм. Прицельная дальность стрельбы у них одинаковая, а скорострельность у «Нагана» чуть меньше. На южных подступах к Ленинграду в августе сложилась наиболее тяжелая обстановка. С лужского плацдарма начал наступление 41-й немецкий моторизованный корпус, а через два дня на новгородском направлении начал действовать 56-й моторизованный корпус.

В начале войны большинство патронных заводов были эвакуированы на восток страны, но быстро восстановили свою деятельность на новом месте. Производство было усовершенствовано. Конструктор Л. Н. Кошкин разработал специальные роторные автоматы, что позволило резко увеличить выпуск продукции. Только за 1944 год было выпущено 7,4 миллиарда штук боевых патронов.

Как отмечалось выше, в Красной Армии не хватало средств тяги, тракторов и автомашин. Правительство Советского Союза сумело к началу войны создать специализированное автомобильное производство и наладить массовый выпуск автомобилей. В 1937 году в общемировом производстве автомобилей наша страна занимала 6-е место, а по выпуску грузовых машин — 2-е в мире и 1-е в Европе. В стране было построено несколько крупных автомобильных заводов, в том числе в Москве, Горьком, Ярославле, Рыбинске, Ростове-на-Дону и других городах.

Они выпускали три типа грузовых автомобилей, грузоподъемностью 1,5, 3 и 5 т; два типа трехосных грузовых автомобилей (ЗИС-6 и ГАЗ-ААА); два типа автобусов и три типа легковых машин. В начале войны практически все машины направлялись в действующую армию, но оказались недостаточно приспособленными к фронтовым условиям. Требовалось значительное улучшение качества, увеличение грузоподъемности и проходимости.

В Красной Армии в начале войны было 55 100 грузовых автомобилей ГАЗ-ММ, 104 200 ЗИС-5 и около 20 000 ЗИС-6. Их грузоподъемность была невелика — от 1,5 до 3 т. Было также небольшое количество большегрузных автомобилей (от 5 до 8 т) ЯГ-6 — 1 600 машин и ЯГ-10 — всего около 200 единиц. Вермахт имел грузовики Kfz-81 и «Opel Blitz», а также полугусеничный транспортер Р-107 (f). Скорость немецких машин — примерно такая же, но запас хода несколько больше. Указанные автомашины служили основным транспортным средством перевозки личного состава, военной техники и вооружения, буксировки прицепов и полуприцепов. Только с 1943 года наша промышленность смогла освоить производство грузовых автомобилей повышенной проходимости, полугусеничных тягачей ЗИС-42 и артиллерийских тягачей Я-12.

Изготавливались также специальные автомашины для полевых электро- и радиостанций, подвижных ремонтных мастерских, прожекторных и реактивных установок, медицинского транспор-

та, топливо-маслозаправщиков, походно-зарядных станций и т.д. Тем не менее, наша армия по сравнению с немецкими средствами передвижения и транспортировки была обеспечена крайне слабо, особо это касается пехотных подразделений. Острейшая проблема, когда даже механизированные и танковые корпуса нам приходилось направлять на фронт без машин, была снята поставкой «Доджей ¾», «Студебеккеров» US-6 и US-6x4, «Остинов», «Фордов-6», «Шевроле», «Виллис» и др. Уже к осени 1942 года в нашей армии насчитывалось 24 500 зарубежных грузовиков, джипов, тягачей, трейлеров, броневездеходов и автомобилей специального назначения. Часть из них направлялась в народное хозяйство.

Особенно широко использовались американские и канадские автомашины, поставляемые по ленд-лизу, во второй половине войны. Американцы отгрузили нам за весь период войны 401 400 автомобилей разного типа и назначения. Использовались также трофейные автомобили. К концу Великой Отечественной войны автомобильный парк армии вырос до 664,5 тысяч машин, в том числе автомобили и автотягачи отечественного производства составляли 58,1%, импортные — 32,8% и трофейные — 9,1%.

Важное место в американских поставках занимали нефтепродукты, главным образом — высокооктановый бензин и компоненты для его производства. Они были ограниченными, но для авиации имели особое значение. Поставляемые союзниками самолеты на другом бензине про-

сто не летали, а в СССР он еще не производился. Скорость советских самолетов, заправленных высокооктановым бензином, резко возрастала. В сумме поставки американского бензина и нефтепродуктов по ленд-лизу в августе 1941-го — сентябре 1945 годов составили 2 миллиона 599 тысяч тонн, что в 1,4 раза превышало собственное производство Советского Союза, в отличие от автобензина, доля которого составляла только 2,8%. Правда, следует отметить, что для Ленинграда эти поставки имели особое значение. В блокированном городе был большой дефицит бензина. В декабре 1941-го и январе 1942-го оставалась смесь из бензина, солярового масла и спиртов, которая строго лимитировалась для организаций. Американские поставки бензина позволили в 1942 году построить на Ладожском озере подводный трубопровод для снабжения горючим Ленинградского фронта и Ленинграда.

Средства связи являются основным средством управления войсками. Начавшаяся война показала недостаточную подготовленность и уязвимость при действиях противника использовавшихся стационарных линий и узлов связи, а также проводных телефонных линий во фронтовых условиях. К началу войны не хватало телеграфных и телефонных аппаратов, полевого кабеля, радиостанций и др. Все это сильно затрудняло управление войсками на всех уровнях. Нам помогли союзники. Великобритания поставила значительное количество средств связи, в том

числе 7041 радиостанцию и 1648 радиолокаторов, Канада прислала 300 радиостанций №19 и 216 радиолокаторов. Поставки США различного имущества связи составили 37 682 т, в том числе 422 000 полевых телефонов. С 1942 года важнейшим средством управления войсками стало радио, что позволило непрерывно поддерживать оперативную связь между всеми разнородными силами и средствами, участвующими в боевой операции.

Учитывая потерю в первый период войны больших площадей сельскохозяйственных угодий и значительный отток рабочей силы из сельского хозяйства в армию и военную промышленность, надо отметить, что поставки продовольствия по ленд-лизу были существенной добавкой в «солдатский котелок». Всего нам было отгружено с 1 октября 1941-го по 30 июня 1945 года 4 330 534 брутто-тонны или одна треть от согласованного количества.

Нам поставлялись также мясные консервы в виде тушенки. Такого продукта американцы не знали, его производство было освоено на нескольких заводах по советским рецептам и технологии. Всего мясных консервов они поставили 664 600 т. Было также освоено производство борща из толченой свеклы и других русских супов: картофельного, лукового и морковного. Они выпускались в небольших пакетах объемом со спичечный коробок и разбавлялись кипятком. Один пакетик на миску супа.

Американцы поставляли в Советский Союз сушеные бобы, горох, овощи, фрукты

и другие концентраты. Поставлялось белое мягкое сало лярд для намазывания на хлеб, яичный порошок, сухое и сгущенное молоко, пакетики чая на одну заварку.

Специально для поставок была разработана технология обезвоживания продуктов. В таком виде они легче паковались, занимали мало места на кораблях и хорошо сохранялись в различных погодных условиях, не требуя холодильников. Все это привело к разработке новой технологии обработки пищи и методике сохранения ее питательной ценности, что широко используется сегодня в мировой пищевой промышленности.

Важно заметить, что по распоряжению И. В. Сталина американские продовольственные грузы пошли широким потоком без всяких задержек в блокированный Ленинград. Первый поезд с американской мукой прошел к Ладожской трассе 2 января 1942 года.

С января 1947-го все поставки союзников по нашим соглашениям, в том числе и продажам в кредит заказанных ранее товаров, были прекращены.

*Юрий Иванович Колосов,
академик Академии военно-исторических наук, президент Ассоциации историков блокады и битвы за Ленинград в годы Второй мировой войны, председатель Правления Региональной общественной организации «Юные участники обороны Ленинграда», участник Великой Отечественной войны, блокадник*

событиях: политического мужества или жажды жизни — спор об этом ведут специалисты по новейшей истории, сама же история вписала их в свою летопись навсегда.

Историю делают личности. Зимой 1942 года известный ленинградский искусствовед, декан факультета истории искусств Академии художеств Лев Пумпянский начал писать стихи о своем любимом музее — Эрмитаже. Они не предназначались для опубликования: были своего рода «формой фиксации» внутренней жизни ленинградского ученого — блокадной жизни, в которую он не допускал отчаяние и душевную опустошенность. В цикл входили стихотворения о шедеврах Фландрии, Голландии, Франции, античности... Стихи же увидели свет недавно, в парижском издательстве «VICTOR EDITIONS», опубликовавшем сборник «Эрмитаж»: блокадную лирику и блокадные письма Пумпянского дочерям. «Мы с сестрой были очень привязаны к отцу, — вспоминает София Пумпянская. — Он много рассказывал нам, водил в музеи. До сих пор помню ошеломляющее впечатление от встречи с «Последним днем Помпеи» и от первой выставки Валентина Серова». Четырнадцатилетние Раиса и София Пумпянские были эвакуированы летом 1941 года. «Вчера получили твое письмо, где ты так мило и тепло вспоминаешь наши беседы об искусстве, картины голландских художников, книги... Мне было очень приятно, что то небольшое, что я смог дать тебе в этом направлении жи-

вет в твоей душе, — пишет Пумпянский дочери. — Вспоминаем вас, стараемся себе представить, что вы делаете, может быть, в свою очередь вспоминаете родной дом... У нас особых перемен нет, хотя живем более трудно и напряженно, чем прежде... Нужны выдержка и бодрость. Зима стоит легкая... Питаемся удовлетворительно. Любящий вас папа». Ни слова о ленинградской реальности, о смертельных морозах и голоде, о бомбежках и смертях...

Рисунок В. В. Милютиной
из серии «Эрмитаж в блокаду».
1942 год. Бумага, уголь.

Пробоина в стене, выходящей на кухонный двор.
Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Пумпянский, бродя по пустому Эрмитажу, идя на работу в Академию художеств, по памяти, мысленно восстанавливал довоенное убранство залов, сосредотачиваясь на любимых произведениях, вновь вдохновляясь ими и скорбя об утраченном. Вот лишь одно из стихотворений цикла:

Антуан Ватто. «Мецетен»

Тебя давно нет в Эрмитаже,
Ты продан в рабство, Мецетен!
Тебя купил на распродаже
Американский джентельмен.
Но тишину старинных стен
Ты вспомнишь, я уверен, даже
И в небоскребах Manhattan,
И в буржуазном бельэтаже.
Порой, гуляя по Brodway,
Ты вспомнишь, точно в лунном мире,
Неву и бронзовых коней,
Исакий в снеговой порфире...
Так грусть о Северной пальмире
Вплелась в излом твоих бровей!

Читая цикл «Эрмитаж», даже отлично знающий этот музей человек, несомненно, восхитится помимо образности абсолютной точностью описания живописных произведений и скульптур, погружающей в неповторимую эрмитажную ауру. «Стараемся не падать духом перед трудностями... Час нашего свидания приближается», — это письмо датировано 27 февраля 1943 года. 5 марта Льва Пумпянского не стало. Ему было 53 года.

Осенью и зимой 1941 года эрмитажные бомбоубежища населяли 2000 человек. Здесь жили не только сотрудники

Эрмитажа и их семьи, но и многие известные деятели науки и искусства. Выйдя из бомбоубежищ, их обитатели расходились в служебные комнаты Эрмитажа, кто-то отправлялся по набережной Невы в Академию художеств, кто-то — в Академию наук. Пожилые женщины и дети собирались в эрмитажном Школьном кабинете. Черно-белая картина: Нева, вмерзшие в лед у набережной корабли, шпиль Петропавловской крепости, затянутый бурным чехлом. Светомаскировки на больших музейных окнах нет. И зажигать свет не разрешается. Да его и нет, света. Лишь свечи, с еще дореволюционных времен чудом сохранившиеся в эрмитажных подвалах. Ими пользовались только в бомбоубежище, ибо в залах, пустых и холодных, находиться с огнем даже едва тлеющей свечи нельзя — может случиться пожар.

Какими они были, блокадные помещения Эрмитажа? Какими были его истощенные обитатели? Послевоенные поколения никогда не узнали бы об этом, если бы не рисунки тех, кто жил и работал здесь. Ведь фотографировать в осажденном городе с самого начала войны было категорически запрещено. Все фотоаппараты и радиоприемники по приказу городских властей необходимо было под угрозой наказания по закону военного времени сдать. Сотрудник Эрмитажа, художник, академик архитектуры, Александр Никольский, день за днем, «шаг за шагом», рисовал Эрмитаж. Так родилась подлинная «видеолетопись» музейной жизни. Эти рисунки на-

*Рисунок архитектора А. Никольского
из серии «Эрмитаж в дни блокады». 1941-1942 гг. Бумага, карандаш.
Школьная комната (из 1-й тетради: рисунки переходов, залов и комнат Эрмитажа).
Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург*

ходятся ныне в эрмитажных фондах рядом с шедеврами величайших мастеров графики. С начала войны в бомбоубежища были превращены многочисленные дворцовые подвалы. Сотрудники музея заложили низкие подвальные окна кирпичом, навесили железные двери, сколотили топчаны. Низкие своды, дрожащий свет, пустые подрамники, угрюмые фаса-

ды эрмитажных зданий, выбитые стекла великолепных окон... Такой оживает на рисунках блокадная летопись. Альбом Никольского, рисунки эрмитажных художников В. Милутиной и В. Кучумова, зафиксировавшие вид залов в дни блокады и причиненные им разрушения, стали одним из главных свидетельств мемориального собрания Эрмитажа, посвящен-

ного Великой Отечественной войне. Эти рисунки были фактами обвинения на Нюрнбергском процессе, где выступал академик Орбели, в военную пору — директор Эрмитажа.

До войны многие окна парадных залов Зимнего дворца хранили уникальные экспонаты: автографы гостей и хозяев, сделанные бриллиантами перстней. Зафиксировать, скопировать их не успели, а при уборке битого стекла после воздушных налетов и обстрелов о них, вероятно, забыли — не до того было, осколки просто не стали рассматривать. Сегодня окна Эрмитажа сохранили только один такой автограф — на стекле окна, выходящего на Неву у северо-западного угла Зимнего. Предположительно его сделала императрица Александра Федоровна, сообщившая современникам и потомкам, что 17 марта 1902 года «Ники» (Николай II) отсюда смотрел на гусар.

«Научная работа очень облегчила нам тяжелую жизнь. Те, у кого день был занят работой, легче переносили голод. Чувство голода со временем переходило в физическое недомогание, мало похожее на желание есть в обычных условиях, и так же, как всякое недомогание, оно легче переносилось в работе... Мои научные статьи, написанные в Ленинграде зимой 1941-1942 года, удовлетворяют меня более, чем некоторые из выполненных в мирной обстановке. И это понятно: в ту зиму можно было или не писать, или писать с боль-

шим подъемом, среднее исключалось вовсе»². Эрмитаж продолжал сохранять бесценное: научный потенциал и свободу мысли. Научной работой сотрудники Эрмитажа занимались в промежутки между бомбежками и артобстрелами. Осенью и зимой 1941 года бывало по полтора десятка воздушных тревог в сутки. По ночам к противовоздушным постам сотрудники добирались по абсолютно темным залам. Они пытались привыкнуть и не могли к гулкой пустоте дворцовых залов. (Эта гулкая пустота, кирпичные «ссадины» изуродованных осколками стен, сама страшная и величественная атмосфера блокадного Эрмитажа воссозданы в великолепной ленте Александра Сокурова «Русский ковчег»). Особенно рельефной, эмоционально окрашенной становилась изумительная архитектура и декор. Бомбежки разрушали город. Залы озарялись отсветами близких пожаров и огнем зажигательных бомб, догоравших у стен Зимнего. Еще одно свидетельство повседневного мужества: во время многочасовых бомбежек сотрудники Эрмитажа коротали время, читая научную литературу. Причем книги эти брали с собой на посты, положив в сумку от противогазов, за что «получали нагоняй от Орбели: за пояс книги надо совать!».

«Андрей Яковлевич Борисов дежурил в Темном коридоре. В ожидании очередной бомбежки мы встречались с ним на границе наших пожарных постов в Ро-

² Б. Б. Пиотровский. Страницы моей жизни. — СПб: «Наука», 1995. — С. 196.

*Рисунок В. В. Милютиной
из серии «Эрмитаж в блокаду».
1942 год. Бумага, карандаш.
Разбитое окно в одном из залов Зимнего дворца
(вид на Александровскую колонну).
Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург*

тонде и читали друг другу курсы лекций. Он меня знакомил с основными проблемами семитологии, я же обучал его археологии. Нас очень беспокоило, что в случае нашей гибели все то, что нам удалось узнать, но еще не удалось опубликовать, сделать достоянием науки, общим знанием, уйдет вместе с нами, пропадет навсегда, и кому-нибудь надо будет впоследствии

все начинать сначала. Мы приходили к решению: надо писать, писать, писать немедленно, не откладывая»,³ — вспоминал Б. Б. Пиотровский. Профессор Борисов был лишь на несколько лет старше Пиотровского, они дружили со студенческих времен. Они совершенно не задумывались о том, что совершают подвиг вот этой самой повседневной работой. Они просто так жили, потому что не могли иначе.

Служебные приказы по Эрмитажу блокадного времени отражают активнейшую жизнь, в них четко сформулированы задания по охране музея, отправке сотрудников в армию, на оборонные работы, перемещения в должности и дисциплинарные взыскания вплоть до увольнения. Увольнение означало зачастую лишение рабочей продовольственной карточки, а значит, неизбежную смерть. Но иначе было нельзя: таковы законы военного времени.

Приказ №206 от 25 июля 1941 года

24-го сего июля старший научный сотрудник отдела Запада Соловейчик Р. С., уходя с работы, вечером оставила освещенным запечатое и опломбированное ею музейное помещение, не сдав ключей в охрану.

Приказываю: уволить Соловейчик Р. С. с сего числа с работы в Эрмитаже, провести немедленно расчет.

*Директор Эрмитажа
академик Орбели*

³ С. Варшавский, Б. Рест. Подвиг Эрмитажа. — Лениздат, 1985. — С. 82.

*Рисунок В. В. Милютиной из серии «Эрмитаж в блокаду». 1942 год. Бумага, акварель.
Зал Рембрандта.
Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург*

Приказ №278 от 12 ноября 1941 года

11 ноября постовая охраны Герц В. К. явилась утром на пост с опозданием, а вечером, выйдя вновь на работу, опять-таки опоздала.

Приказываю уволить Герц В. К. с работы в Эрмитаже немедленно.

Директор Эрмитажа академик Орбели⁴

Помимо голода, холода и бомбежек Эрмитаж уничтожала вода. Первая же блокадная весна нанесла музею катастрофический ущерб. Оттепель принесла в промерзшие залы Эрмитажа не весеннее тепло, а гибельную сырость. Она «взрывала» штукатурку, уничтожала фрески, разрушала живопись плафонов.

⁴ См.: Архив ГЭ, ф. 1, оп. 18, ед. хр. 147.

Вот описание одного, самого обычного блокадного дня. «Я с ужасом увидела, что фарфор весь затоплен. Сбегав за высокими резиновыми сапогами, мы спустились в темный подвал. Вода стояла по колено. От наших движений образовывались волны, которые еще выше поднимали уровень воды. Многие предметы, заполнившись песком и грязью, оказались под водой. Осторожно двигаясь, чтобы не наступить на хрупкий фарфор, мы стали наощупь вытаскивать вещь за вещью. Эти поиски во мраке, это хождение по воде и то, как мы, нагружившись фарфором, поднимались по темной крутой лестнице, не видя ступенек, нащупывая их ногами, казалось нам впоследствии невероятным, каким-то головоломным акробатическим номером, и мы диву давались, что ничего не разбили.

Многие вещи утратили инвентарные номера, и это могло создать невообразимую путаницу в музейном учете; сотни отмокших бумажных ярлычков плавали в подвале, а номерные обозначения, выведенные на вещах водостойкой эмалевой краской, от продолжительного пребывания в воде набухли и отваливались кусками. Делать все приходилось одновременно — и чистить, и мыть, и восстанавливать номера»⁵.

Архив Эрмитажа хранит трагические свидетельства невосполнимого — свидетельства о смерти своих сотрудников. Как

гласят бесстрастные документы, список штатных сотрудников блокадного музея сократился «по причинам естественной убыли». В 1944 году, когда Совет Народных Комиссаров СССР вынес решение о восстановительных работах в Эрмитаже, музей подвел предварительные печальные итоги потерь. «Из числа научных сотрудников на фронтах погибло шестеро, а в блокированном Ленинграде умерло 43 человека. Потери среди рабочего и административного персонала были значительно большими. В здания музея попали две авиационные бомбы и 17 артиллерийских снарядов, причинивших большие разрушения»⁶.

27 января 1944 года была полностью снята блокада Ленинграда. То была больше чем радость, то было предвосхищение Победы. По неостывшим впечатлениям блокадной поры эвакуированный в Ереван Б. Б. Пиотровский написал доклад о жизни Ленинграда, прозвучавший на собрании сотрудников Армянского филиала АН СССР. Доклад имел колоссальный успех, и было решено немедленно издать его в виде книги. Интересные графические рисунки к нему сделал М. Н. Мох. Увы, книга так и не вышла в свет: ее запретили по цензурным соображениям — книги о блокаде Ленинграда могли быть изданы только с визой Ленинградского обкома партии. Позднее, уже в середине 1960-х годов, рукопись была использована С. Вар-

⁵ С. Варшавский, Б. Рест. Подвиг Эрмитажа. — Лениздат, 1985. — С. 120-121.

⁶ Эрмитаж: история и современность. Под ред. В. А. Суслова. — М.: «Искусство», 1990. — С. 68.

*Рисунки архитектора А. Никольского.
Серия «Эрмитаж в дни блокады». 1941-1942 гг. Бумага, карандаш
Третье бомбоубежище под Итальянским залом (из 2-ой тетради. Рисунки бомбоубежища)
Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург*

шавским и Б. Рестом при их работе над монографией «Подвиг Эрмитажа».

«Сегодня были с В. Гаршиным у Ильина... Старику 86 лет, он наполовину парализован, поддерживает голову рукой. Но левый, непарализованный профиль до сих пор прекрасен... Я спросила, где сейчас тот отдел, которым заведовал профессор. Он ответил, что отдел был эвакуирован, как только городу стала угрожать опасность от бомб.

— Почему же вы сами остались?

— Куда же я поеду? Мне 86 лет, а мои коллекции вечно молоды. В первую очередь надо было думать о них...

На прощание Ильин еще раз похвалил свою комнатку, в которой он умышленно отказался от радио, чтобы не слышать сигналов воздушной тревоги и не волноваться раньше времени... Написала для заграницы очерк об Ильине. Назвала «Чистое золото», — записала Вера Инбер в своем блокадном дневнике 4 июня 1942 года. Профессор Ильин,

переживший унижительное «орабочение» Эрмитажа и «вычищенный» из его рядов за чуждое классовое происхождение, был выше обиды на лживую сиюминутность — он служил вечному. Ильин умер в своем блокадном кабинете, сидя за столом, приводя в порядок завещанную Эрмитажу коллекцию старинных монет.

В первые же дни войны основные сокровища Эрмитажа были отправлены в эвакуацию. Первый железнодорожный эшелон состоявший из багажных вагонов с бесценным грузом увез около полумиллиона экспонатов Эрмитажа уже 30 июня 1941 года. Только один человек знал куда направляется эшелон — его маршрут следования и место прибытия были строго засекречены — В. Ф. Левинсон-Лессинг. Он же был назначен директором филиала Эрмитажа, разместившегося в Свердловске. В 1942 году Левинсон-Лессинг ездил из Свердловска в Ленинград, что-

бы привезти из осажденного города книги и другие материалы, необходимые для научной работы его эвакуированных коллег. Та поездка спасла жизнь нескольким сотрудникам музея, умиравшим от голода в осажденном городе: Левинсону-Лессингу удалось добиться разрешения на их немедленную эвакуацию. В Свердловске, интенсивно работая в филиале Эрмитажа, он преподавал студентам истфака Московского университета, эвакуированного в этот же город.

«Бывают странные сближения...» Знак судьбы: ящики с эрмитажными коллекциями были размещены в мрачно знаменитых подвалах Ипатьевского особняка, где в 1918 году был расстрелян Николай II и его семья (остальные экспонаты были размещены в Картинной галерее и костеле Свердловска). Второй эшелон отбыл из Ленинграда 20 июля — он увез около 700 тысяч экспонатов. Третий эшелон из Ленинграда уйти не успел.

В основном из экспонатов этого третьего эшелона к 7 ноября 1944 года была устроена выставка памятников искусства и культуры, оставшихся в Ленинграде во время блокады. Она разместилась в Павильонном зале и галереях по сторонам Висячего сада. К выставке готовились тщательно, без всяких скидок на военное время, решив показать хотя бы часть Эрмитажа во всей его довоенной красе. Для этого нужно было в короткие сроки произвести титаническую работу: убрать около 30 кубометров песка, которым были засыпаны полы, натереть око-

*Рисунок В. В. Милютиной из серии «Эрмитаж в блокаду». 1942 год. Бумага, карандаш.
Огород в Висячем саду.
Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург*

*Рисунок архитектора А. Никольского
из серии «Эрмитаж в дни блокады».*

1941-1942 годы. Бумага, карандаш.

Третье бомбоубежище

(из 2-й тетради: рисунки бомбоубежища).

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

ло 1500 квадратных метров паркета, восстановить выбитые стекла в 45 окнах... В Павильонном зале стояла скульптура Кановы «Амур и Психея», а в Кабинете Кваренги — бронзовый бюст Марка Аврелия работы Эдмона Гастклу, доставленный в музей партизанами, пустившими под откос поезд, увозивший в Германию металл. С 8 ноября 1944-го по 31 июня 1945 года выставку посетило около 30 тысяч человек. А в октябре началась реэвакуация сокровищ Эрмитажа из Свердловска.

После окончания Великой Отечественной войны из Германии в Советский Союз в качестве компенсаторной реституции были вывезены некоторые германские художественные музейные собрания. Среди них — Пергамский алтарь, сокровища Дрезденской и Национальной художественной галерей, Египетского музея, Готской библиотеки и многое дру-

гое. Значительная часть экспонатов попала в фонды Эрмитажа, где находилась до середины 1950-х годов, когда была возвращена в ГДР. Остальные сокровища, прибывшие из побежденной Германии, остались в эрмитажных запасниках и долгое время были сокрыты от глаз зрителей и даже большинства сотрудников музея. Прорвать «блокаду» вокруг этих сокровищ удалось уже гораздо позже — в 1990-е годы.

Страна залечивала раны, и Эрмитаж интенсивно восстанавливал залы для огромной выставки реэвакуированных сокровищ. Об интенсивности работ говорят скупые цифры: 3 октября 1945 года в Свердловске начали грузить ящики в вагоны двух эшелонов, идущих в Ленинград. 10 октября они прибыли на место назначения. Уже 13-го их разгрузка была завершена, а 14-го началась развеска картин в залах. 8 ноября 1945 года восстановленные залы были полностью открыты для публики. В вестибюле служебного подъезда Эрмитажа был вывешен приказ директора музея: «Объявляю для сведения всех работников Государственного Эрмитажа текст полученной правительственной телеграммы:

*Ленинград, Эрмитаж,
Академику Орбели*

С чувством глубокой радости приветствуем вас и весь коллектив в день восстановления и открытия одного из крупнейших музеев мира — Государственного Эрмитажа. Примите сердечную благодарность за самоотверженную работу по

*Рисунок архитектора А. Никольского
из серии «Эрмитаж в дни блокады». 1941-1942 годы. Бумага, карандаш.
Вид из Дома ученых в Эрмитаже (из 3-й тетради: рисунки набережных Невы).
Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург*

сохранению ценностей, восстановлению и открытию музея в кратчайшие сроки. Ваши замечательные успехи достигнуты благодаря большой любви к своему делу, которая свойственна лучшим людям нашей страны. Эта любовь — залог дальнейших успехов в деле восстановления и развития Эрмитажа...»

Правительственная телеграмма была вывешена при входе в Эрмитаж. Тщательно подготовивший торжественную речь академик Орбели поднялся на трибуну, зал замолк в ожидании. Но та речь надолго прервалась после первых же слов, ибо

вслед за ними последовали нескончаемые овации. Эти слова: «Эрмитаж открыт!».

В ноябре 1945 года начался Нюрнбергский процесс, длившийся, как известно, почти год. Международный военный трибунал судил тех, кто совершал преступления против человечности. В феврале 1946 года трибунал начал рассмотрение доказательств по разделу обвинения «Разрушение и разграбление культурных и научных ценностей». На скамье подсудимых, в числе прочих, Герман Геринг, лично подписавший план полного уничтожения Ленинграда.

22 февраля место свидетеля обвинения занял директор Эрмитажа И. А. Орбели. «Академик выступал на свидетельской трибуне как прокурор, — писала «Правда». — Он приводил только факты». Орбели назвал количество снарядов, выпущенных по Эрмитажу фашистами, и количество бомб, сброшенных на музей. Он призвал в свидетели раненого гранитного эрмитажного атланта, осколки на теле которого как памятный знак сохранены и доныне. Он говорил о фугасной бомбе, которая погубила немало эрмитажных вещей, о снарядах, разорвавшихся в эрмитажных залах... Адвокаты подсудимых пытались смягчить исторически непререкаемые слова академика, говоря, что директор Эрмитажа не военный специалист и потому

не может утверждать, что Эрмитаж — сокровищница мировой культуры — обстреливалась прицельно. «Я не артиллерист. Преднамеренность артиллеристского обстрела Эрмитажа для меня и всех моих сотрудников была ясна потому, что повреждения причинены музею не случайным артиллерийским налетом, а последовательно, при тех методических обстрелах города, которые велись на протяжении многих месяцев. Я никогда не был артиллеристом, — парировал Орбели ставшей впоследствии легендарной фразой. — Но в Эрмитаж попало тридцать снарядов, а в расположенный рядом мост — всего один. Я могу с уверенностью судить, куда целились фашисты. В этих пределах — я артиллерист!»

Рисунок архитектора А. Никольского из серии «Эрмитаж в дни блокады». 1941-1942 годы. Бумага, карандаш. Мост Лейтенанта Шмидта с Васильевского острова (из 4-й тетради: рисунки улиц, пожаров, памятников). Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Воля ленинградцев к сопротивлению сломлена не была

В Центральном архиве ФСБ России хранятся уникальные материалы, дающие представление о взгляде фашистов на события в блокадном Ленинграде. Три документа, в числе которых — отчет рейхсфюрера СС, главы Главного имперского управления безопасности, в состав которого входили гестапо и СД, Генриха Гимmlера. Первый документ — «Сообщение разведывательного отдела штаба 18-й армии, входившей в группу армий «Север», от 30 сентября 1941 года об обстановке в Ленинграде» — интересен тем, что дает достаточно полное представление об осведомленности командования 18-й армии о проводимых в городе оборонительных мероприятиях, состоянии стратегически важных объектов и снабжении, производстве военной продукции, настроении войск и гражданского населения. Эти сведения являлись особо ценными, поскольку были добыты немцами в первый месяц блокады. Второй документ — «Выдержки из доклада СД об обстановке в Ленинграде весной 1942 года», которые, видимо, были разосланы в штабы подразделений, осаждающих город. По количеству приведенных фактов видно, что к этому времени немецкая разведка имела более широкие возможности для получения актуальной информации о блокированном Ленинграде для ее сопоставления и обобщения. И третий документ — «Циркуляр командующего группой ар-

мий «Висла» Г. Гимmlера от 19 февраля 1945 года о мероприятиях, проведенных советскими властями во время обороны Ленинграда». Он был издан фронтовой типографией «Панцерфацет» и разослан генералам и командирам дивизий войск группы армий «Висла». Все документы были добыты НКВД и сохранены в материалах военной контрразведки. Вот наиболее значимые фрагменты.

Где раньше были газетные киоски, построены ДЗОТы

Сообщение разведывательного отдела штаба 18-й армии от 30 сентября 1941 года об обстановке в Ленинграде.

Штаб 18-й армии. Развед. отдел.

По вопросу: Разведка Петербурга.

Оборонительные мероприятия. Рабочие на предприятиях, как это уже известно, обучаются владеть оружием... В городе размещено много войск. Войска вооружены главным образом старым оружием периода Мировой войны, что прежде всего относится к пулеметам и винтовкам. Настроение войск очень плохое. Насильно загнанные в рабочие отряды и в отряды гражданской обороны рабочие удерживаются там только благодаря невообразимому страху перед комиссарами. Количество комиссаров увеличилось во много раз... Во многих местах города, где раньше были газетные киоски, построены ДЗОТы, из которых можно держать под обстрелом улицы и перекрестки. Строи-

тельство этих ДЗОТов началось 5.9.41 г. Вновь подтверждаются подготовительные работы к строительству баррикад.

Разное. На улицах города развешаны многочисленные красочные плакаты, изображающие мужчин с винтовками и содержащие следующий текст: «Мужья и сыновья, защищайте Отечество до последней капли крови». Судя по изображению, плакаты призывают в первую очередь к мужчинам старших возрастов. Эти плакаты вызвали большое беспокойство среди населения и особенно среди женщин, так как необходимость мобилизации стариков расценивается как признак неизбежного поражения.

Смертность достигала 20 000 человек в день

Выдержка из доклада СД об обстановке в Ленинграде весной 1942 года.

Штаб корпуса Л.А.К. (50-й армейский корпус). Отделение 1-с.

Население. С тех пор, как наступила теплая погода, смертность среди населения Ленинграда значительно уменьшилась. Надежда на то, что весной разразится чума, не осуществилась. Кроме случаев заболевания тифом, скорбутом и частичных случаев дизентерии ни о каких других эпидемических заболеваниях не может быть и речи. Отсутствие распространения заразы объясняется по существу высоко-

напряженной работой советских учреждений в санитарном отношении. Так, уже к началу мая были вычищены все улицы, уборные, трупы и в большинстве домов функционировал водопровод, конечно, только в нижних этажах. В некоторых городских районах теперь оборудованы общественные бани, и населению выдаются талоны для пользования этими банями, причем для каждого жителя установлен определенный банный день. Теплой воды в банях нет... несмотря на выданные талоны, в баню попасть очень трудно. В кон-

це апреля смертность достигла приблизительно 1000 человек в день, в то время как в первые дни февраля смертность достигала 20 000 человек в день — это абсолютное большинство. Тогда в течение трех дней была приостановлена выдача хлеба, так как временами совершенно отсутствовало снабжение водой и поэтому булочные не могли работать.

Граждане «ненадежных национальностей» из Ленинграда высланы...

Для эвакуации допускаются только лица без занятия: дети до пяти лет эвакуируются с матерями на грузовиках, а старше пяти лет — без матерей тоже на грузовиках, матери же должны были отправляться через Ладожское озеро пешком. Старики, как правило, к эвакуации не допускаются. Граждане так называемых «ненадежных национальностей» (немцы, финны, латвийцы, эстонцы) еще в мае все были из Ленинграда высланы...

Из театров работает только Театр музыкальной комедии. В дальнейшем открылось еще 10-15 кинотеатров.

Настроение и пропаганда. В газетной пропаганде говорится как раньше, так и теперь о больших потерях немецких войск, прославляется деятельность партизан и объявляется о вступлении в бой новых войск с наступлением теплого времени, которые подготовлены в большом количестве зимой. «Ленинградская правда» от 1.5.42 г. (спецвыпуск) помещает статью под заголовком «Ленинград

*Жители блокадного Ленинграда на улице.
На заднем плане на стене дома плакат
«Смерть детоубийцам»*

встречает 1 мая», в которой речь идет о том, что на улицах города наблюдается оживленное движение, фабрики и заводы соревнуются в боевой производительности труда, чтобы изготовить как можно больше продукции для фронта. Ленинград принял праздничный вид, украсился красными знаменами, лозунгами, плакатами. Советская пропаганда утверждает, что Англия и Америка поставляют большое количество продукции Советскому Союзу, а в дальнейшем образуется во Франции второй фронт против Германии. Осенью Красная Армия была технически вооружена, безусловно, слабее, чем немецкая. Сегодня, напротив, обе армии технически одинаково сильны, и к тому же Красная Армия в отношении людских резервов имеет огромные преимущества. Немцы поспешно отходят на запад, и в 1942 году война будет обязательно закончена.

Большевистская пропаганда апеллирует к национальному чувству русского народа. В первый раз с момента революции 1917 года начинают снова говорить в пропагандистских речах о «Советской России». В печати и на собраниях говорят о том, что ленинградская военная продукция почти достигла уровня лета 1941 года.

Гнусная пропаганда на картонных плакатах усиленно изображает страшно изувеченных женщин. Наступление теплой погоды, выдача повышенной нормы продуктов питания и то, что с немецкой стороны никакой существенной агитации против это-

го не было предпринято, — все это повысило, бесспорно, настроение ленинградского населения. Население все еще надеется на прорыв кольца окружения с юга... Другая часть населения — особенно большая часть рабочих — желает окончания войны и поэтому приветствует быстреее занятие города немецкими войсками.

Вместо мяса можно купить лошадиный навоз

Продовольственное положение. В первую декаду апреля выдано трудящимся и иждивенцам по 150 граммов сухого

*Ленинградские школьники
перед отправкой в эвакуацию*

картофеля, 50 граммов сухой капусты и 50 — сухого лука. Для рабочих выдача мяса составляла 300 граммов, масла — 150, сахара — 300. Рацион хлеба составлял в начале мая рабочим — 500 граммов, служащим — 400 и иждивенцам — 250-300.

При торговле из-под полы 1 кг хлеба стоит от 300 до 500 рублей, 1 кг сахара — 1000 рублей, 1 кг масла — 1500 рублей, 1 л водки — 800 рублей, 100 гр табака — от 200 до 250 руб., сигареты (25 штук) —

150 рублей, 1 кор. спичек — 20 рублей. (До марта 1944 года среднемесячная зарплата рабочего была 195 руб., зарплата работника обкома партии — 837 руб. // «Известия».) Мясо, масло и жиры менялись только на хлеб. На базаре нужно быть очень осторожным, чтобы не быть обманутым, например, вместо мяса можно купить лошадиный навоз, искусно запеченный в панировочных сухарях.

**Пусть каждый узнает,
с каким грубым, холодным, как лед,
противником мы имеем дело**
*Циркуляр командующего группой
армий «Висла» Г. Гимmlера
о мероприятиях, проведенных
советскими властями во время обороны
Ленинграда. Командующий группой
военных сил «Висла». 19.2.1945.
Генералам и командирам
дивизий войск группы «Висла».*

Настоящим посылаю для изучения материалы по обороне Ленинграда большевиками. Пусть каждый узнает, с каким грубым, холодным, как лед, противником мы имеем дело. С ним нельзя договориться, не помогут никакие жалобы.

Секретно

Мероприятия, предпринятые по отношению к населению. С начала советско-немецкой войны Ленинград насчитывал около 3,2 миллиона населения. В результате прилива беженцев и разбитых войсковых частей, когда было

*Жители блокадного Ленинграда
у ларька с товарами*

замкнуто кольцо вокруг Ленинграда, количество жителей возросло до 5 миллионов. Благодаря беспощадным строгостям количество населения было снижено до минимума, необходимого для обороны города.

Перед полным окружением Ленинграда было эвакуировано около 2 миллионов человек, затем миллион был выселен в тяжелейших условиях во время осады Ленинграда. Около миллиона умерло с голоду. Жители в количестве около миллиона, которые удерживали Ленинград до 1943 года, были непрерывно заняты в оборонной промышленности, а также в полиции.

Эвакуация. В городе мог остаться только тот, кто входил в число его защитников. Дети, даже жившие при родителях, были собраны на специальных площадках и вывезены. Велико было горе родителей. Они даже не знали, в каком направлении вывезены их дети. То же самое было сделано со стариками, больными и всеми неспособными к труду.

Вместе с эвакуированными фабриками и заводами вывезены были и работавшие на них люди.

Вклад населения. Обязанностью каждого жителя города было выполнение только таких работ, которые были непосредственно связаны с обороной города, чтобы отбросить врага, или просто работ, связанных с ведением войны. Жители обучались военному делу, рыли окопы и работали на промышленных оборонных предприятиях.

Мероприятия хозяйственные и промышленные. При приближении немецких частей к Ленинграду была эвакуирована военная промышленность за исключением той, которая непосредственно служила целям обороны. Фабричное оборудование поспешно вывезено по железной дороге и на автомашинах. Вся оставшаяся в Ленинграде промышленность была перепрофилирована под выработку фронтальной продукции. Вагонный и Путиловский заводы занимались ремонтом танков. Только один завод «Электросила» выполнял свою обычную работу.

Снабжение. Снабжение населения было сокращено до минимума. Вскоре осталось только хлеб. Рабочие и служащие получали в день 250 граммов хлеба, дети и иждивенцы — 125. Жиры и мясо можно было достать только на «черном» рынке. В июне 1942 года положение с питанием стало катастрофическим. К осени наступил голод. Погибло 50 процентов населения. Хотя людоедство стало повседневным явлением, воля к сопротивлению властей и населения не была сломлена.

Каждый дом был превращен в крепость

Военные мероприятия по обороне. Проведение оборонных мероприятий было всеобщим. Эти мероприятия проводились полностью даже при бесчисленных атаках немецких войск. Пригородные районы и сам город перерезали противотанковые рвы и система окопов. Каждый дом был превращен в крепость,

подвальные помещения связаны в линии обороны... Обучение рабочих и служащих военному делу проводилось непосредственно на фабриках и заводах или при учреждениях.

Пропаганда. Огромнейшее значение для поддержания духа населения города имела пропаганда. К помощи населения постоянно прибегали для организации всяких наипримитивнейших мероприятий против врага. Каждое принудитель-

ное мероприятие или ограничение подносились населению, как будто бы оно было вызвано немцами. На немецкое военное командование возлагалась ответственность за все муки города. Ненависть населения стала важнейшим мотором обороны.

ЦА ФСБ России.

Опубликовано в газете «Известия»

28 апреля 2005 года

«Хлеб везут!». Вера Ле, ученица 6-го класса лицея №144

Обращение митрополита Ленинградского Алексия к верующим «Церковь зовет к защите Родины»

26 июня 1941 года

*Митрополит Ленинградский
Алексий (Симанский)*

Послание митрополита Сергия к пастырям и пасомым Русской Церкви призвало всех верующих в грозный час опасности, нависшей над нашим Отечеством, к единодушной защите — каждого в полную меру сил — великой нашей Родины. От лица Церкви сказано в этом послании, что она, Святая Церковь, «благословляет небесным благо-

словением всенародный подвиг». И этот голос первого архипастыря Русской Церкви не оказался «гласом вопиющего в пустыне». Все верующие отозвались на этот призыв! В минуту общей опасности люди объединились без различия положения, как граждане единого великого Союза, в одном стремлении — чем бы то ни было помочь, участвовать в общей работе по защите Отечества. Как на подвиг, благословенный Церковью, не только наши юноши, еще не призванные на военную службу, но и пожилые, и старики пошли добровольцами на фронт с полной готовностью и жизнь свою положить за целость, за честь, за счастье любимой Родины.

Молебны в храмах и прошения о даровании победы русскому воинству находят живой отклик в сердце каждого молящегося, у которых есть теперь одна дума, одна молитва — дал бы Бог победить коварного и злобного врага, сокрушить фашизм, несущий горе и разорение всему человечеству, вернуть всех нас к светлой жизни, к радостному творческому труду.

Среди верующих разных храмов выражены пожелания, чтобы имеющиеся в храмах запасные суммы — в некоторых весьма крупные, в несколько сот тысяч рублей — были отданы государству

в фонд обороны, на нужды войны. На эти же нужды поступают и отдельные лепты, пожертвования от верующих.

Недавно в одном храме Ленинграда был такой случай. Какие-то неведомые богомольцы принесли и сложили у иконы Святого Николая пакет в укромном месте, в пакете оказалось около 150 золотых десятирублевок, возможно, до-революционной чеканки. Они были немедленно отнесены в банк, на нужды обороны.

Не говорит ли все это о том, что у всех задето чувство любви к матери-родине, что всеми одинаково ощущается та грозная опасность, которую несет с собой фашизм, что у всех напряжены все силы для одной цели — спасти Родину любой ценою.

Русский народ видел и знал на примере Германии и других стран, пора-бощенных фашизмом, подавленных неволей, в которую ввергла их «коричневая чума», что фашизм — это гибель всего добытого вековыми трудами человечества, всего светлого, всего творческого.

А теперь он и воочию видит и ощущает весь ужас, какой несет с собой безжалостный враг, вероломно обрушившийся на нашу землю и покушающийся разорить и уничтожить добытое огромным трудом наше достояние.

Поистине, восстала на нас, по выражению псалмопевца, «неправда гордых», которые не могли спокойно смотреть на победоносное могущество нашего Оте-

чества и, судя по себе, не хотели верить нашей правде, вымышляли на нас подозрения и обвинения и открыли гибельный для себя путь — оружием и кровопролитием попытаться нас ослабить и покорить.

Нет нужды много говорить о том, что у всех нас перед глазами, о том варварстве, с каким действует враг, о той чисто тевтонской жестокости, с какой он всеми средствами пытается нас запугать. Об этом говорят многие пастыри и верующие, бежавшие от ужасов фашизма.

Эти живые свидетели рассказывают, что в захваченных районах Гитлер организует истребление женщин, детей, стариков; он пристреливает тяжелораненых, обстреливает лазареты, поезда с мирными гражданами, жилые дома. Все это — особая форма психологического воздействия, бесчеловечная, низкая форма борьбы.

На нас, особенно для него ненавистных не только как славян, но и как носителей искореняемой фашистами культуры и прогресса во всех областях, он нападает с особой яростью. И все зверства и ужасы он прикрывает лживым и кощунственным лозунгом: «крестовый поход», — не замечая того, что жестоким истреблением всего, что дорого и свято для народов, им уже порабощенных, как в области материальной, так и духовной он давно уже показал миру, что у фашизма нет ничего святого, нет никаких идеалов, кроме всеобщего обмана и всеобщего порабления.

На примере отношения к Церкви, к православию (в Югославии), к католичествому, к представителям всяких исповеданий в поработченных странах можно судить, каково было бы у него отношение к Православной Церкви в особенно ненавистной для него нашей стране. Это было бы полное уничтожение всей ее сущности, то есть именно того, в чем она до сего времени не только формально, по нашим советским законам, но и по существу была совершенно свободна.

Не новость в мировой истории, что появляются безумцы, мечтающие покорить себе весь мир. «Мир Римский», как называла себя римская держава, в продолжение веков стремился осуществить эту гордую мечту; на стороне его были сила, искусство, власть, образованность, многолюдство, жестокость, грабительство, поработчение — все превращено было в орудие для завоевания. Но чем кончилась эта мечта? Мир завоеван не был, а «Мир Римский» рассыпался в прах. Не новость и для нашей Родины

*Богослужение в Николо-Богоявленском кафедральном соборе в дни блокады.
Службу ведет митрополит Ленинградский и Новгородский Алексий Симанский*

нападение врага, мечтающего покорить нас. Наполеон об этом мечтал и, казалось, был близок к цели, поразив сердце России — Москву. Но именно здесь ему суждено было найти не победу, а гибель, и гибель окончательную, так как весь народ поднялся на врага. То же и теперь: весь наш народ воюет, и победа ему обеспечена. Она обеспечена всеобщей волей к победе, беззаветной храбростью бойцов — до полного презрения к смерти, до готовности каждого положить душу свою за Отечество, непоколебимостью веры в побеждающую силу правого дела.

Война есть страшное и губительное дело для того, кто предпринимает ее без нужды, без правды, с жаждою грабительства и порабощения; на нем лежит позор и проклятие неба за кровь и за бедствия своих и чужих.

Но война — священное дело для тех, кто предпринимает ее по необходимости, в защиту правды, и, приемля раны и страдания и полагая жизнь свою за однокровных своих, за Родину, идет вслед мучеников к нетленному и вечному вен-

цу. Поэтому Церковь и благословляет эти подвиги и все, что творит каждый русский человек для защиты своего Отечества.

Несомненные и самими фашистами признаваемые успехи наших войск в борьбе с врагом сильным, но уже изнемогающим, говорят за то, что не напрасна наша вера в победу. Непреложный закон, что несправедливо взявший меч от меча и погибнет, поистине дамокловым мечом висит над головой преступного фашизма; и близится время, когда этот карающий меч всею тяжестью неизбежного рока опустится на врага и сокрушит его.

Церковь неумолчно зовет к защите матери-родины. Она же, исполненная веры в помощь Божию правому делу, молится о полной и окончательной победе над врагом.

*Русская Православная Церковь
и Великая Отечественная война.
Сборник церковных документов. —
М, 1943. — С. 50-54*

Из акта Городской комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников об ущербе, причиненном Ленинграду войной и блокадой

Май 1945 года *

Зверские методы истребления мирного населения Ленинграда путем блокады, бомбардировок и артиллерийских обстрелов

...Нарушая все международные установления, гитлеровцы обрушили на мирное население города: женщин, детей и стариков — фугасные, осколочные и зажигательные бомбы, артиллерийские снаряды, которыми немецкие батареи били по жилым домам, улицам, площадям и скверам. Немецко-фашистские захватчики сбросили на Ленинград 107 158 фугасных и зажигательных бомб, свыше 150 000 тяжелых артиллерийских снарядов. Во время бомбардировок и артиллерийских обстрелов было убито 16 747 ленинградцев. Кроме того, было ранено 33 782 мирных граждан: женщин, стариков и детей.

Среди погибших от варварских обстрелов много представителей интеллигенции, выдающихся деятелей культуры, науки и техники. Был убит осколком снаряда крупнейший архитектор, член-корреспондент Академии архитектуры СССР Л. А. Ильин. Погибли при артобстреле доктор технических наук, профес-

сор Л. П. Шишко, профессор С. С. Казарновская и другие.

Фашистские злодеи несут ответственность за гибель во время блокады таких выдающихся представителей науки, как известный физиолог академик А. А. Ухтомский, крупный микробиолог профессор А. А. Владимиров и многих других.

Немецко-фашистская артиллерия с беспримерным цинизмом и жестокостью обстреливала места скопления мирного населения, наиболее людные перекрестки, трамвайные остановки, парки и скверы.

Как показывают материалы допросов пленных, немецкими артиллеристами были пристреляны места наибольшего скопления населения на улицах. Наиболее многолюдные трамвайные остановки и оживленные перекрестки улиц составляли у немецких варваров особый перечень объектов для обстрелов.

В журнале боевых действий 768-го артиллерийского дивизиона резерва Германского Главного командования имеются записи: «5 декабря 1941 года обстрелял 25 снарядами скопление народа на Крестовском острове в северной части Петер-

* Эта дата указана на обложке дела.

бурга. По-видимому, это было скопление эвакуируемых...»

Пленный фельдфебель Фриц Кепке, командир 2-го орудия 2-й батареи 2-го дивизиона 910-го артиллерийского полка показал: «Для обстрела Ленинграда на батареях имелся специальный запас боеприпасов, отпускавшихся сверх лимита в неограниченном количестве... Все расчеты орудий знали, что обстрелы Ленинграда были направлены на разрушение города и уничтожение его гражданского населения. Поэтому они иронически относились к сводкам немецкого верховного командо-

вания, в которых говорилось об обстрелах «военных объектов» Ленинграда»...

Вот некоторые факты зверского истребления немцами мирного населения Ленинграда, взятые из многочисленных актов медико-санитарной службы городской МПВО:

8.11.41 г. в 16:02 на Нарвской площади тремя артиллерийскими снарядами ранено 16, убито 14 человек.

30.11.41 г. в 16:30 у трамвайной остановки напротив дома №49 по проспекту Карла Маркса разрывом артиллерийского снаряда ранено 16, убито 9 человек.

*Блокада. Связь времен. Ленинград 1942-2009 Невский проспект. Дом Энгельгардта
Фотоколлаж Сергея Ларенкова*

21.12.41 г. в 14:00 на площади Сытного рынка четырьмя артиллерийскими снарядами ранен 41 человек, в том числе 8 детей, убито 55 человек.

4.7.42 г. в 13:15 на Нарвской площади артиллерийским снарядом ранено 2, убито 6 человек.

4.1.43 г. в 7:45 в трамвайный поезд, находившийся на углу Нижегородской улицы и Лесного проспекта, попал артиллерийский снаряд. Ранено 95, убито 82 человека. Среди пострадавших большинство — подростки-ремесленники, направлявшиеся на работу.

17.4.43 г. в 15:30 на улице у дома №27 по Загородному проспекту артиллерийским снарядом ранено 50, убито 7 человек.

3.8.43 г. в 15:07 у трамвайной остановки напротив дома №52 по Невскому проспекту артснарядом ранено 49, убито 43 человека.

18.10.43 г. в 18:45 у дома №30 по Международному проспекту артиллерийским снарядом ранено 17, убито 9 человек.

22.12.43 г. в 19:48 у трамвайной остановки напротив дома №51 по Невскому проспекту разрывом двух артиллерийских снарядов разрушены три трамвайных вагона, ранено 69 человек, из них 2 детей, убито 29 человек.

4.1.44 г. в 7:55 в трамвайном поезде, следовавшем по улице Куйбышева, у дома №21 разорвавшимся артиллерийским снарядом ранено 10, убито 8 человек.

6.1.44 г. в 9:10 на улице напротив дома № 55/57 по Садовой улице разорвавшим-

ся артиллерийским снарядом ранено 13, убито 8 человек.

18.1.44 г. в 14:47 у трамвайной остановки напротив дома №61 по Международному проспекту разорвавшимся артиллерийским снарядом ранено 9, убито 7 человек...

Разрушение немецкими варварами культурно-исторических памятников и просветительных учреждений Ленинграда

За время осады и блокады Ленинграда немецко-фашистскими бомбами и снарядами разрушено и повреждено 187 исторических зданий города, выстроенных прославленными зодчими.

Всемирно известный Зимний дворец, возведенный в 1754-1764 годах гениальным зодчим Растрелли, потерпел значительные разрушения от попадания фугасной бомбы и десяти артиллерийских снарядов.

Грандиозное здание Адмиралтейства, являющееся выдающимся архитектурным памятником Ленинграда и одной из прекраснейших построек в Европе эпохи классицизма, созданное русскими зодчими Коробовым и Захаровым, также получило значительные повреждения. Это здание неоднократно подвергалось бомбардировкам и артиллерийским обстрелам. На него было сброшено двадцать шесть фугасных бомб, пятьдесят артиллерийских снарядов и сотни зажигательных бомб.

Серьезные разрушения и повреждения причинены Инженерному замку — одному из оригинальнейших зданий Европы, построенному в 1797-1801 годах архитекторами Баженовым и Бренной; историческому зданию Таврического дворца, возведенному в 1788 году архитектором Старовым; зданиям бывшего Синода и Сената, созданным Росси; зданию бывшей Фондовой биржи работы Тома де Томона; Строгановскому дворцу, выстроенному Растрелли и Воронихиным; зданию бывшего Пажеского корпуса работы Растрелли; Мариинскому дворцу, ансамблю Петропавловской крепости и многим другим величественным памятникам Ленинграда.

В результате бомбежек дотла сгорел выдающийся по своей целостности архитектурно-художественный ансамбль начала XIX века, созданный Росси, — Елагинский дворец.

Десять артиллерийских снарядов крупного калибра частично разрушили здание Государственного Эрмитажа — творение зодчих Деламота, Фельтена, Кленце и Кваренги. Значительный ущерб нанесен музейным ценностям: пострадали представляющие исключительную научную и художественную ценность собрания фресок из Китайского Туркестана, античные стелы из различных пород камня, картины русских и западноевропейских мастеров, предметы прикладного искусства XVII-XIX веков. Полностью уничтожен 151 и повреждено 27 376 музейных экспонатов.

Девять фугасных бомб и 21 артиллерийский снаряд, выпущенные немцами по Государственному Русскому музею, нанесли его зданиям и музейным коллекциям тяжелые повреждения.

Причинены громадные разрушения четырьмя фугасными бомбами и шестью артиллерийскими снарядами зданию Государственного музея этнографии и его коллекциям и экспонатам. Погибли археологическая коллекция материалов из Афросиаба (Самарканд), майолика из архитектурного комплекса Шахи-Зинда, мавзолея Гур-Эмир, мечети Биби-Ханым, разная медная утварь и керамическая посуда узбекских и таджикских мастеров, коллекция архитектурной деревянной «глухой» резьбы XVIII века, коллекции бытовых вещей алтайских народностей.

Разрушен Суворовский музей.

Серьезные повреждения от бомб и артиллерийских снарядов причинены также и другим музеям Ленинграда: Артиллерийскому историческому музею РККА, Горному и Географическому музеям, Государственному музею социалистического сельского хозяйства, Государственному музею революции, Центральному военно-морскому музею, Центральному музею связи, Ленинградскому музею железнодорожного транспорта и другим.

Прямым попаданием бомб и артиллерийских снарядов был разрушен Государственный академический театр оперы и балета им. С. М. Кирова, Театр имени Ленинского комсомола и другие. Значительные повреждения нанесены Государ-

*Блокада. Связь времен. Петергоф 1943-2011. Большой каскад и туристы
Фотоколлаж Сергея Ларенкова*

ственному академическому театру драмы им. А. С. Пушкина, Государственному академическому Малому оперному театру, Государственному Большому драматическому театру им. М. Горького, Новому ТЮЗу...

Большой ущерб причинен другим театрам, домам культуры, клубам и кинотеатрам. Группа театрально-зрелищных зданий в объемном отношении потеряла ущерб в 229,9 тыс. кубических метров, уничтоженных полностью, и 453,6 тыс. кубических метров, уничтоженных частично. Лучшее в Советском Союзе учреждение для советской детворы, размещенное в Аничковом дворце, — Дворец

пионеров — также потерпело значительный ущерб от фугасной бомбы и 16 артиллерийских снарядов.

Пострадали от варварских обстрелов пользовавшиеся мировой известностью Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина и Дом занимательной науки.

Значительному разрушению и частичному уничтожению подверглись прекрасные гранитные набережные Невы, Фонтанки, Мойки и других рек и каналов Ленинграда; высокохудожественные решетки и ограды, выполненные по рисункам величайших зодчих Воронихина, Кваренги, Росси и других.

Повреждены Нарвские ворота, Роstralные колонны у Фондовой биржи, памятник жертвам революции на Марсовом поле, памятник на месте дуэли А. С. Пушкина, прекрасные парковые ансамбли города. Только в одном Летнем саду уничтожено свыше 800 деревьев. Тысячи деревьев погибли от авиабомбардировок и артобстрелов в Центральном парке культуры и отдыха (бывш. Елагинский остров), в Таврическом, Михайловском и других садах города.

Гитлеровские бандиты не щадили и храмы Ленинграда, многие из которых являются всемирно известными историческими памятниками. Полностью разрушено 6 и повреждено 66 зданий религиозных культов. В том числе Исаакиевский, Казанский и Измайловский соборы. Из действующих соборов Ленинградской епархии наибольшие повреждения получил собор Николы Морского, ущерб которого определен в 29 652 000 рублей. Сильно разрушены костел Екатерины на Невском проспекте, построенный в XVIII веке, Хоральная синагога и другие.

Ущерб, причиненный научным учреждениям

Серьезный ущерб нанесен варварскими бомбардировками немецко-фашистской авиации и артобстрелами всемирно известным учреждениям Академии наук Советского Союза. В находящемся в Ленинграде комплексе зданий Академии наук, построенных архитекто-

ром Кваренги, размещены Астрономический и Археологический институты, Институт языка и мышления с многочисленными лабораториями и специальными библиотеками. В главном здании Академии наук помещалась известная мозаичная картина знаменитого русского ученого М. В. Ломоносова — «Полтавская баталия».

Актами зафиксированы воздушные бомбардировки и артиллерийские обстрелы этих зданий 10 сентября, 18 октября, 5, 15 и 19 ноября, 3 и 4 декабря 1941 года; 18 марта, 6 апреля и 10 июня 1942 года, 26 января, 11 февраля, 25 апреля и 1 мая 1943 года. В результате этих варварских деяний повреждены здания, художественная лепка их фасадов, внутреннее убранство, имущество и оборудование. Упомянутая картина М. В. Ломоносова «Полтавская баталия» получила трещины.

Бомбардировками и артиллерийскими обстрелами повреждены также институты Академии наук: Зоологический, Этнографии и антропологии, Литературы, Ботанический и другие.

На территории Ботанического сада разрушены исключительные по своему научному значению оранжереи. От попадания фугасной бомбы погибли уникальные растения: папоротники, имеющие четырех-пятитысячелетний возраст, пальмы и другие представители тропической и субтропической растительности. Общий ущерб, нанесенный Ботаническому институту, составил 1 043 338 рублей.

Значительный ущерб причинен типографии Академии наук, располагающей шрифтами почти всех языков мира и приспособленной для печатания научных работ Академии. Прямым попаданием авиабомбы разрушено правое крыло производственного корпуса. Кроме того, типографии причинен ущерб артиллерийскими снарядами.

Многочисленными бомбовыми ударами и артобстрелами повреждены также десятки других научных институтов и учреждений. Среди них Институт экспериментальной медицины, Естественно-научный институт им. П. Ф. Лесгафта, Всесоюзный институт трассироводства, Институт усовершенствования врачей им. С. М. Кирова, Научно-исследовательский дизельный институт и другие. Ущерб, нанесенный только зданиям научных учреждений, составил 385 107 000 рублей.

Фашистские бандиты нанесли серьезный ущерб также ленинградским высшим учебным заведениям. Пять институтских зданий уничтожено полностью. Сто пятьдесят учебных корпусов имеют частичные повреждения. В объемном выражении уничтожено до 41 000 кубических метров, и требует восстановления около 1 000 000. Получили повреждения от авиабомбардировок и артобстрелов построенное архитектором Ворониным здание одного из старейших учебных заведений страны — Горного института, здание Академии художеств, здание Ленинградского государственного уни-

верситета, строительство которого было начато еще при Петре I, Институт инженеров железнодорожного транспорта, Военно-медицинская академия, Технологический и Политехнический институты и другие высшие учебные заведения.

Гитлеровские бандиты разрушали школы и детские учреждения

Детские учреждения Ленинграда у гитлеровских бандитов также значились под номерами «военных объектов» и подвергались беспощадным бомбардировкам и артиллерийским обстрелам.

Так, например, по объекту №736 — школа в Бабурином переулке — рекомендовалось стрелять осколочно-фугасными снарядами, по объекту №192 — Дворец пионеров — предпочтительно было стрелять фугасно-зажигательными и т.д.

13 мая 1942 года при артобстреле было убито 12 воспитанников детского сада фабрики им. Урицкого. Убиты: Равель Базыков (5 лет), Олег Белин (4 года), Володя Буров (5 лет), Володя Васильев (4 года), Людмила Громова (6 лет), Лида Земкова (5 лет), Володя Кольцов (4 года), Олег Перфильев (4 года), Саша Румянцев (4 года), Юра Сик (5 лет), Ира Шиманова (4 года), Майя Карцева (4 года). Ранены: Галя Москалева (5 лет), Игорь Шиманов (5 лет), Зина Муравьева (6 лет) и воспитательница детского сада Назарова.

Фашистские варвары уничтожили 22 школьных здания и повредили 393 шко-

лы, причем многие из них получали повреждения неоднократно. Среди них школы №№ 208, 211, 218 и 220, школа глухонемых, школа слепых детей и др.

Детских учреждений уничтожено или повреждено 195, в том числе детские ясли №№ 1, 2, 5, 200, детские сады №№ 8, 12, 37, 48, испанский детский дом, детские дома №№ 9, 50, 51 и др.

Общий материальный ущерб, нанесенный школам и детским учреждениям, составляет 217 402 000 рублей.

Немецкие изверги также намеренно разрушали госпитали и больницы

В фашистских планах зверских обстрелов Ленинграда госпитали и больницы занимали особое место. В захваченных у немцев планах объектов для артиллерийских обстрелов Ленинграда были особо выделены больницы. Каждая, помимо номера, еще заштрихована красными полосками (особо важный объект!) и снабжена разъяснительной надписью «Krankhaus». Объект №89 — больница им. Эрисмана, объект №96 — Первая психиатрическая и т.д.

В журнале 768-го артдивизиона РКК имеются совершенно откровенные записи, свидетельствующие о преднамеренном артиллерийском обстреле госпиталей: «6.03.1942 г. с 9:15 до 9:32 дивизион производил огневой налет. 50 снарядов было выпущено по военным госпиталям».

Фашистская авиация во время своих разбойничьих налетов на Ленинград раз-

рушала госпитали и больницы. Так, попаданиями фугасных и зажигательных бомб был полностью разрушен госпиталь по Суворовскому проспекту, 50. От попадания бомб и возникшего пожара в этом госпитале погибло 282 пациента и 160 человек персонала.

В результате попадания пяти артиллерийских снарядов в здание больницы по проспекту Обуховской обороны, 52 было убито 5 и ранено 50 человек, находившихся в больнице на излечении.

Фашистские изверги нанесли ущерб 482 лечебным учреждениям.

Разрушены или повреждены корпуса и здания больницы им. Куйбышева, больницы им. 25-го Октября, детской больницы им. Филатова, больницы им. Пастера, Института глазных болезней и других.

Разрушение жилищного хозяйства, коммунальных предприятий, городского хозяйства

Жилищное хозяйство Ленинграда занимало не последнее место среди «военных объектов», подвергавшихся жестоким бомбежкам и артиллерийским обстрелам. В захваченном длинном списке «оборонных» объектов Ленинграда под №757 значился квартал на Большой Зелениной улице, застроенный многоэтажными жилыми домами. Стояли номера на жилых кварталах улицы Чайковского, улицы Некрасова, Литейного и Невского проспектов, Садовой и многих других улиц...

*Блокада. Связь времен. Ленинград 1942-2011. Звенигородская улица. У водоразборной колонки
Фотоколлаж Сергея Ларенкова*

...Блокада Ленинграда немецко-фашистскими войсками оказала губительное действие на жилищное и коммунальное хозяйство города. Вызванное блокадой отсутствие электроэнергии и топлива вывело из строя водопровод, отопительные системы, предприятия культурно-бытового обслуживания и т.д. В результате вражеских артобстрелов и бомбардировок с воздуха полностью разрушено 205 каменных домов с общей кубатурой 1 966 297 метров, 1849 деревянных домов с общей кубатурой 2 047 323 метров и 47 жилых домов прочих типов с общей кубатурой 69 251. Вследствие тех же причин повреждено 6403 каменных и 740 деревянных домов, ввиду чего вы-

было из строя 9 121 000 кубических метров жилой площади. Кроме того, погибло от пожаров 1073 дома с общей кубатурой 4 032 706 метров и 9192 деревянных жилых дома, снесенных на топливо, — с общей кубатурой 8 359 800. Немцы лишили крова сотни тысяч жителей города.

Крупный ущерб нанесен немцами коммунальным предприятиям Ленинграда. Разрушено две и повреждено 57 бань. Полностью разрушены две коммунальные механизированные прачечные и частично пострадало 12 прачечных.

Серьезно пострадал также городской транспорт. За время блокады разрушено 38,8 километров трамвайного пути, 118 трамвайных вагонов, 13 троллейбусов,

частично повреждено 980 трамвайных и 114 троллейбусных вагонов. Значительные разрушения причинены хозяйствам трамвайных и троллейбусных парков. Ущерб автомобильному транспорту превышает сумму 7,5 млн рублей, полностью уничтожено 498 автомашин и повреждена 171. Значительные потери нанесены также речному транспорту. Уничтожено 25 пассажирских и три грузовых парохода, 554 баржи, повреждено 32 парохода и 88 барж.

Большие повреждения нанесены городскому водопроводу, который всеми способами стремились уничтожить

немецко-фашистские захватчики. Фашистские варвары многократно безуспешно пытались уничтожить Главную городскую водопроводную станцию. Крупные повреждения причинены Южной водопроводной станции. Артобстрелами и бомбардировками с воздуха они полностью разрушили или повредили 44 километра водопроводной сети. Канализационная сеть разрушена или повреждена на протяжении 75 километров.

Сильно пострадало наружное уличное освещение города. Полностью уничтожено около 20 тысяч и повреждено около 10 тысяч фонарей.

*Блокада. Связь времен. Ленинград 1941-2009. Дворцовая набережная 14.
Фотоколлаж Сергея Ларенкова*

Значительный ущерб потерпело городское дорожное хозяйство. Разрушено более 46,2 и повреждено 94,4 километра городских дорог. Полностью разрушено 225 п.м. мостов и частично 744 п.м.

Причинены серьезные повреждения телефонной и радиотрансляционной сетям города...

Разрушение транспортных средств

С блокадой города богатейшее транспортное хозяйство города — железнодорожные линии, выходящие с Московского, Витебского, Варшавского и Балтийского вокзалов, — были парализованы. Полностью прекратил свою деятельность и Ленинградский торговый порт. Таким образом, эти линии транспортной связи не могли играть никакой военно-стратегической роли.

Несмотря на это, немецко-фашистские захватчики за весь период блокады систематически обрушивали свою авиацию и огонь своей артиллерии на вокзалы и железнодорожное хозяйство, на Ленинградский торговый порт и речное пароходство, стремились причинить им максимальный ущерб. Было разрушено более 285 километров железнодорожного полотна, нанесен ущерб вокзалам, железнодорожным сооружениям, паровозному и вагонному парку. Уничтожено и повреждено 106 паровозов и 640 вагонов.

Огромный ущерб нанесен техническому флоту Балтийского моря. Врагами затоплено или повреждено 218 землечер-

палок, буксиров, плавучих доков, кранов и т.п. Ущерб речного транспорта составляет 88 пароходов, 640 барж и шаланд, 74 судна специального назначения, уничтоженных или поврежденных немецко-фашистскими захватчиками.

Общий ущерб железнодорожному и водному транспорту Ленинграда достигает 614 595 000 рублей.

На территорию торгового порта было сброшено 13 920 авиационных бомб и 15 700 артиллерийских снарядов. Разрушались стоящие у причалов торговые суда, портовые сооружения и механизмы. Общий ущерб, нанесенный Ленинградскому торговому порту, составил 141 454 850 рублей.

Ущерб, причиненный ленинградской промышленности и другим хозяйственным предприятиям

...Немцы разрушили до основания одну из лучших электростанций Ленинграда — 8-ю ГЭС, мощность которой составляла 200 тысяч киловатт. В результате систематических артиллерийских обстрелов был разрушен коксогазовый завод, предназначенный для обслуживания бытовых нужд населения и снабжавший его газом для отопления. Немецкие варвары уничтожили до основания оборудованную по последнему слову техники хлопчатобумажную фабрику им. 1-го Мая, Ленмясокомбинат им. С. М. Кирова и ряд других промышленных предприятий. Они подвергали систематическим артиллерий-

ским обстрелам такие «военные объекты», как кондитерская фабрика.

Ленинградская промышленность может предъявить огромный счет немецко-фашистским захватчикам. Ими разрушено 840 зданий промышленного значения и повреждено 3090. Уничтожено и повреждено 218 паровых котлов, 16 паровых турбин, 389 электрогенераторов, 7110 электромоторов, свыше 3700 станков по металлу, 195 банкбросей, 446 ватеров и много другого промышленного оборудования.

О колоссальных убытках в связи с эвакуацией промышленности можно судить по тому факту, что из Ленинграда было вывезено 75% промышленного оборудования, большая часть рабочих и инженерно-технического персонала. Все это вызвало большие транспортные расходы, а также расходы, связанные с демонтажом и монтажом оборудования, с вынужденным простоем производственного оборудования и рабочей силы...

Председатель Ленинградской городской комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников, депутат Верховного Совета СССР А. Кузнецов

Председатель Исполнительного Комитета Ленинградского Совета депутатов трудящихся П. Попков

Заместитель председателя Исполнительного Комитета Ленинградского Совета депутатов трудящихся Е. Федорова
Депутат Верховного Совета СССР П. Кубаткин

Главный архитектор Ленинграда, член-корреспондент Академии архитектуры Н. Баранов

Член Ленинградской городской комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников Б. Страупе

Вице-президент Академии наук СССР академик Л. Орбели

Вице-президент Академии наук СССР академик А. Байков

Председатель Правления Союза советских писателей Н. Тихонов

Патриарх Московский и Всея Руси Алексий

Уполномоченный Комитета по делам искусств при СНК СССР в Ленинграде Б. Загурский

Директор Государственного Эрмитажа, академик И. Орбели

Член-корреспондент Академии наук СССР доктор искусствоведческих наук, профессор М. Доброклонский

Декан энерго-машиностроительного факультета Ленинградского политехнического института им. М. И. Калинина, доктор технических наук, профессор В. Шретер

Декан юридического факультета Ленинградского государственного университета, заслуженный деятель наук, доктор юридических наук, профессор А. Венедиктов

Ответственный секретарь Ленинградской городской комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников Л. Куприянова

ЦГА СПб., ф. 8557, оп. 6, д. 1109, л. 1-43. Подлинник.

Опубликован в 1945 году отдельной брошюрой

*Докладная записка заместителя председателя
горисполкома Е. Т. Федоровой заместителю
председателя СНК СССР А. Н. Косыгину
о борьбе с беспризорностью и безнадзорностью детей
в Ленинграде в 1941-1943 годах*

28 июля 1943 года

Условия блокады Ленинграда вызвали значительный рост количества детей, потерявших родителей или временно лишившихся родительского надзора.

Для своевременного предупреждения безнадзорности и беспризорности детей были проведены следующие организационные мероприятия: при исполкомах районных Советов были созданы комиссии по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью детей; была развернута сеть детских приемников НКВД; по линии жилищных органов были даны указания о немедленном сообщении в районные отделы народного образования о каждом случае беспризорности или безнадзорности ребенка; своевременно была развернута широкая сеть домов для детей школьного и дошкольного возрастов; проводился прием подростков (в первую очередь оставшихся без родителей) в ремесленные училища и школы фабрично-заводского обучения. Образованная при исполкоме городского Совета общегородская комиссия провела с участием комсомола, работников школ и других детских учреждений, медработников и актива домохозяйств несколько сплошных проверок по домам

для выявления беспризорных и безнадзорных детей.

В декабре 1941 года исполком Ленгорсовета принял решение о расширении контингента в детских домах и об открытии двух новых детских домов.

В январе 1942-го прием в детские дома был увеличен еще на 2725 детей, было открыто 23 новых детских дома с общим контингентом до 5550 детей.

К марту 1942 года фактическое количество детей в детских домах достигло 14 300 человек.

Дети, оставшиеся без надзора, принимались в детдома безотказно в течение 24 часов. С помощью общественных и хозяйственных организаций все детские дома, количество которых к 10 марта 1942 года возросло до 98, были своевременно обеспечены необходимым инвентарем и посудой.

Заведующими этими детскими домами были назначены лучшие учителя, директора и завучи законсервированных школ.

Большую работу по устройству детей, оставшихся без родителей, провели детские приемники-распределители НКВД, которые были организованы в феврале

1942 года в каждом районе города. Со дня открытия детприемников до конца 1942 года через них прошло 26 250 детей. Детские приемники были также полностью укомплектованы педагогическими, медицинскими, техническими работниками и оборудованы необходимым инвентарем и посудой.

Количество детей в детских домах ко второй половине марта 1942-го настолько выросло, что возникла необходимость их разгрузки как по мотивам невозможности создать надлежащие бытовые условия для детей, так и в целях сохранения

их жизней. Эвакуация воспитанников детских домов была начата также в марте 1942-го. Всего за весну и лето этого года из Ленинграда было вывезено 38 080 детей, находившихся в детских домах.

Одним из мероприятий по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью явилось также определение детей в ремесленные училища и школы фабрично-заводского обучения. Набор подростков в ремесленные училища и школы фабрично-заводского обучения шел преимущественно за счет воспитанников детских домов.

Школьники блокадного Ленинграда за сборкой пулеметов на заводе

Указанные мероприятия дали возможность полностью ликвидировать беспризорность детей в городе.

Последующие проверки районных комиссий по борьбе с детской безнадзорностью и беспризорностью выявляли лишь единичные случаи беспризорности детей, которые немедленно направлялись в соответствующие их возрасту детские учреждения.

Борьба с беспризорностью детей шла также по линии патронирования, установления опеки, попечительства и усыновления детей. К 1 января 1943 года под опекой и попечительством состояло 3086 детей.

В целях укрепления института опеки и попечительства над детьми, лишившимися родителей, была установлена выдача всем подопечным, независимо от их возраста, питания по нормам, установленным для детей, а также предоставление усиленного бесплатного питания в школах в первую очередь опекаемым детям-сиротам.

Подопечным детям систематически оказывалась и оказывается материальная помощь. За время с 1 января 1942-го по 1 января 1943 года из местного бюджета выдано пособий на обувь и одежду в сумме 405 000 рублей.

В городе созданы все необходимые условия также и для полной ликвидации детской безнадзорности. Дети безотказно принимаются в дневные детские сады, развернута сеть круглосуточных садов для тех детей, родители которых не мо-

гут заниматься их воспитанием. Все дети школьного возраста, временно оставшиеся без надзора по тем или иным причинам, принимаются на этот срок в детские дома. На летнее время при каждой школе организованы летние оздоровительные площадки для детей от 7 до 12 лет. Большая часть детей и школьников этого возраста вывезена в пионерские лагеря. Дети с 4-го класса работают на огородах в совхозах и подсобных хозяйствах за городом.

В последнее время начался некоторый приток детей-подростков из-за Ладожского озера. Все они немедленно попадают в приемники-распределители. После надлежащего осмотра и карантина дети от 14 лет направляются непосредственно на производство или в ремесленные училища, а дети младшего возраста возвращаются в детские дома.

Учебно-воспитательная работа в детских домах за этот год значительно улучшилась. Некоторое постоянство детского состава дало возможность планомерно вести учебно-воспитательную работу, включить часть детей в имеющиеся при отдельных детских домах мастерские, организовать при каждом детдоме огороды.

Детские дома испытывают трудности с бельем и верхней одеждой. Во многих детских домах ощущается недостаток кухонной, столовой и чайной посуды.

Зам. председателя Исполнительного Комитета Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся
Е. Федорова
 ЦГА СПб., ф. 7384, оп. 17, д. 848, л. 11-12

Феномен существования зоологического сада в блокадном Ленинграде (это потом он стал называться зоопарком) еще предстоит изучить благодарным потомкам. Как звери выживали под бомбежками и артобстрелами? Как жители осажденного города умирали от голода, а животных спасали? Теперь он называется зоопарком, но по-прежнему, в память о блокаде, начавшейся 8 сентября 1941 года, — Ленинградским.

Прежде, чем рассказать о самоотверженном труде смотрителей зоосада во время Великой Отечественной войны, давайте заглянем в довоенный Ленинградский зоосад. Итак, перед нами зоопарк образца 1940 года. Лето, душно, в каменных мешках дворов-колодцев Петроградской стороны гуляет пыль, суровые дворники старательно поливают раскаленный асфальт водопроводной водой. А здесь, в зоологическом саду, озорные солнечные зайчики прыгают в мелких лужах, свежестриженные газоны завораживают зеленым шелком. Крошечный зеленый уголок между парком Ленина (теперь — Александровский парк) и берегом медлительной и величавой Невы, самый центр города, откуда рукой подать до Зимнего дворца и здания Биржи. Исаакий возвышается на другом берегу, время сверяется по полуденному выстрелу пушки Петропавловской крепости, которая совсем рядом. Кругом жара, духота, а здесь, в тени густых крон, — прохлада.

Каждый день в зоологическом саду собирается шумными стайками веселая

детвора, с воодушевлением перебегает от одного вольера к другому, наперебой комментируя увиденное. Ленинградский зоосад — сущий клад для юного натуралиста! Статистика свидетельствует о неимоверной популярности этого музея живой природы: 1,5 млн посетителей почти каждый год.

К началу войны в зоологическом саду было 500 животных 170 видов. Обезьяны и еноты, грифы и белки, тигры и кролики. Среди любимцев детворы — его величество слон. Расхаживает себе по вольеру повелитель индийских джунглей, радует глаз посетителей. Если быть точным — то это слониха, Бетти, настоящая артистка. «Умеет делать ряд трюков, ложиться (по команде), сажать к себе на спину, подавать кепи и еще много чего», — читаем в путеводителе по зоосаду, вышедшем в мае 1941 года...

По соседству с Бетти любознательных посетителей радовала толстая, словно огромный пережаренный каштан, бегемотиха Красавица. Современники свидетельствуют: Красавица — самый крупный бегемот из всех проживающих в европейских зоопарках — и правда была красавицей. До войны ее очень хотел заполучить один немецкий зоопарк. Но любимицу ленинградской детворы никто ни на что менять не собирался. Хотя предложения поступали самые заманчивые.

Интенсивное трамвайное движение по проспекту Максима Горького (сегодня — Кронверкский проспект) не спасало от вечного столпотворения на остановках.

В ноябре 1941 года родился детеныш у гамадрила Эльзы. До крайности истощенная мама не могла кормить малыша, но он выжил — его выкормили благодаря донорскому женскому молоку ленинградок!

Трамваи тогда ходили буквально один за другим, маршрутов, проложенных мимо зоосада, было много, однако народу в вагоны набивалось до отказа. Все хотели попасть в зоосад!

Первые жертвы войны

В середине лета 1941 года стало очевидным невыгодное геополитическое положение Ленинграда. Слишком близко граница, слишком быстро враг может оказаться у ворот города, причем как с юга, так и с севера. Сотрудники музеев стали паковать бесценные сокровища, чтобы успеть вывезти достояние республики. Не остался в стороне и зоосад — коллекцию этого музея живой природы было решено эвакуировать. Местом временной дислокации выбрали Казань: туда враг уж точно не дойдет. Специальные вагоны, предназначенные для вывоза животных на временные экспозиции, везли зверей на Волгу. Когда стало ясно, что всех вывезти невозможно, руководство зоосада пошло на беспрецедентный шаг: часть крупных хищников решено было уничто-

Места попадания бомб, 1941 год

Все блокадные годы в зоосаде работал театр зверей. Дрессировщики И. К. Раевский и Т. С. Рукавишников с группой воспитанников: медвежатами, собачками, обезьяной, лисицей и козлик — своими выступлениями радовали раненых и детишек города

Погибшая от немецкой бомбы слониха Бетти

жить. Тот ясный и погожий августовский день юннаты запомнили на всю жизнь. Они, как обычно, прибежали в зоосад и увидели своих любимцев... застреленными. В зоосаде первыми жертвами войны стали львы, медведи и волки.

Такая жестокость, как стало понятно уже в начале сентября, была оправданной. При первом налете в зоосад попало три бомбы. Одна полностью разрушила центральный вход, вторая, весом в 200 кг, упала у обезьянника, большая часть па-

вильона была разрушена, несколько обезьян убиты и ранены, уцелевшие в панике разбежались по всему парку... Третья бомба разрушила пожарную сторожку. Ударная волна развалила слоновник, и пожилая слониха Бетти (в 1941-м ей исполнилось 50 лет) была погребена под руинами. Кадр, запечатлевший сраженную наповал Бетти, попал в документальный фильм «Ленинград в борьбе».

Красавица и другие жители

Казалось бы, участь оставшихся животных была предрешена. Невыгодное положение зоосада, который оказался на одной линии с зенитными батареями Петропавловки, по которым немцы били с Пулковских высот, перебои с поставками кормов — все говорило о том, что от зверей, пусть и редких, исчезающих видов, нужно избавляться. От всех. Тем не менее руководство зоосада приняло решение: зверям быть! Первый раз зоосад закрыли 10 сентября 1941 года — сразу после памятного налета. К тому времени в вольерах было 237 животных. Из них 56 хищных млекопитающих, 29 копытных, 70 грызунов, 10 обезьян, 12 хищных птиц. Первую страшную зиму блокады пережили не все. На 1 января 1942 года в живых оставалось 160 зверей, а на 1 апреля 1942-го — 85.

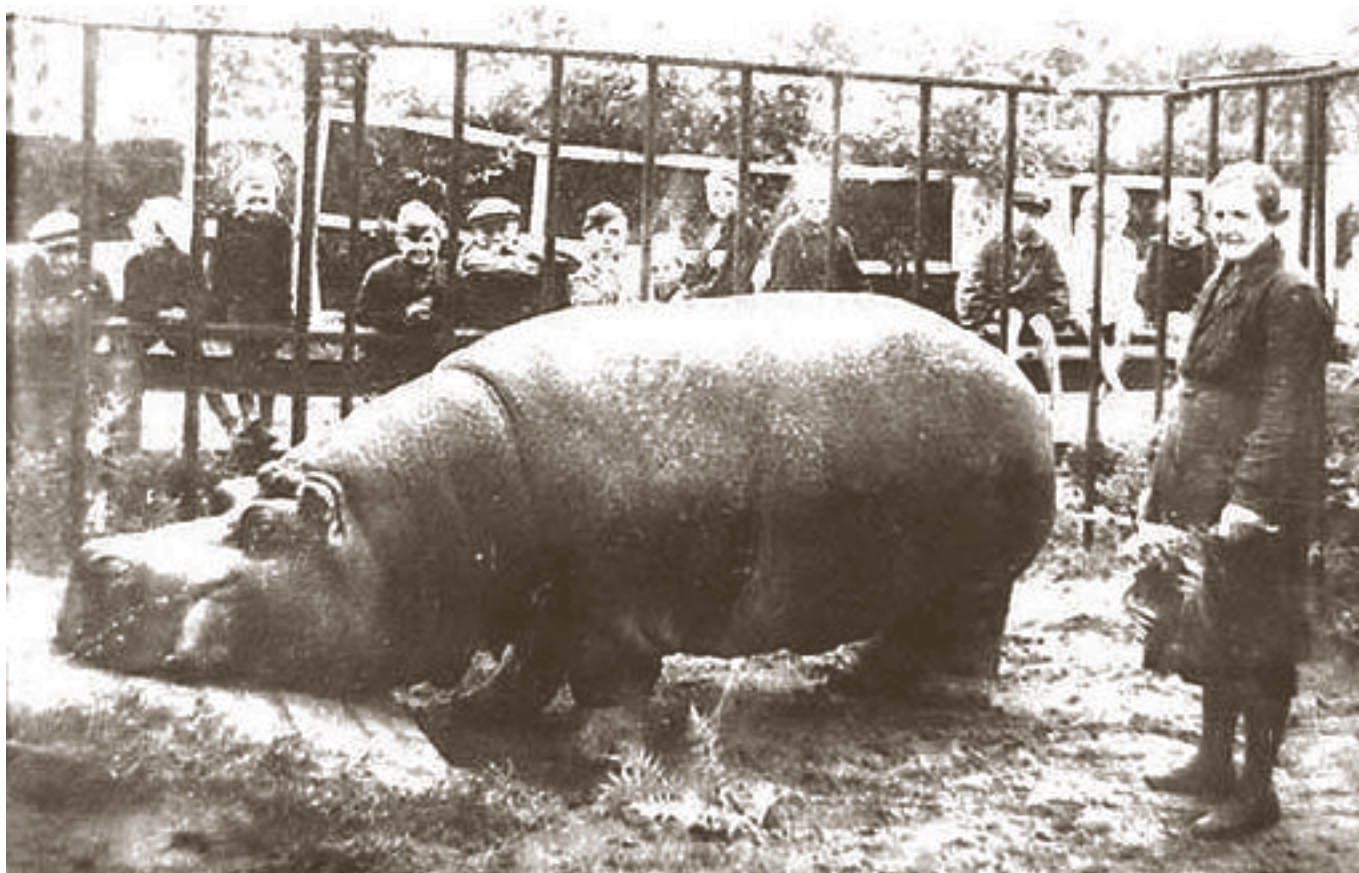
Ужас блокады зоосад познал сполна. Голодный город выживал на минимальном пайке, из последних сил держался сам, но не давал погибнуть зоосаду. Одним из символов стойкости стала беге-

мотиха Красавица. По довоенной норме выдачи корма, ей было положено 36 кг овощей и травы ежедневно. А давали всего шесть... Не каждый зоопарк может позволить себе содержать это прихотливое в неволе животное. А тут — война, блокада. Чтобы гигантский организм «не простаивал» — для бегемота это губительно, — пришлось прибегнуть к гастрономической хитрости: вместе с едой Красавице давали так называемый балласт — распаренные опилки. Приготовить их в условиях блокады было очень непросто. Водопровод быстро вышел из строя, а на полноценное отопление не хватало дров. Первое время выручали сгоревшие летом знаменитые американские горки, примыкавшие к северной и восточной сторонам зоосада. Для приготовления балласта требовалось несколько часов, горячая вода и много-много дров — как на сами опилки, так и на розжиг. Пользы от него мало, зато организм крупного животного не атрофировался. Да что еда, вспоминают служители зоопарка, продуманный

*Блокадный паек зоосада:
36 килограммов распаренных опилок*

Бегемот Красавица и Евдокия Дашина

и правильно организованный рацион — это еще полдела. Не менее важны условия содержания гиппопотама. Всем известно с малых лет, что у себя на родине, в жаркой Африке, бегемот обычно сидит в каком-нибудь водоеме, покидая его лишь изредка. Бегемот должен постоянно находиться у воды, а еще лучше—в воде. В мирное время с водой проблем не было: в специальном бассейне для Красавицы была воссоздана естественная среда обитания. Но в блокадную зиму ей пришлось нелегко. Чтобы кожа Красавицы не покрылась глубокими кровоточащими трещинами, ее нужно было регулярно

обливать теплой водой и обмазывать камфорным маслом. Евдокия Ивановна Дашина, «мама», несмотря на мороз таскала на санках, по 40 ведер воды из Невы.

Красавица с большим трудом переживала авианалеты. В «Правде» писали: «У толстокожего бегемота слабые нервы: когда начинается обстрел, он спешит в бассейн, скрывается в воде и время от времени подает оттуда голос». То есть громко стонет. Кстати, та же «Правда» отмечала, что некоторые животные совершенно спокойно переносят все тяготы войны, налеты вражеской авиации и артобстрелы. Видимо, подобного рода заметки пу-

бликовались для общего успокоения. Так, в одной из статей рассказывалось, что молодой тигр невозмутимо переживает авианалеты. Однако это было не совсем так: при обстреле города 26 сентября 1943 года этот тигр (летом 1941-го он был еще тигренком, поэтому его и оставили в зоо-саде) погиб от кровоизлияния в мозг. При артобстрелах он всегда метался по клетке, стараясь найти укромное место.

Они спасали зоосад

В июле 1942-го зоосад открылся для посетителей — как только разгребли развалы и починили клетки. Горожане радовались уникальной возможности приобщиться к мирной, довоенной жизни, когда поход в зоосад считался самым ин-

тересным и приятным времяпрепровождением после посещения кино и цирка. Пусть трамваи ходили не так часто, как до войны, отказаться себе в удовольствии посмотреть на зверей горожане не могли... Ближе к первым заморозкам зоосад опять закрыли — до следующего лета. В тот год его посетили... 8 тысяч человек. О довоенных 1,5 млн посетителей и речи быть не могло: город основательно поредел за зиму 1941-1942 годов... Однако летом 1943-го в зоосаде побывали уже 25 тысяч ленинградцев! Читаем все в той же «Правде»: «...Ценные звери спасены для науки группой самоотверженных людей. Шестнадцать работников зоосада награждены медалью «За оборону Ленинграда». Они тоже ковали Победу.

Коллектив Ленинградского зоосада. Весна 1945 года

Рецепты блокадной кухни

1. Тюря

60-65 граммов хлеба нарезать маленькими кубиками (около 1 см²), залить кипятком, посолить и прикрыть крышкой минут на пять. Хлеб набухнет, «вырастет», водичка настаивается и становится душистой. Очень вкусно!

2. Котлеты из «хряпы»

(нижних зеленых листьев, оставшихся после уборки капусты)

Листья поварить, пропустить через мясорубку, посолить. Слепить котлеты и испечь на буржуйке. (Буржуйка — железная печка с трубой. Топится всем, чего не жалко.)

3. Жареные кочерыжки

Выкопать корни капусты после ее уборки. Очистить (потребуется крепкий нож и значительные усилия). Отварить в подсоленной воде и испечь на буржуйке.

4. Лепешки из лебеды

(череды, хвоша, дягиля, сныти, листьев липы или клена, корней и листьев одуванчика)

Пропустить через мясорубку, добавить отваренные и измельченные очистки от овощей (если имеются). Сформировать лепешки и подсушить в топке буржуйки на догорающем топливе.

5. Щи зеленые

Те же компоненты, но жидкий вариант. Варить 5-15 минут, в зависимости от наличия топлива.

6. Напиток

противоцинготный

Стакан хвойных иголок залить крутым кипятком. Настоять на плите под полотенцем, пока не остынет плита (буржуйка). Добавить в кипяток для питья. Горько, но полезно.

7. Студень

из столярного клея

Размочить плитку клея. Очень медленно, постоянно помешивая, развести кипятком. Довести до кипения. В горячем виде консистенция очень жидкого киселя. Посолить, сдобрить отваром любой съедобной травы. При остывании загустевает. В большом количестве и натощак — опасен для жизни.

8. Олифа

При отсутствии жиров может быть использована в пищу. В холодном виде неприятный запах чувствуется слабее.

*Эти рецепты —
часть нашей жизни.*

Оставляем их для истории.

*Но пусть никогда
на ваших столах
не будет таких блюд!*

Вспоминают ветераны

Память сердца

Моя медаль

*...Осада длится, тяжкая осада,
невиданная ни в одной войне.
Медаль за оборону Ленинграда
сегодня Родина вручает мне.*

*Не ради славы, почестей, награды
я здесь жила и всё могла снести:
Медаль «За оборону Ленинграда»
со мной как память моего пути.*

*Ревнивая, безжалостная память!
И если вдруг согнет меня печаль —
я до тебя тогда коснусь руками,
медаль моя, солдатская медаль.*

*Я вспомню всё и выпрямлюсь, как надо,
чтоб стать еще упрямей и сильней...
Взывай же чаще к памяти моей,
медаль «За оборону Ленинграда»!*

*...Война еще идет, еще — осада.
И, как оружие новое в войне,
сегодня Родина вручила мне
медаль «За оборону Ленинграда».*

*О. Ф. Берггольц
3 июня 1943 года*

Последнее письмо из школы

АЛЕШИН Иван Михайлович

Мой отец, Иван Михайлович Алешин, красноармеец, родился в 1910 году в Кубско-Озерском районе Вологодской области. Он был призван военным комиссариатом на защиту Родины в самом начале войны — в июне 1941-го. Мне было тогда 3,5 года, а моей сестренке Тамаре — 5,5. Но я хорошо помню тот день: папа держал меня на руках, а мама плакала, я тогда еще не понимала, почему мама плачет. Уходя, папа долго нам махал рукой, и мы ему тоже, пока он не скрылся из виду. Все годы мы

ждали отца, а моя мама, Капитолина Николаевна Алешина (девичья фамилия — Чегодина), так и осталась вдовой, не стала выходить замуж снова.

В октябре 1941 года от отца было письмо из Ленинграда, которое, к сожалению, не сохранилось, но я помню его наизусть, дословно, так как мы его перечитывали много раз уже в мирное

время. Вот его содержание:

«Дорогая моя жена Капитолина!

Это письмо пишу из 289-й школы г. Ленинграда. На подступах к Ленинграду идут ожесточенные бои. Два раза нам удалось выйти из окружения. Завтра снова идем в бой. Береги детей.

*Твой любящий муж Иван
Октябрь 1941 года»*

Это было его последнее письмо. Больше писем от отца не было, а потом 18 января 1944 года маме пришла похоронка, где говорилось, что папа пропал без вести в октябре 1941 года. Вот почему и хочется узнать, на каком направлении Ленинградской области воевал мой отец Иван Михайлович Алешин, может, удастся узнать, где он захоронен.

Зинаида Ивановна Алешина

47

Алешин Иван Михайлович
г.р. Панова Воткинский у.

Извещение 4

Ваш сын, гр. И.
(имя, фамилия, отчество)

Алешин Иван Михайлович
(фамилия, имя и отчество)

уроженец г.р. Свободный Угол Воткинский у.
(область, район, деревня и село)

в бой за Социалистическую Родину, в борьбе с врагом, проявил героизм и мужество, пропал без вести
в октябре м.ч. 1941 года

(убит, ранен и умер от ран)

похоронен _____ (место похорон)

Настоящее извещение является документом для возбуждения ходатайства о пенсии (форма НКД СССР № _____)

Кубско-Озерский районком *Алешин*

М. П.

Листок № 95

Блокадный синдром

БАБАЙКИНА Елена Александровна

Все дальше и дальше уходят от нас события, годы радостные и горькие. Мы теряем родных и близких, друзей и единомышленников. Но есть нечто такое, что никогда не покидает ни меня, ни людей моего Ленинграда, моей страны. Это война — жестокая, несправедливая, вероломная; блокада, карточки.

Мне исполнилось ровно три года, когда началась война, а затем и блокада. Многие могут сказать: «Ну, что она может помнить и писать о блокаде?». Да, я многого не помню, но блокада до сих пор сидит во мне, проявляясь вдруг воспоминанием ощущений, чувств ледящего страха, неотвратимого горя.

До войны моя мама Екатерина Андреевна Дольгодворова работала медицинской сестрой в Железнодорожной поликлинике на Боровой улице. При поликлинике во дворе находилась кухня детского питания (были такие в советские годы). Во время блокады туда поступали раненые, изможденные голодом дети. Там их подкармливали, чтобы спасти от голодной смерти, кого-то подготовить к эвакуации, чтобы они физически выдержали дорогу.

После войны я как-то спросила у мамы: «Так ты могла и мне что-то принести?»

Ее ответ просто ОШЕЛОМИЛ меня: «У нас и в МЫСЛЯХ этого не было. Надо было видеть тех детей: кто-то ранен, кто-то так исхудал, что только одни кости, обтянутые морщинистой кожей — живые скелеты и огромные глаза, полные боли и страдания. Если даже кто-то умирал, то порцию делили поровну среди жи-

вых и давали им осторожно, понемножку, так как это было для них опасно. Сильно истощенные, они могли бы умереть. Да, бывали дни, когда оставалось еды 10-15 граммов (чайная или столовая ложка). Вот тогда я могла принести тебе хоть что-то, так как у других медсестер детей не было».

На работу она каждый день ходила пешком, а во время бомбежки перебежками от дома к дому, начиная от Невского проспекта, 156, затем по Лиговскому, переходила мост через Обводный канал и дальше по Боровой до детской кухни. Я же оставалась в комнате одна (жили мы в «коммуналке»), не смея выходить из нее. Как я проводила время — не помню. Но очень хорошо запомнила подоконник. Он был выше меня и широкий. Я перед ним «цепенела». На нем всегда был насыпан по краю полосой белый порошок, зубной. Он и по сей день

очень неприятен и всегда вызывает чувство, которое характеризуется словами «я съезжился от страха». Об этом я, спустя годы, поведала маме. Оказывается, уходя на работу, она посыпала на подоконник зубной порошок и говорила: «К подоконнику не подходи и не влезай на него. Я все равно узнаю, послушалась ты меня или нет». Я тогда не понимала, как это она «все равно узнает». Мамину хитрость я поняла позже, а неприязнь к зубному порошку осталась.

На нашу долю выпало и другое горе. В марте 1942 года началась репатриация из Ленинграда этнических немцев и финнов. Наша семья была смешанная: папа русский, а мама — финка. Мы с нею попа-

ли в список лиц, подлежащих эвакуации из города.

Мама всеми силами старалась остаться в любимом ею Ленинграде. Милиционеры, проводившие данную акцию, хорошо ее знали, так как видели, что она ежедневно ходила на работу. Один из них сказал: «Уезжайте, я не могу не выполнить приказ, а вам за неповиновение грозит «стенка» (расстрел)». Вот какой парадокс судьбы: нас высылают, а папа в марте 1942-го погибает, защищая город в составе Краснознаменного Балтийского флота. Брат мамы, тоже финн по национальности, в июне 1941 года добровольцем ушел на фронт и погиб под Ленинградом. Остальные родственники умерли от голода в блокаду. А нас репатриировали.

Осень 1942 года. Ладога. Помню, кругом темная, холодная гладь воды, сумрак. Мы с мамой и другими людьми (женщины и дети) плывем на барже. За нами другая баржа — с вещами отплывающих на первой барже. И вдруг на месте второй баржи взметнулся огромный столб воды — в баржу попала бомба. У нас на барже страшная тишина, а потом крики, плач. Все остались без вещей, а у меня на всю жизнь сохранился страх воды.

Затем помню, как мама сильно толкнула меня на землю (я обиделась) — это было уже на берегу после разгрузки с баржи. Я с ужасом шлепаюсь в холодное, грязное месиво (с ужасом, так как мама всегда приучала меня к аккуратности). Было холодно, скользко, липко, но лежала, пока не закончился обстрел.

Затем помню огромную избу. На полу вперемешку лежат измученные люди. Душно. Мы тоже куда-то примостились. Потом товарный состав. Он медленно с остановками ползет по рельсам. В него попадают бомбы и нас пересаживают в другой состав. В теплушке тесно и душно. На какой-то станции мама, как старшая по вагону, и еще две женщины получают хлеб на группу. Состав трогается, и я уезжаю без мамы. Мыслимыми и немислимыми способами через два дня они догоняют нас на стоянке запасного пути. Остальные пути заняты военными эшелонами, идущими на фронт.

Помню в теплушке полумрак, я сижу где-то в углу на сене. Вдруг на стене напротив появляется полоса света, она все шире и шире, вот уже огромная стена света и в ней появляется мама.

Мы, дети войны и блокады, выжили и получили образование, благодаря мужеству, стойкости, невероятному терпению наших мам и людей, которые морально и физически поддерживали друг друга в те страшные годы. Им мы обязаны своей жизнью и жизнью своих детей.

Сейчас в мире появилась тенденция пересмотра итогов Великой Отечественной войны, чтобы принизить в победном ее завершении роль нашей страны.

Но мы-то знаем какой ценой и кем оплачена Победа. Только среди моих родных погибли два дяди, двоюродные сестра и брат, их мать, а главное — папа.

Говорят, раны душевные и физические с годами заживают. Это так. Но бы-

вают моменты, когда вдруг огонь памяти опалит, казалось бы, уже зарубцевавшуюся рану души и нет никакого лекарства, чтобы заглушить боль.

После войны я вернулась в Ленинград. 43 года проработала учительницей начальных классов. Из них 20 — в школе №156 Калининского района г. Санкт-Петербурга.

Мне повезло: у меня была любимая работа. Я — житель блокадного Ленинграда, ветеран труда, имею почетный знак «Отличник народного просвещения», медаль «За доблестный труд», а также юбилейные медали.

О войне.

Размышления ленинградского мелиоратора

БИБИКОВ Андрей Иванович

Сорок лет прошло со времени окончания Отечественной войны. Это большой срок. По законам смены поколений, из жизни уходят участники и свидетели великих сражений и побед Вооруженных сил. И они, эти участники, уносят с собой то, что было известно только им: то, что они пережили, почувствовали, перенесли, пострадали, что видели, что сохранила память. Их живые свидетельства не смогут заменить ни самые хорошие художественные произведения, ни великолепные кинофильмы, ни труды историков.

Время выбрало нас. Пришлось пройти через многие испытания. Я знал и горечь отступления, и радость победы, а боевой путь окончил на берегу Балтики в немецком городе Росток, земля Бранденбург. Мне пришлось участвовать в оборонительных, а затем наступательных боях Западного, Воронежского, Центрального, Первого и Второго Белорусских фронтов. На знаменитых «тридцатьчетверках» прошел с боями от Волги-матушки через всю Россию, Белоруссию, Польшу, Германию.

Участвовал в танковой битве на Курской дуге, в составе 90-й танковой брига-

ды. Эти несколько дней июля 1943 года вспоминаются как ревущий, грохочущий и завывающий ад. Ревели моторы, лязгали гусеницы, били орудия, завывали падающие сверху бомбы, скрежет, вопли, стоны — все вместе слилось, смешалось и покрылось облаком дыма, копоти, гари, огня. А сейчас, много лет спустя, трудно за-

быть приказной и подбадривающий голос комбата в шлемофоне ТПУ: «Вперед, соколики, вперед, орлы! 152-й, чего ты топчешься на месте? Не отставай, смелее вперед, не жалейте огонька!». И вот ты, стреляя из всех видов оружия, газ до трубы, мчишься на заданный ориентир, временами меняя курс против боковых попаданий, стремясь быстрее уничтожить все, что на твоём пути, и подсознательно подумываешь: откуда сегодня — справа или слева?

Встретились две громадные танковые армады. Танки то сходились в атаках на близкие дуэльные расстояния и расстреливали друг друга в упор, то расходились, стремясь издалека поразить неприятеля в борт, ведь там броня тоньше. Шли на таран, сталкивались и опроки-

дывались — грохот, лязг от пробиваемой брони. Ежедневно горели сотни танков, боеприпасами взрывались у них внутри, от чего башни с характерным шумом отлетали на десятки метров. Обе стороны дрались с остервенением, яростью и отчаянием.

В боях под легендарной Прохоровкой запомнились отвага и самопожертвование наших ребят.

Начиная с 5 июля, наш экипаж ежедневно по несколько раз атаковал и сам отбивал атаки «фердинандов», «пантер» и «тигров». За эти дни мы все же подбили немецкий танк «пантеру» и самоходку «фердинанд», а сами отделялись небольшими повреждениями машины от касательных попаданий. Но 12 июля мы неудачно подставили свой левый бок «королевскому тигру» — и... наш башнер остался без левой руки, командир танка контужен, мне, радисту-стрелку, осколок попал в правое плечо. Горящий танк мы, все четыре человека экипажа, быстренько покинули, помогая друг другу, первым вытащив башнера, который был в шоковом состоянии, и оттащили его подальше от машины. Дальше для меня — полевой госпиталь, короткое лечение, маршевая рота и вперед, на запад, на новой машине... К счастью, экипаж нашей «тридцатьчетверки» не стал в этих страшных боях пищей для какой-нибудь из шести разновидностей могильных червей, а немцы после Курской битвы потеряли былую мощь и дальше только оборонялись и отступали.

Потом наша 17-я гвардейская танковая Орловская ордена Ленина, Краснознаменная, ордена Суворова бригада Первого Донского танкового корпуса освобождала в центральной России Курскую, Орловскую, Брянскую и Смоленскую области, в Белоруссии — Речицу, Гомель, Калинковичи, Бобруйск и Минск, в Польше — Гданьск, Гдыню, Сопот, Пултуск и Варшаву, а также многие другие знаменитые и безызвестные города, штатты, маентки и дорфы. Брала штурмом Кенигсберг, Штецин, Страсбург, Бранденбург, Росток, Виттенберге, Висмар, где соединились с союзными нам английскими войсками. Форсировали реки Дон, Днепр, Березину, Нарву, Вислу, Одер.

Немцы любили давать своим воинским частям оригинальные и устрашающие названия. За долгие годы войны мне приходилось вести танковые бои со многими немецкими частями, такими как «Великая Германия», «Мертвая голова», «Герман Геринг», «Викинг» и другими. И могу отметить, что это были достойные противники, они умели воевать находчиво, жестко, озлобленно, признавая только реальную силу, способную их остановить и победить.

У одной небольшой польской деревушки Лагоница Пултусского повята разгорелся очень жестокое сражение. Очевидно, немцам надоело все время пятиться, а нам было уже не остановиться. Танковый бой — это не только соревнование в смелости, находчивости и быстроте, но и необходимость подавить в себе

врожденный инстинкт самосохранения, переступить через страх и поступиться жаждой жизни.

Четырежды мы разворачивались в линию и атаковали Латоницу — и откатывались назад раз за разом под прямым дуэльным огнем артиллерии и врытых в землю вражеских танков. Из нашего 347-го танкового батальона остались не подбитыми и не сгоревшими всего несколько танков. Врытая в землю самоходка сбила нам левый ленивец и перебила гусеницу. И когда наша «тридцатьчетверка» завертелась на месте на одной гусенице, второй снаряд попал в трансмиссию, и танк загорелся. В этом бою я был ранен в левую ногу.

Что касается «Викинга», то его воины в большинстве своем остались вековать на земле этой неприметной польской деревеньки Лагоницы — против нас стояла, зарывшись в землю и обороняясь до обреченности, дивизия с таким чисто немецким названием.

Я из тех, кого в далекой молодости жгли в танках, подрывали на противотанковых минах, ранили и контузили, неоднократно вычеркивали из списка живых: десять раз горел в танках, трижды подрывался на противотанковых минах, дважды ранен и тяжело контужен. Бывалый радист-стрелок танка Т-34, ныне гвардии старший сержант запаса, имею двенадцать благодарностей Верховного Главнокомандующего и многие правительственные награды за боевые действия в Отечественной войне. Когда тебе за пятьдесят, и ты убедился, что лекарства

от времени нет, ты оглядываешься назад: а что там было, так ли жил, как представлял, как хотел и мечтал? Много было разного. Иные годы выступают смутно, как в тумане, другие — четко, незабываемо.

Солдатами не рождаются, я ненавижу войну, но моя молодость, как и всего моего поколения, неразделима с ней. Мне иногда не хватает людей, с которыми я воевал и встречался на войне. Людей разных — и хороших, и не очень, и всех других, кого я знал тогда. Почему так, ответить непросто. Очевидно, потому что мы все разные, мы дополняем и нужны друг другу. После сорока послевоенных лет я убедился, что людей лучше тех, с которыми воевал, я больше не встречал, поэтому я их очень люблю. Это ностальгия моего поколения, которое «выбили почти сполна», как пишет мой современник, участники Отечественной войны, писатель Юрий Бондарев.

В мае 1945 года мне еще не исполнилось и двадцати одного года, и я верил, что после войны все изменится к лучшему, жизнь будет прекрасной. Годом-двумя позднее я понял, что не все будет так хорошо, как я думаю. Но в год Победы я был еще мальчиком и, по существу, не знал, что такое обычная жизнь. Более поздний, современный мир, как оказалось, держится ожиданиями, тревогами и надеждами, но также — и потребительством, прагматизмом, престижностью. Очень жаль, что нас захлестнул мир вещей, что ослабли духовные начала, но жизнь продолжается, все движется и меняется.

Прошедшие десятилетия я занимался проектированием, строительством и эксплуатацией мелиоративных систем Ленинградской области, делал изыскания, разрабатывал проектно-сметную документацию, совершенствовал существующие технологические схемы, осушал и осваивал болота, залесенные и закамененные земли, строил осушительные и оросительные системы, эксплуатационные дороги и сооружения. Беспокойный XX век бросал меня в разные места, я работал почти по всей Ленинградской области.

В последние годы — технический руководитель Пригородного межрайонного ремонтно-эксплуатационного управления, поддерживающего мелио-

ративные системы Всеволожского и Кировского районов.

Перед ленинградской мелиорацией, перед землей ленинградской у меня долгов нет. Они отданы и в мае 1945 года, и в течение всей моей последующей жизни. Ветераны нашего ведомства, как и более молодое поколение мелиораторов, работающих в составе двухмиллионной союзной армии мелиораторов, вот уже более трех десятилетий преобразовывают нашу землю, в том числе — территории, израненные и опаленные войной, на которых навечно установлены памятники славы: «Разорванное кольцо», «Катюша», «Цветок жизни» и десятки памятников русскому оружию и русскому духу.

* * *

*Есть такое в ленинградцах,
То, чему они верны,
В чем — никак не разобратся
Никому со стороны.*

*Не в удаче, не в богатстве,
Не в упрямстве даже суть —
А в особом нашем братстве
Над Невой, не где-нибудь!*

*И в бою, и в непогоду,
Среди самых злых забот —
Ленинградская порода
Никогда не пропадет!*

Николай Тихонов

БАЛМАТОВА Галина Георгиевна

Говорят, что все наши судьбы написаны в скрижалях Господних. Каждому своя судьба. За какие же прегрешения назначена четырехлетнему ребенку тяжелейшая судьбина?

Весна 1941 года. Моя бабуся Прасковья Семеновна Носова привезла меня на лето, как и других ленинградских детей в деревню Мухарево Дедовичского района Ленинградской области, в дом своей невестки Ольги Носовой. А мама Ксения Яковлевна с братом Анатолием остались в Ленинграде.

И тут грянула война. Июнь 1941-го. Мама попыталась выехать за нами в деревню, но уже все дороги были отрезаны, и она с большим трудом вернулась в Ленинград, пережив впоследствии годы блокады. К нам же в деревню пришли оккупанты. Нас выгнали из дома, мы ютились под сараем в землянке, очень мерзли и голодали. Я помню, как всех жителей в сильный мороз выгнали на улицу и долго не пускали в дома. От мороза у меня потрескалась кожа на пальчиках рук. Какую-то женщину стали пытаться. Она дико крича-

ла. Но бабуля закрыла меня. Потом, через полтора года, нас погнали в Германию. А деревню сожгли.

Мою тетю Ольгу Носову и других молодых женщин увезли в Германию, а нас, детей и пожилых людей, пешком погнали по Латвии. Мы шли по болотам, и бабуля едва не утонула. Ее с трудом вытащили. У нее были очень большие ноги, раны гноились и кровоточили. Она не могла дальше идти. Тогда нас оставили в местечке Эрберге Маззавелской волости Екабпилсского уезда. Поселили в каком-то клубном помещении нас и несколько других деревенских женщин. Эти женщины стали работать батрачками. А мы остались одни. Бабуля не поднималась, лежала на соломе на полу и плакала. Есть было нечего. А наутро бабулечка скончалась, и я осталась одна. Помню, какие-то дети смеялись надо мной, дали мне кусок черного хлеба, а сверху лежала белая стружка от спиленного дерева.

Через несколько дней пришло мое спасение в лице Франца Яунземса. Бабулю похоронили. Стояла поздняя осень. Было очень холодно. Но меня спасли супруги Яунземс, Франц и Анна, взяв на воспитание. Они вылечили меня, так как я была вся в коросте, научили латышскому языку, и вскоре я пошла в 1-й класс латышской школы. Мы жили на хуторе сначала «Лепкалны», потом переехали на хутор «Ибене». Меня называли именем Нина, потому что мое настоящее имя на латышском языке было неблагозвучно.

Я помню, что когда советские войска вошли в поселок, мы все уехали прятаться в лес, вместе с домашними животными жили под огромными елями. Но военные приказали всем выйти или будут стрелять. Тогда мы поехали в поселок, где стояли русские военные. Меня как русского ребенка вывели первой и рассказали мою историю. И какой-то военный поцеловал меня и подарил красивый гребешок для волос. А папу Франца похвалил за мое спасение. Мне жилось хорошо у них. Но вот кончилась война, меня разыскала моя мама и увезла в Россию.

*«Победа!». Елизавета Чумак,
ученица 6-го класса лицея №144*

Мы с братиком тоже из блокады

ВАСИЛЕНКО Виктор Васильевич

*Я тоже блокадник, я тоже оттуда, где холод, где голод, где стон...
И жизнь для меня — это вечное чудо, и я в это чудо влюблен.*

О. Шестинский

Родина Виктора Васильевича — село Бежарицы Бежецкого района Калининской (ныне Тверской) области. Родители: отец Василий Ильич и мать Мария Федоровна вместе с маленьким сыном в конце 1930-х годов переехала в Ленинград.

Виктор Васильевич родился 25 апреля 1936 года и многого не помнит, но запомнил, что жили они между Колпино и станцией Понтонная. Там было несколько домов из красного кирпича, в одном из которых и жила их семья, которая вскоре увеличилась: родился младший брат Александр.

Мирное и благополучное течение жизни нарушила Великая Отечественная война.

Ребенок запомнил, как летом 1941 года со станции Понтонная они провожали папу на фронт. Мама осталась одна с двумя детьми пяти и полутора лет.

Началась блокада.

В районе Колпина шли ожесточенные бои. Все железнодорожные станции,

в том числе и Понтонная, подвергались интенсивным бомбардировкам. Мальчик запомнил, как бомбили красные кирпичные дома. К счастью, их дом остался цел.

И еще он запомнил голод...

Мать старалась раздобыть что-нибудь из еды. Меняла вещи на хлеб. Ходила на колхозные поля и, несмотря на артобстрелы, пыталась в промерзшей земле найти остатки

картошки, обрывки капустной хряпы или одеревеневшие кочерыжки. Хоть что-либо мало-мальски пригодное для еды.

Однажды весной мама взяла карточки и пошла отovarивать их в магазин. Началась бомбежка. Потом она закончилась, а мамы все нет и нет. Тогда дети, взявшись за руки, пошли ее искать.

Когда они подошли к магазину, то увидели, что он разрушен. Пожарные тушат огонь, а спасатели стараются помочь раненым и выносят тела погибших. Среди убитых была и Мария Федоровна Василенко — жена фронтовика и мать двоих малолетних детей.

Виктор Васильевич говорит: «Я до конца жизни не смогу забыть расплывшееся кровавое пятно на ее груди, а недалеко в стороне лежала оторванная мамина ножка».

Он не помнит, кто их отвел домой и где они находились. Он только помнит, что отец, который воевал на Ленинградском фронте, приезжал хоронить маму и привез в подарок сынишкам по красноармейской звездочке.

Через несколько дней пришли две женщины и отвели мальчиков в детприемник, где они пробыли с 11 по 13 мая 1942 года, затем их перевели в детский дом №15, расположенный на набережной Фонтанки, в доме 6, напротив Летнего сада.

Это старинное здание достойно послужило России! Первоначально на этом

месте находились конюшни Бирона, затем жилой дом, где в разное время жили полководец Барклай де Толли и государственный деятель Михаил Михайлович Сперанский. Спустя несколько лет дом был перестроен архитектором Василием Петровичем Стасовым, и в 1835 году в нем разместилось Училище правоведения. В его стенах мальчики из дворянских семей на протяжении семи лет получали блестящее образование и прекрасное воспитание. Многие из выпускников училища стали гордостью нашей страны, хотя и не все посвятили себя профессии юриста. Среди них — сыновья архитектора Стасова: крупный адвокат Дмитрий Васильевич и активный деятель музыкального содружества «Могучая кучка» Владимир Васильевич, поэт Алексей Николаевич

Апухтин, композитор Александр Николаевич Серов, великий Петр Ильич Чайковский и другие замечательные люди.

В годы Великой Отечественной войны в этом же здании осиротевшие блокадные дети нашли приют и заботу.

Братья Василенко пробыли там четыре месяца. Их подкормили и подлечили. Ребятишек водили гулять в Летний сад и на Марсово поле. Когда они шли по набережным, то иногда видели, как по Неве и Фонтанке плыли трупы людей.

В августе 1942 года детский дом эвакуировали в Кировскую область. До Ладоги ехали на автобусе, затем всех погрузили на баржу и доставили на «Большую землю». Выгрузили в темноте. До поезда надо было идти пешком через железнодорожный мост. Он был поврежден бомбами и на нем были не только неровности, но и дыры. Несколько изможденных детишек провалились в них и погибли.

Везли в товарных вагонах до станции Шахуйя Кировской области. Там детей тепло встретили местные жители и на повозках повезли в районный центр Шаранга, где для ленинградских детей был организован детский дом №15. О воспитанниках заботились, учили, прививали трудовые навыки. Летом, все вместе работали на полях. Много доброты и внимания уделяли ребятам воспитатели Н. Д. Васёнов, А. П. Макарова и другие.

Весной 1944 года пришла беда. Был убит папа. В похоронке значилось, что в бою за Социалистическую Родину верный воинской присяге В. И. Василен-

ко проявил геройство и мужество и был убит 6 апреля 1944 года, похоронен в деревне Стрибутка Псковского района Ленинградской области. (В те годы Псков был районным городом Ленинградской области.)

Вместе с похоронным извещением мальчишкам были переданы фронтовая фотография папы и письмо воспитательницы А. П. Макаровой к отцу о жизни его детей. На письме видна запекшаяся кровь Василия Ильича.

После войны только у троих воспитанников нашлись родители, которые увезли их домой. Остальные, круглые сироты, остались в Шаранге.

В 1950 году Виктора Васильевича с группой детдомовцев привезли в Ленинград для поступления в Нахимовское училище, но набор уже был закончен и ребят направили в ремесленное училище №63, где Виктор получил специальность токаря и был направлен на завод «Электроприбор», на котором отработал три года. Все это время он жил в общежитии. Виктор Васильевич с детства мечтал водить машину, поэтому в 1955 году поступил на курсы ДОСААФ и после их окончания 10 лет проработал шофером в гараже своего завода. Принимал участие в междугородних рейсах. Более 30 лет трудился в автопарке №6 на ул. Стасовой, 14. На пенсию вышел в 2003 году в возрасте 67 лет.

Виктор Васильевич Василенко имеет звание «Житель блокадного Ленинграда» и «Ветеран труда». Он водитель I-й категории. Награжден юбилейными медалями

и почетными знаками, в т.ч. почетным знаком I-й степени «За беззаветную работу».

Женат, имеет двоих сыновей.

Взрослая жизнь Виктора Васильевича сложилась благополучно, но пережитое в детстве не забывается. Ему всегда хотелось побывать на могиле отца, но все время отвлекали другие дела и заботы.

И вот в 1991 году он отклонился от трассы и заехал в деревню Стремутку, где на братском погосте покоятся останки трех тысяч советских воинов. Захоронение любовно обихожено. Около памятника венки и цветы, а рядом памятные доски, на которых поименно перечислены все павшие, в том числе и Василий Ильич Василенко.

Младший брат Александр Васильевич жил в г. Кирове, работал водителем, имел семью. Умер в 2009 году.

Оба брата все время поддерживали связь со своими друзьями по детскому дому. Все они разъехались по разным городам, но их всегда тянуло в Ленинград, тем более, что временами надо было получать архивные справки, а с этим случались трудности. Виктор Васильевич выяснил, что во время блокады было два детдома под №15. Один — для городских детей, а другой — для детей из пригорода. Эти сведения облегчили бывшим ленинградским малышам получение почетного знака «Житель блокадного Ленинграда».

Бывшие воспитанники часто встречались, перезванивались. Увы, теперь это бывает все реже и реже.

Но память о детях блокадного Ленинграда в Кировской области жива!

Недавно Виктору Васильевичу прислали книгу воспоминаний о детском доме №15. Заглавие ее — «Подранки». Она подготовлена и издана силами районной библиотеки г. Шаранга. Тираж — 50 экземпляров. Оформлена очень скромно. Но сколько тепла и сердечности в ее содержании! Много сил работе над книгой отдала заведующая отделом краеведения Заремба. В. В. Василенко тоже упоминается в этом издании.

Не все дети дожили до Победы. Некоторые из них так и не оправились от пережитого и покоятся на местном кладбище. К сожалению, часть захоронений не сохранилась.

В знак скорби и памяти к 65-летию победного окончания Великой Отечественной войны в мае 2010 года Администрацией города Шаранга был торжественно открыт памятник в виде камня, надписью на котором и будет завершено это невеселое повествование:

«Проходящий по этим печальным дорожкам! Остановись и поклонись. В этой земле похоронены дети блокадного Ленинграда, детского дома №15. Их могилы затерялись, но память о мальчишках и девочках, чье детство убила война, жива. И будет жить вечно!»

Низкий поклон Вам, добрые люди города Шаранги за память о блокадных детях города-героя Ленинграда!

Время детства — война

ВИНОГРАДОВА Вера Николаевна

Дух войны довлел над нашим детством. Озабоченность и страх взрослых передавались нам — детям. Я не помню ни смеха, ни радостей, но зато хорошо помню сирену воздушной тревоги, свист падающих бомб, грохот, взрывы, частые, спешные перебежки в бомбоубежище, запах дыма, гари и голод.

Есть хотелось всегда.

Не было мыла, свечей, жили в темноте. Окна замаскированные черной тканью, стекла, заклеенные бумажными полосами крест-накрест, разбитый водопровод, сгоревшие продуктовые склады.

До войны наша семья: папа, мама, старшая сестра и я — жили в поселке Лахта. Дом был деревянный.

Папа ушел на фронт и погиб. Сестренка умерла в блокаду.

Мама работала на Государственном оптико-механическом заводе (ГОМЗ). В годы войны сотрудники завода были переведены на казарменное положение. На заводе жили, урывками спали и трудились. «Всё для фронта, всё для Победы!». За Победу и отдавали свои жизни.

Мне было около пяти лет, и меня определили в детский дом на Гельсингфурской улице.

Помню на лестнице висел большой портрет И. В. Сталина с дочерью на руках, и, глядя на портрет, казалось, что и нашим блокадным детям так же хорошо, как Светлане.

Мне всегда хотелось есть и очень хотелось к маме. За два месяца один раз маме дали выходной. Взяв меня и еще одного сироту из нашего детдома, мы пешком из города отправились в Лахту. Поезда не ходили, пути разбиты,

а другого транспорта нет. Шли долго, усталые, голодные, плохо одетые. По дороге съели сухой паек, но оставили две соевые конфетки, которые я потом разрезала на 30 крохотных кусочков, сначала вдоль, а затем поперек, тем самым продлив ощущение сладости, когда мы пили с ними кипяток.

Подходя к дому, обнаружили, что нашей комнаты нет. За время долгого отсутствия нашей семьи соседи разобрали две стены на дрова. Переночевать и согреться оказалось негде. Слезы, тревога, страх... Приютили чужие люди. Утром пошли искать жилье. Нашли комнату примерно в 12 квадратных метров без дверей, стекол, без печки. Окна закрыли подушками, дверь помогли повесить жители из другого дома, а печку мама переложила сама.

Спали на полу. Вечером мама принесла кусок сырого мяса. На улице пала лошадь, и кто успел разобрал ее на куски. Мама положила мясо на ночь на холодный подоконник. Ночью она меня не нашла возле себя. Стала искать и увидела меня около подоконника. Я стояла на коленочках и зубами грызла, рвала это мясо. После этого я с дизентерией попала в больницу, где умирала моя старшая сестра. Мы лежали в одной постели, чтобы нам было теплее. Сестра кормила меня своими сухарями, а я забиралась под одеяло, чтобы никто не увидел, что мы лежим вместе. Медикам спасти сестру не удалось.

По городу на углах уцелевших домов висели репродукторы. Звучный голос Левитана оповещал о победах и поражениях, о потерях противника и наших. Передавались репортажи о мужестве бойцов и стойкости тружеников блокадного Ленинграда. Фронтовые поэты читали свои стихи, а 9 августа 1942 года состоялась трансляция первого в нашем городе исполнения 7-й симфонии Д. Д. Шостаковича.

В январе 1943 года блокада была прорвана, а в 1944-м окончательно снята.

Наступили мирные дни.

1952 год. Я выпускница 7-го класса школы №444 поселка Ольгино. Для нас организован бал-карнавал. Многие пришли в веселых маскарадных костюмах. А во мне еще живет дух военного времени. Я надела солдатскую форму, подпоясанную матросским ремнем и на спине у меня плакат «Миру — мир...» Жюри за ко-

стюм вручает мне первую премию — бюст А. С. Пушкина. А ведь мне никто не подсказывал, какой надо сделать костюм, где найти и как одеться. И ведь после войны прошло уже 7 лет!

В трудные послевоенные годы нам в школе дополнительно к продуктовой карточке выдавали кусочек черного хлеба и немного конфет — подушечки и «Крокет».

Один мальчик принес в класс открытки, и я в обмен на хлеб и конфетки взяла у него открытку с видом Мавзолея В. И. Ленина. Хотя и хлеба, и конфет мне самой очень хотелось.

Тогда, давно, в детстве, я многого не понимала. Сегодня я осознаю, что и солдатская форма, и открытка с видом Мавзолея — это детский патриотизм, это был дух времени, дух пережитой войны.

Наверное, поэтому я сейчас состою в обществе «Жителей блокадного Ленинграда» г. Одессы и в Совете ветеранов войны. Вместе с коллегами принимала участие в патриотическом воспитании молодежи.

Мой муж был офицером Советской Армии и последним местом его службы был город Одеса, где я проживаю и сейчас. В нашем городе есть улица Ленинградская и есть памятная доска «Дорога жизни», где ветераны и молодежь проводят торжественные мероприятия, возлагают цветы, устраивают пресс-конференции и т.п.

Руководство г. Одессы всем блокадникам вручило почетный знак с надписью

«Тем, кто выжил в блокадном Ленинграде и кого Дорога жизни привела в Одессу».

Сегодня я в гостях у своих родственников в г. Санкт-Петербурге. Очень спешила приехать к 8 сентября и принять участие в возложении цветов на Пискаревском мемориале в память 70-летия со дня начала блокады Ленинграда. Я встретила теплый прием со стороны депутатов и ветеранов МО Пискаревка.

От имени ветеранов Великой Отечественной войны и блокадников, проживающих в Одессе, передала ленинградцам самый теплый и солнечный привет и пожелания благополучия, здоровья и долгих лет жизни.

Закончить свои воспоминания я хотела бы словами Веры Инбер, московской поэтессы, уроженки г. Одессы, пережившей от начала и до конца Ленинградскую блокаду.

Бессмертные

*К плеяде столь прославленных имен,
Как Измаил, Полтава, Севастополь,
Прибавится теперь еще и он,
Град Ленина, о чей гранитный цоколь
Разбилась боевая мощь врага,
Зарывшегося в русские снега.*

*О, этот город! Как его пытали...
С земли и с неба. Стужей и огнем.
Он голодал. Бледнее лица стали,
Румянец мы не сразу им вернем.
Но даже и тогда, на много лет,
Останется на них особый след:*

*Какая-то всеобщая повадка,
Небудничное выраженье глаз.
И собеседник, может быть, не раз
Внезапно спросит, озарен догадкой:
«Вы, вероятно, были там... тогда?»
И человек ему ответит: «Да».*

*И ежели отныне захотят,
Найдя слова с понятиями вровень,
Сказать о пролитой бесценной крови,
О мужестве, проверенном стократ,
О доблести, то скажут — Ленинград, —
И все сольется в этом слове.*

Вера Инбер
Декабрь 1941 года

ГУСЕВА Вера Николаевна

Родилась 28 августа 1928 года в деревне Влазовичи Себежского района Псковской области

Муж — Гусев Александр Васильевич, участник двух войн — Финской компании 1939 года и Великой Отечественной войны 1941-1945 годов, танкист. Проработал всю свою жизнь на военных авиационных заводах слесарь 7-го разряда. Умер в 1983 году.

Перед войной я с мамой и отцом до 1938 год жила в Тучковом переулке. Ходила в школу №29 в первый и второй классы, училась на «отлично».

Потом мы стали жить в деревне Влазовичи Максютинского сельсовета Себежского района Псковской области. Третий, четвертый и пятый классы я ходила в школу в деревне Кицково, училась хорошо, но война помешала, так и осталась недоучкой.

Наша деревня Влазовичи Максютинского сельсовета Себежского района Псковской области была оккупирована ровно три года, с 12 июля 1941-го по 12 июня 1944 года. Мы жили в страхе неволи и насилия.

В 1943 году перед Рождеством меня, Люсю Никоненок и Шуру Маслову вызвали в комендатуру в Идрицу. Люсин

отец отвез нас туда на лошадке, и мы с Шурочкой первые пошли с немецкими паспортами (два небольших желтых листочка). Их у нас отобрали и сказали, чтобы мы на следующий день к 9 утра пришли в комендатуру.

Для какой цели — мы не знали. Мы с Шурой шли по Идрице и плакали, а немцы веселились, играли на губных гармошках.

Мы искали моего дядю Михея, он жил со своей семьей, женой и двумя дочерьми в Идрице. Когда он вернулся с работы, мы рассказали ему обо всем. Дядя Михей сказал тете, чтобы она нас накормила утром, и приказал убежать со станции Идрица. Мы так и сделали, а Люсин отец увез свою дочь домой. Моя мать очень переживала за меня, всю ночь не спала, бегала на другой конец деревни к отцу Люси узнать, почему он свою дочь привез, а нас оставил.

Мы добрались до деревни Влазовичи. Мама моя заболела и через две недели умерла, врачей не было, лечить некому. Я осталась одна в доме, мне было 14 лет.

Ко мне переехала сестра Серафима Полукеева со своим семилетним сыном Мишей. Его отец Александр Борисович Полукеев был командиром отделения в местном отряде партизан.

Стали мы жить втроем и помогать партизанам чем можем: печь хлеб, сушить сухари.

В 1943 году летом немцы наткнулись на партизан. Каратели угнали из стада коров и нашу корову. Надели ремень на рога и увели. Жить становилось все труднее и страшнее, есть уже было нечего.

В 1943 году летом меня забрали в лагерь, который находился в деревне Левково в полутора километрах от нашей деревни Влазовичи. Там находились мои сельчане — вместе работали, копали траншеи, окопы. Жили мы в этой же деревне, пока работали.

Однажды, пробегая мимо немца-конвоира, я зацепилась рукой за рукав, и он оторвался по шву от плеча. Тут же все замерли и шептаться стали: «Верка, теперь тебе смерть в этой траншее...» Но он меня не убил, я ему пришила рукав (у каждого из нас была иголка с любой по цвету ниткой под воротником на всякий случай). Немец не понимал по-русски и объяснял жестами, что я должна пойти на кухню чистить картошку, он очень рассвирепел на меня. Я ему рукав пришила крепче чем он был, а сама подумала: «Моей картошки ты не поешь». На второй день я пришла как обычно и работала со всеми вместе, а на кухне могли изнасиловать.

Через несколько дней у меня заболела нога — на подошве нарыв, так как приходилось копать железной лопатой босиком, нечего было надеть — не было ни галош, ни лапоточков. Я не вышла на ра-

боту, ушла домой. Мы проживали тогда у родственников в той же деревне, где работали, и все время сажали Мишу смотреть в щель между бревнами. И вот он бежит и кричит: «Верка, немец со старостой идет». Деваться некуда, сестра скомандовала: «Полезай в подпол!». Я прыгнула в погреб, притаилась и сижу. Они вошли в хату. Немец стучал башмаками по полу и орал по-своему, что если я не приду завтра на работу, он хату спалит.

Делать было нечего, когда они ушли сестра открыла крышку подпола, я вылезла. На следующий день пошла с больной ногой на работу, а перед работой зашла в медпункт, где мне завязали ногу.

1944-й — самый страшный год, немцы отступали, многих расстреляли за связь с партизанами. В нашей деревне были расстреляны врач сельской больницы Миرون, секретарь парторганизации Федор Никоненко, Егор Ковалев, Павлик Пиманенок, Юра Бхмара. Последние ходили в школу в 6-й класс, а я была в 5-м.

Мать моей Шурочки, Ольга Павловна Маслова, была зверски замучена с двумя малолетними детьми — Надей 11-ти лет и Володей 9-ти лет, а самый старший сын находился в партизанах в отряде Ивана Константиновича Никоненко. Шурочку забрали в лагерь. Она осталась жива, после войны проживала в Латвии.

В деревне Дорбиши, в четырех километрах от нашей, орудовали власовцы. Предатели наезжали верхом на лошадях и зверски расправлялись с жителями мирных деревень.

Вера у магазина в деревне Максютино, для постройки которого таскала бревна в 1944 году

В марте 1944 года сестра мне умышленно ошпарила кипятком левую голень ноги. Когда вытаскивала чугунок с кипящей водой из русской печки, кипятком плеснула мне на ногу, согнутую в колене, я сразу потеряла сознание от болевого шока, сестра в этот момент успела снять с меня шерстяной чулок, чтобы не повредить ошпаренную кожу. Я очень плакала и кричала от боли. Мы с Мишей забрались на русскую печку с ведром холодной воды. Он мочил в холодной воде

холщовое полотенце и прикладывал мне на ожог, пока не образовался волдырь во все колено. Ногу перевязали красной тряпкой. Нога болела у меня больше двух месяцев.

Серафиму забрали в лагерь, а я и ее сын Миша остались. Мой золотой, дорогой племяшек Мишутка не знал о том, что после войны он окончит школу на отлично и приедет к своей уже не Верке, как он обычно называл меня, а дорогой тете Вере в Ленинград учиться в Военно-

медицинскую морскую академию, филиал которой находился у Витебского вокзала. Я жила на Гражданской улице, уже была замужем, имела двоих детей. Он и теперь меня называет тетя Вера, хотя моложе меня всего на семь лет. Сейчас он подполковник медицинской службы, заслуженный хирург, проживает под Москвой, в поселке Черноголовка.

В деревне Дорбиши стояли власовцы. Моя сестра Сима и Мишутка раньше жили в этой деревне, и если бы они не переехали после смерти матери ко мне, то их не было бы в живых.

Как-то раз прибежал Миша и закричал, что в деревне ездят на лошадях немцы или власовцы, издалека не видно. Мы больше всего боялись власовцев, они были самые жестокие, издевались и расстреливали мирных людей. Я взяла ведра, на коромысло повесила и пошла за водой на реку. Вернувшись, захожу во двор и вижу — стоит лошадь. Я испугалась что сама пришла в лапы врагу. Ну, что будет, то будет. Открываю дверь, захожу в хату, а там сидит власовец с автоматом на шее. Он подошел и захотел снять с моих рук перчаточки, а я не дала, ручонки свои прижала к груди крест-накрест. Для этих перчаток я сама пряла шерсть, сама их связала. Когда мама умерла, мы зимой зарезали на похороны маленького барашка, мяса с него было 5-6 килограммов, а шкурку я остригла, расчесала, спряла и связала детские перчаточки. А он, негодяй, сдернул с моих рук перчатки и говорит: «А мы, молодая, с тобой еще встре-

тимся». Я потом целый месяц пряталась и боялась такой встречи.

В 1944 году немцы, отступая, все жгли на своем пути, и наша деревня Власовичи была полностью сожжена, даже ни одной баньки не было оставлено, все уничтожили. Осталась землянка дяди Сергея в горе, она была вырыта для бани, где мылись совсем маленькие. Мы, девять человек, устроились, как смогли: кто сидел на каменке, кто на корточках. Ночью был бой, палила «катюша» — через деревню гнали врага. Доблестная Красная Армия освободила нас через сутки 12 июля 1944 года.

Мы были рады и благодарили всех солдатиков, которые нас освобождали, не дали нам погибнуть от рук фашистов. Был жаркий день, и мы после боя пошли зарывать наших убитых солдатиков, захоронили двух человек.

У моей сестры остался домик в деревне Дорбиши, где находился штаб власовцев. Четыре дома они не успели поджечь.

Мы переехали жить в Дорбиши: сестра Сима, Миша, я и еще люди, которые остались без крыши над головой и с детьми. Мы были рады, что остались живы и среди своих. Страх, неволя, насилие исчезли. Врага гнали дальше, до Берлина.

После оккупации в 1944 году я участвовала в восстановлении зданий на месте испепеленного щебеночного завода, который вернулся из эвакуации из Медвежьегорска. Впрягались по шесть человек в повозку и тащили из леса строительные бревна. С моей помощью построен продуктовый магазин в деревне Максютино.

Я работала до июня 1945 года, пока за мной не приехал из Ленинграда отец. С 1 сентября я была зачислена ученицей токаря, продолжала работать в очень тяжелых условиях. Была карточная система. Давали 400 граммов хлеба и 200 граммов булки. Больше трех лет я проработала токарем у холодного станка при трамвай-

ном парке им. Леонова на Васильевском острове, жила в общежитии. Жили дружно, ели из одной кастрюли, имели на всех одно платье — чтобы ходить на свидания.

В декабря 1947 года в стране была проведена реформа: отменили карточки. Сколько было радости! Но денег не хватало, зарабатывали немного.

«Ленинградки. На окопы». Екатерина Быкова, ученица 6-го класса лицея №144

ДЕНИСОВА Екатерина Андреевна

Мне было девятнадцать лет, когда началась Великая Отечественная война. И в первый день войны я сдавала последний госэкзамен в Гидрографическом техникуме. После распределения попала в Военную гидрографию, которая находилась тогда в здании Адмиралтейства.

Через две недели наш отдел направили на оборонные работы под Новгород. Мы там рыли противотанковый ров. Место было красивое — деревня на горе, поля, лес. Поначалу мы работали днем. Но когда немецкие самолеты-разведчики заинтересовались нашей работой, так как нас было много — целый эшелон, то нам пришлось работать ночью, а днем отдыхать. Через две недели мы закончили работу. Оставалось только замаскировать ров, и мы с хорошим настроением готовились ехать домой.

Помню, в ту ночь мы спали в деревне на сеновале. Встали рано, в шесть утра, вышли на край деревни (она была на горе, а ров — внизу) и слышали гул моторов самолетов, которые быстро приближались к нам. Мы не успели ничего понять. Увидели только, как эти самолеты стали разворачиваться и с визгом начали пикировать на нас. Посыпались бомбы, раздались пулеметные очереди. Они стреляли в нас из самолетов. Я страшно испугалась внезапного нападения немцев. Схватила руками за куст, который рос на склоне горы, уткнулась лицом в траву и с ужасом подумала:

«О, Господи, неужели они будут бомбить нас целый час?!». Я ошиблась: бомбежка продолжалась двенадцать часов — от зари до захода солнца. Но когда они возвращались на свои аэродромы для того, чтобы пополнить самолеты смертоносной начинкой, мы старались по возможности побыстрее укрыться в лесу. Но лес, к сожалению, был такой редкий, что сверху мы были у них, как на ладони. И они по-прежнему продолжали расстреливать нас из пулеметов.

Когда совсем стемнело, немцы перестали нас преследовать, полеты прекратились. Те, кто выжил, вышли к железной дороге, нас посадили в товарный эшелон, и мы уехали в Ленинград.

Так состоялось мое первое боевое крещение. Это было в 1-й половине августа 1941 года, а 19-го августа Новгород уже заняли немцы. Вскоре Военную гидрографию эвакуировали на восток. Я осталась в Ленинграде. В конце февраля 1942 года я узнала, что одна воинская часть вербует на работу вольнонаемных разных специальностей, на фронт. Так я попала в действующую армию в в/ч авиационного базирования, и была вывезена в марте 1942 года на «Большую землю» по ледовой Дороге жизни через Ладожское озеро — к месту службы.

Зима была лютая, морозы стояли за тридцать градусов. Как-то я возвращалась с ул. Жуковского, где оформляла документы, домой в Новую Деревню

и, проходя по Петроградской стороне, я увидела проезжавшую мимо грузовую машину-полторку, которая была заполнена грузом. Сверху сидел мужчина и что-то жевал. Я подумала: «Счастливики, кому-то дрова везут!». Была очень удивлена, потому что в городе дров не было. Блокадники, которые еще были живы, обогревались чугунами, в которых жгли все, что можно было сжечь — мебель, книги и пр. Но когда я посмотре-

лась повнимательнее, то увидела, что это не дрова — это везли трупы. Наверное, на Серафимовское или Пискаревское кладбище, там хоронили в братских могилах. Мне стало так страшно! Сколько же умирает от голода и холода людей — молодых, старых, детей?!

Да, крошечные 125 граммов блокадного хлеба, как и все ужасы войны, я помню до сих пор. И желаю всем, чтобы это больше никогда не повторилось!

«Отдайте хлеб детям». Анастасия Иванова, ученица 6-го класса лицея №179

Блокадное отрочество

ЗВЕРЕВА (Чуркина) Зинаида Ивановна

*О, мы познали в декабре — не зря «священным даром» назван
обычный хлеб, и тяжкий грех — хотя бы крошку бросить наземь...»*

О. Берггольц

Зинаида Ивановна Зверева (Чуркина) родилась 19 октября 1926 года в Смоленской области. В 1933-м семья: родители и трое детей переехали в Ленинград и поселились на Васильевском острове. Отец поступил на завод «Красный металлист». Жизнь налаживалась, но началась Великая Отечественная война. Трое братьев отца ушли на фронт. Отец тоже просился, но ему отказали, так как он работал на оборонном предприятии.

8 сентября вражеское кольцо вокруг нашего города сомкнулось. Наступили тяжелые времена. Как и все ленинградцы, семья Зинаиды Ивановны мужественно боролась с трудностями, но силы таяли, особенно у взрослых, и в январе 1942 года на «скорой помощи» маму увезли в больницу им. Веры Слуцкой, а через несколько дней умер отец.

Спасибо соседям! Они помогли его обмыть, зашить в простыню и отвезли на Смоленское кладбище, где отца похоронили в братской могиле. Слава богу, хоть везти было недалеко, так как жили на Камской улице.

После похорон дети пошли в больницу навестить мать, и там, в справочном бюро им сказали, что их мама умерла и уже похоронена. Своевременно им ничего не сообщили. Когда они вышли на улицу, старшая сестра обняла младших. Ей было 17 лет, Зинаиде Ивановне — 15, а брату — 13. Они долго стояли, обнявшись, смотрели на небо и плакали. Сестра уже работала. Отец устроил ее к себе на завод. Она получала рабочую карточку, а брат и сестра иждивенческие, самые низкоотovarиваемые.

Вернувшись из больницы домой, стали ложиться спать, и брат почему-то лег не на свою кровать, а на родительскую. Ночью он раза три тихонько вскрикнул, и девочки решили, что ему что-то приснилось. Но, когда утром они подошли к нему, он был уже холодный.

Вот так буквально за несколько дней сестры потеряли своих самых дорогих людей: отца, мать и брата.

Соседи опять помогли им. Мальчика обмыли, завернули в простыню, и все вместе на саночках отвезли его на Гаван-

ский рынок. Там находился специальный пункт сбора усопших, оттуда похоронные бригады отвозили их на Смоленское кладбище и хоронили в траншеях, для рытья которых приходилось взрывать промерзшую землю.

Отец и брат покоятся в братских могилах Смоленского кладбища. Место захоронения матери неизвестно.

Через некоторое время Зина поступила на завод, где работал отец, и стала получать 250 граммов хлеба. Но трудилась она там недолго, так как завод эвакуировали. После этого она перешла в Центральный котлотурбинный институт (ЦКТИ) им. Ползунова, но и он вскоре был вывезен из Ленинграда, а оставшихся сотрудников перевели на завод «Экономайзер» (с 1960 года — Машиностроительный завод им. Котлякова). Там она отработала почти 40 лет: с 6 сентября 1942-го до 28 декабря 1981 года, до выхода на пенсию.

Зинаиду Ивановну приняли на должность чернорабочей. Завод выпускал военную продукцию — бомбы и снаряды. Подросткам поручали подносить к станкам болванки, но сил было мало, и они просто подкатывали.

Из-за мобилизации мужчин в действующую армию и высокой смертности зимой 1941-1942 годов рабочих рук катастрофически не хватало, поэтому всех ребят после краткого обучения поставили к станкам.

Рабочая смена длилась 12 часов, жили в общежитии. Трудовая дисциплина соответствовала требованиям военного времени.

Дирекция завода старалась поддержать рабочих. Иногда в столовой без карточек давали горячий дрожжевой суп и хвойный экстракт. После прорыва блокады норму хлеба увеличили. Весной ребята рвали лебеду и прямо на чугунной плите пекли из нее лепешки, а мокрицу собирали и сырою ели с солью. Взрослые рабочие подсказали подросткам, что недалеко находится картофельное поле завода. Ребята палками разгребали землю, находили мелкую, как драже картошку, снимали с нее кожицу и тут же клали эти белые шарики в рот. Несмотря на антисанитарию, никто не заболел.

После окончания войны Зинаиду Ивановну послали на лесозаготовки, а потом на торфоразработки, где она сильно заболела, а когда выздоровела, то была направлена чернорабочей в подсобное хозяйство завода. Там приходилось делать все, в том числе собирать и возить на поле «удобрения». Ставили на саночки бочку, подъезжали к частным домам и просили у хозяев разрешения убрать с улицы отходы, пригодные для переработки их на удобрения.

Когда подсобное хозяйство прекратило свою деятельность, рабочих вернули на завод.

Зина была круглой сиротой, и директор подсобного хозяйства жалела ее. Она помогла ей устроиться в конструкторское бюро, где девушка получила специальность «копировщица» и трудилась

в этой должности с 1946-го до 1960 года, а с 1961-го по 1981-й она уже была «техником-конструктором» на этом же предприятии.

После выхода на пенсию подрабатывала уборщицей в Зоологическом институте Академии наук СССР.

Зинаида Ивановна Зверева награждена медалями «За оборону Ленинграда», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов» и «Ве-

теран труда». Ей вручали грамоты и премии, объявляли благодарности, ее портрет был на Доске почета.

Вспоминая минувшее, Зинаида Ивановна говорит: «Врагу не пожелаешь того, что выпало на нашу долю!»

Да, это именно так! Пусть все, что пришлось испытать поколению, пережившему Великую Отечественную войну, уйдет в историю и больше никогда не повторится!

«Снаряды — фронту». Алина Погорелова, ученица 5-го класса лицея №144

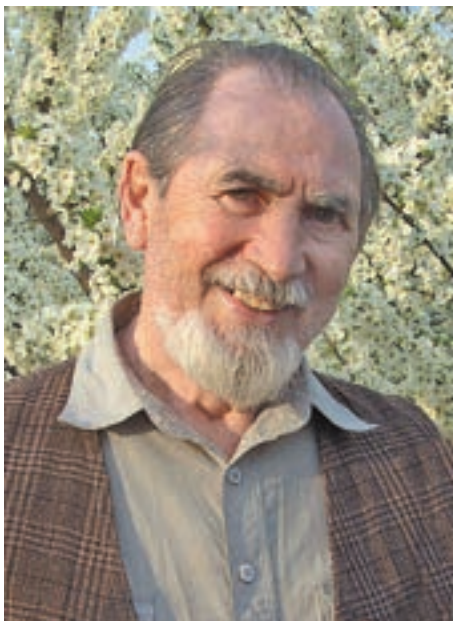

Блокада глазами ребенка

ИЗОТОВ Лев Федорович

Я, Изотов Лев Федорович, до войны, простой восьмилетний пацан с Выборгской стороны по прозвищу Изотич. Похожее на отчество прозвище, я получил не за заслуги перед ребятами, а из уважения к моему отцу, Федор Федоровичу, который работал в первом таксомоторном парке на «Эмочке» (легковой автомобиль М-1). Приезжая обедать, он никогда не отказывал ребятам и подвозил нас до Финляндского вокзала. Назад приходилось возвращаться пешком, но, за возбужденным обсуждением поездки и техники, дорога казалась недолгой.

Это беззаботное время оборвал длинный звонок в пять часов утра 22 июня 1941 года. За отцом пришли капитан и два красноармейца, вооруженные винтовками. Мама, Мария Антоновна, подумала, что отца забирают, как папиного брата, дядю Диму в 1938 году, заплакала и стала собирать папе одежду потеплее. Прорылся мой младший брат Гера. Мы сидим на кровати и тоже плачем. Офицер, все понял и говорит: «Успокойтесь, мамаша, одежду не надо. Это война с фашистами, а не 1937 год». Мама села на стул, а папа, одевшись, быстро всех нас поцеловал, и они ушли. Так мы узнали о начале

войны до официального объявления по радио. Потом мама долго плакала, обняв нас с братом. Она понимала, что нас может ждать. Я ее успокаивал, как мог. Я был уверен в победе наших войск и не понимал тогда ее слез.

Через несколько дней пришла женщина с запиской от отца, и сказала: «Быстрее бегите на улицу Комсомола, ко второму госпиталю. Там в конце забора Вас будет ждать муж. Их сегодня отправят на фронт». Мы с мамой быстро добрались до Финляндского вокзала и бегом побежали к госпиталю. Подойти к забору, хоть и в конце сада, было невозможно. Женщины стояли в пять, шесть рядов. Над толпой стоял сплошной гул от криков и слез, который перекрывал марш «Прощание славянки», исполняемый оркестром. С тех пор я не могу слушать этот прекрасный марш без слез. Перед глазами встает картина всеобщего горя.

Папу мы увидели, когда уже шло построение и успели поговорить с ним не более пяти минут.

Узнали, что он уже побывал в горящем Пскове, возил раненых, побывал под бомбежкой и возил продукты в Ленинград со складов Пскова. Раздалась команда

и остававшиеся у забора солдаты побежали строиться. Мы попрощались с папой, и он побежал к машине. Кричащая толпа женщин передвинулась к воротам госпиталя, и выходящие роты солдат, перемешались с ними. Движение прекратилось. Командиры охрипшими голосами давали команды, а женщины и дети висели на шеях солдат. Никто не мог ничего сделать. Командиры решили, пусть гражданские идут рядом с ротами. Так и пошли на погрузку в теплушки на Финляндский вокзал. Мы были рады встрече с отцом, но подавлены всем увиденным.

18 июля была первая бомбежка. Тогда наши зенитчики и летчики не дали им многое разрушить, сбили несколько самолетов. Мирный город стал менять свой облик. У Нарвских ворот на площади Кирова специально для горожан была устроена выставка подбитой техники врага. Я тоже полазил по хваленной технике непобедимого Вермахта.

В дальнейшем бомбардировки города стали регулярными, сначала не часто, но по мере продвижения врага к городу, все чаще и чаще, а потом ежедневно.

Но самое главное — с 18 июля в городе ввели карточки на промышленные и продовольственные товары, а также на хлеб. Норма выдачи хлеба с 18 июля по 8 сентября 1941 года составляла 600 граммов рабочим и 400 — детям, служащим, иждивенцам.

Все заводы Ленинграда посылали своих рабочих на рытье окопов и устройство фортификационных сооружений. Были

там и дети, если их не с кем было оставить дома. Я тоже попал с мамой на строительство оборонительных сооружений в район Лужского рубежа с 29 июля по 24 августа 1941 года. Пока взрослые работали, дети собирали валежник, грели воду, пекли картофель, разносили воду для питья и т.д. На Лужском рубеже кроме назойливых бомбежек, нас забрасывали большим количеством листовок. Сбирать и сжигать их, то же была наша работа. Один из фашистских стишков почему-то врезался мне в память:

*Эй, вы, русские матрешки!
Вы не бойтесь бомбежки.
Доедите чечевицу —
Ленинград нам отдадите.*

Во время одной из бомбежек, бомба попала в соседний блиндаж, раздались крики, и я высунулся из землянки. В этот момент неподалеку разорвалась другая бомба. Меня контузило, закружилась голова, из ушей пошла кровь. Так я получил первую отметину войны.

По возвращении с работ, маме дали на заводе несколько дней отгулов. Мы побежали по магазинам для того, чтобы, как и все, сделать запас продуктов. Но магазины были почти пусты. Нам удалось выкупить по карточкам только хлеб. А вместо макаронных изделий выдали две пачки перловой крупы. На следующий день, мы опять стояли в очереди, чтобы отоварить карточки. Магазин был полон народу. Вдруг на улице завывали сирены. Гражда-

не, нехотя покидали помещение магазина, ворча о потерянной очереди и проклинавшая фашистов. Мы тоже очень жалели: ведь мы были так близко к продавцам! Рядом было бомбоубежище, в которое мы спустились. Только все устроились, как фундамент дома подпрыгнул, свет, кроме аварийного освещения, погас. В стене показалась носовая часть авиабомбы. Все оцепенели, настала тишина. А потом все, как по команде, одновременно стали кричать и плакать. Многие шарахнулись к выходу. Но входную дверь заклинило. Люди не сразу обратили внимание на то, что водопроводные трубы разорвало, и под ногами уже хлюпает вода. Началась паника. Вода поднималась. Мама меня поставила на какой-то стул. Мысль о том, откуда придет смерть — от взрыва бомбы или от затопляющей убежище воды, не давала всем покоя. Многим вода уже доставала до груди, когда с обратной стороны двери раздался стук. Голос снаружи попросил всех отойти, так как дверь будут резать автогенем. Через некоторое время появились искры. И вот в двери вырезали квадратное отверстие, в которое стали подавать сначала детей, потом женщин. Я не отходил от мамы. Так и приближались к выходу. Кто-то сзади подхватил меня под мышки и поднес к дверям. Я даже не успел поблагодарить его. Во дворе уже стояла машина скорой помощи. Медсестра спросила все ли в порядке и дала полотенце. Вот и мама, ей тоже дали полотенце. Больше мы никогда, даже при сильных бомбежках, не

спускались в бомбоубежище. Будь, что будет! Сидели дома.

8 сентября был массовый налет на Ленинград. До 300 самолетов хозяйничали над городом, разрушая основные объекты сопротивления. В этот день были уничтожены Бадаевские продовольственные склады и Нефтеперегонный завод «Красный нефтяник». Столбы дыма от пожара на этих предприятиях были видны из разных районов города, и мы с пацанами лазили на крыши, чтобы лучше все разглядеть.

9 сентября официально было объявлено об уничтожении всего продовольственного запаса и блокаде города. Люди еще не понимали значение этого слова. Были под впечатлением вчерашней бомбежки города и недавней ужасной вести о полном уничтожении поезда, на котором вывозили из города детей. Это стало всеобщим горем, плакали все. Станцию Лычково Ленинградцы стали называть «Кровавой».

Парралельно с воздушными налетами начались артиллерийские обстрелы — по три-четыре раза в день. Хлеб урезали до 400 граммов.

В нашем доме находился штаб ПВО. Мы, пацаны, были вездесущи, знали все городские новости и старались помогать взрослым в меру наших сил. С дружинницам штаба носили песок в ящики, как на чердак, так и в каждую парадную. Воду в бочки таскали по два человека на ведро — одному было не под силу. В конце сентября мне пришлось самому тушить

зажигательную бомбу на чердаке. Старшая ПВО сказала: «Молодец, все правильно сделал, спасибо!». И поцеловала в щеку. После этого случая девочки из ПВО разрешили мне подниматься на крышу, собрав бригаду из ребят, для оказания помощи. На нас легли все бытовые заботы по дежурству с девчонками из ПВО.

В школу ходили только с седьмого класса. А пяти-шестиклассники следили за ракетчиками. Во время очередной бомбежки ребята поймали на крыше нашего дома одного взрослого диверсанта в форме старшего лейтенанта и парня лет 13-14. Световыми ракетами они подавали сигналы немецким бомбардировщикам. Парень так растерялся при задержании, что не выбросил из кармана ракетницу со свастикой на рукоятки. Был приказ из Смольного, допрос-расстрел на месте задержания. И мы видели расстрел этих людей.

Однажды, по моей просьбе, мне с Петей разрешили подняться на крышу, чтобы Петя мог посмотреть на светящиеся прожекторы, летящие самолеты и т.д. Через некоторое время началась бомбежка. Прожекторы поймали немецкий самолет. Было много разрывов зенитных снарядов. Вспышки — как огоньки на елке. Вдруг что-то вспыхнуло у самолета с левой стороны крыла. Он резко начал снижаться, летя в нашем направлении. Он пронесся над нашим домом так низко, что нас с Петей обдало жаром. Самолет упал в сад имени К. Маркса в расположении зенитной батареи. Ни одно орудие не пострадало.

А вот девушки-зенитчицы в блиндаже сгорели, так нам потом рассказывали девочки из ПВО.

В начале октября 1941 года нам принесли записку от папы. Он писал, чтобы мы приехали на Каменный остров, где формировался второй автобатальон и обязательно привезли Геру.

Мы приехали. Дежурный вызвал папу. Папа вышел с офицером, который предупредил о том, что встреча должна быть не более тридцати минут. Мы расцеловались и расплакались. Папа похудел. Гера, молча, смотрел на папу. Видимо не узнал его. За свои 3,5 года он никогда не видел отца в военной форме. А я все смотрел на отцовскую гимнастерку, где блестела медаль «За отвагу», которую он получил за то, что, будучи раненным в голову, довел окруженным артиллеристам снаряды. Время встречи быстро истекло. Опять слезы и прощание. Мы поспешили на трамвай, но доехали только до площади Революции. На улице Куйбышева сирены возвестили о воздушной тревоге. Трамвай остановился. Все побежали по указателю к бомбоубежищу. Младший брат уже спал. Когда его растолкали и добежали до бомбоубежища, дежурная нас не пустила, сказав, что мест нет. Но у бензоколонки близ Иоанновского моста есть «щели». Мы побежали туда. Зенитки уже всюду стреляли. Добежав до колонки, увидели, что нам машут люди. Мы залезли под бревно «щели». Зенитки так громко бухали, что мама закрыла брату уши руками. За шиворот рубахи сыпалась земля.

Вдруг раздался неприятный свистящий звук падающих бомб. Нас здорово потрянуло, опять посыпалась земля. Когда закончилась бомбардировка и прозвучал отбой тревоги, мы пошли на остановку трамвая. И там узнали, что одна авиабомба попала в жилой дом по улице Куйбышева, а вторая — прямо в бомбоубежище, погибли все. В трамвае только об этом говорили, многие плакали. Трамвай тронулся, а по улице проносились с сиренами пожарные машины. Я приник к стеклу и совсем не думал в то время, что усталость братишки сохранила нам жизнь.

Магазины были пусты. В городе уже было голодно. Мы с ребятами ходили на колхозные поля в Мурино и Ручьи. Подбирали все: плохие листья капусты, кочерыжки, ботву свеклы. Иногда попадались

морковь, картошка, турнепс, свекла, но с каждым днем все реже. Народ туда ходило из нескольких районов. Беда пришла 14 октября. Ночью насыпало по колено снега и ударил мороз -18°C . Встал вопрос отопления домов. Ломали деревянные заборы, сарайчики, деревянные перекрытия в разрушенных домах, подбирали любые деревяшки. У нас во дворе разломали деревянные дворовые сараи. Я натаскал много досок. Морозы с каждым днем становились все крепче, сараи разобрали быстро. Когда они кончились, в ход пошли мои деревянные машинки, детские и папины книги, стулья, этажерка, диван — все, что горит. Спали на одной кровати. Блокадная зима вступила в свои права. На улицах, в сугробах уже были трупы. Некоторые большие дома выгля-

На Неву за водой

дели как крепости с торчащими орудиями. Это торчали трубы печурок, выставленные в форточки. В октябре-ноябре 1941 года дымящихся труб было много по городу. А в январе их было уже очень мало. Многие квартиры опустели из-за смерти жильцов.

В конце октября перемерзли водопровод и канализация, туалеты были на улице. Из разбитых при бомбардировках труб вытекала вода, которая образовывала на стенах домов причудливые ледяные наросты. Из наружного водопровода вытекали ручьи с ледяными берегами, а в некоторых местах били гейзеры, которые давали возможность людям черпать воду поварешками недалеко от дома. Не надо было ходить на Неву, на торосистый лед. Живя в старом доме, нам с мамой и мне одному приходилось часто ходить за водой на Неву. Это было небезопасно. Однажды мы с мамой, набирая воду на реке, попали под обстрел. Несколько человек были убиты разорвавшимся снарядом, а нас и рядом стоящих обдало ледяной водой. Мама, сняв платок, повязала мне им, и мы потащили санки с полными ведрами невской воды домой. Мама в тот день застудила голову. И головные боли напоминали ей о блокаде до конца жизни. Набирать воду из реки было тяжело, из-за течения. Выбираться на набережную тоже становилось все сложнее. Обессиленные люди часто падали, проливая воду, и ступени набережной были покрыты сплошным льдом.

Однако этот лед однажды спас мне жизнь. Придя в очередной раз за водой, я столкнулся с лохматым мужчиной, который что-то вырубал из льда. Он выпрямился и посмотрел на меня. Увидев его безумные глаза и поднятый топор, я почувствовал неладное и, развернувшись, изо всех сил побежал к берегу. Сзади я слышал грязные ругательства и тяжелое дыхание бегущего за мной человека. Добежав до ступеней, я начал карабкаться вверх. Мужик почти схватил меня. Я даже почувствовал его сопение возле своей головы. Но в какой-то момент он поскользнулся. Выбравшись наверх, я оглянулся. Мужик, матерясь, барахтался на льду. Дождавшись людей, я спустился, набрал ведро воды и вернулся домой.

7 ноября в наш шестиэтажный дом в Нейшлотском переулке, 15 попало два снаряда. Была снесена крыша и разбит шестой этаж. У нас на втором этаже были выбиты все окна, упала печка. В этот момент мы находились дома. И опять нам повезло — нас просто засыпало сажей. Мы переехали к бабушке Анастасии Ивановне на Минеральную улицу, 7. Там я ходил за чистым снегом в парк Польского кладбища. На санках привязаны два ведра, умятого снега. Ведра на печь — вода есть.

Дед Антон, работая на заводе имени Сталина токарем, в свободное время занимался столярным ремеслом. Дома оказался запас столярного клея. Это нас всех спасло в голодный, страшный период с ноября по декабрь 1941 года. Бабушка

из столярного клея приготавливала желе. В нем был лавровый лист, перец, соль. Продуктов дома не было, а запас специй у бабушки остался. Эрзац-хлеб и приготовленное желе из клея шли на «ура». Эрзац-хлебом называли тогда хлеб, который выпекали в самое голодное время. В него входили: замес из шрота, жмыха, пищевой целлюлозы, отходов зернопродуктов из хранилищ, горчичный порошок, керосин для смазки противней. В этот период норма выдачи хлеба составляла по рабочим карточкам 250 граммов, а по остальным — 125. Чтобы его получить, нужно было занимать очередь с ночи. Хорошо, что булочная недалеко, а то на одиноких людей нападали, вырезали мякоть тела, а труп в сугроб, только весной и находили.

Каннибализм во время блокады был. Конечно, люди боялись и собирались по несколько человек, чтобы идти в булочную. Бывали дни, когда хлеб не подвозили из-за отсутствия электроэнергии в пекарнях. Были случаи смерти в очередях. Однажды прямо передо мной в очереди умерла женщина. Она замерзла, зажав карточки в кулаке.

Мама работала на заводе «Русский дизель» в горячем цеху. Там отливали болванки для снарядов. Ее не нагружали дома ничем, ей и так доставалось на работе. Бабушка с дедушкой — пенсионеры, брат маленький. Поэтому все домашние дела замкнулись на мне: доставка воды, выкуп хлеба, сбор дров, даже походы через весь город и торосы на Неве за «баландой» к тете Тасе, жене папиного брата. Дядя

Андрей работал машинистом, и ему давали дополнительное питание — бидон с заваренной кипятком мукой. Эту смесь и называли «баландой». У них и своих детей было четверо, но тетя Тася делилась с нами «баландой». Налет мне небольшой бидончик, и я отправляюсь в обратный путь. Во время этих «прогулок» я видел всю картину умирающего города. Ленинград был страшен. Очень многие, некогда красивые фасады зданий были разрушены. Другие здания обгорели не только от зажигательных бомб, но и от печурок, за которыми некому было следить. Смерть заставляла людей везде: прямо в квартирах, на выходе из дома, на улице. Смерть во всех видах. Стоило присесть на сугроб отдохнуть, а встать уже не было сил. Человек просит: «Поднимите, пожалуйста». У него нет сил, у прохожих тоже.

Ходя к тете Тасе, я встречал таких людей. Пытался им помочь, но моих сил хватало, только чтобы подергать их за руку. Возвращаясь назад, обычно находил их замершими, иногда и без верхней одежды.

В один из походов за «баландой» я попал под артобстрел. Снаряд разорвался впереди, убив женщину и разорвав идущего передо мной мужчину. От него остался только тлеющий кусок ватника на ветке дерева. Меня от смерти спас грузовик, который я обходил. Я с ужасом смотрел на этот кусок ватника и не сразу почувствовал боль в кисти правой руки. Но самое страшное, что бидон был пробит осколками снаряда. Прижав его, я горько плакал. Не столько от боли, сколько от того, что

бидон пропускал драгоценную жидкость, и от мысли о том, что семья останется голодной. Чувство голода — страшное чувство. В это время можно съесть что угодно. Правда, когда мне предложили съесть крысу, я не смог. Лучше бы ворону, но птиц в городе не было. А вот жирно-сладкую землю с места Бадаевских складов, называемую ленинградцами «творогом», с хрустом на зубах, я ел.

Но даже в это страшное время, народ находил силы шутить над собой и теми, кто менял хлебную пайку на папиросы и табак. Папиросы, изготовленные из мелко толченых листьев и древесной коры, называли «Золотая осень». Махорка, в зависимости от степени крепости, называлась «Стенолаз», «Вырвиглаз» или «Летний сад». Табак из березовых и кленовых листьев назывался «Берклён», а самого низкого качества — БТЦО, то есть: бревна, тряпки, щепки, опилки.

Вновь память возвращает меня в конец октября 1941 года. Голод уже гулял по городу, заставляя людей выбираться на колхозные поля, находящиеся на переднем крае обороны города, в поисках овощей, выброшенных взрывами из мерзлой земли. Мы с ребятами тоже однажды поехали на грузовом трамвае на поля в районе Средней Рогатки. Благополучно добрались до огромного поля. Там уже были люди. Над нами была холодная, морозная дымка, которая скрывала Пулковскую грядку, где стояли немцы. Снегу было много. Ногами проверяли каждый бугорок. Я нашел пару кочерыжек и был очень рад.

Вышло вечернее солнце, рассеяв дымку, показалась гряда. И буквально через пять минут разорвался первый снаряд. Мы от радости побежали к месту взрыва. Воронка была большая, двое ребят подобрали сразу несколько кочерыжек. Мы не задумывались о том, что немцы стреляли по нам. Вдруг что-то зашипело, поднялась земля, меня не столько оглушило, сколько здорово ударило. Я упал. Когда очнулся, ребята стояли надо мной. Петя, мой друг, говорит: «Ты ранен в ногу». Потом, поддерживаемый друзьями и с помощью найденной палки, я добрался до дороги, где ходили военные машины. Одна из проходящих машин довезла меня до госпиталя. Там мне оказали медицинскую помощь. и на санитарной машине подвезли до Финляндского вокзала.

Дома мама не ругала меня, а только плакала. Я несколько дней не выходил на улицу, пока болела нога.

В январе 1942 года городу помогла Ладога. В конце января рабочие стали получать по 400 граммов хлеба.

Однажды бабушке сообщили о том, что умела ее сестра тетя Шура. Бабушка попросила меня отвезти ее на Богословское кладбище. Когда я зашел в комнату тети Шуры, там было темно. Сдернув светомаскировку, увидел ее лежащую на кровати. При жизни она была полной женщиной. Я пошел к соседям за помощью. Когда мы вытащили сани с тетей Шурой на улицу, мороз сразу дал о себе знать. Кое-как, замерзая от холода, я все-таки довез тетю Шуру до ворот кладбища, но они были за-

крыты. Возле ворот, вдоль всех заборов, в человеческий рост штабеля покойников. Все в разных позах. Кто в одежде, кто завернут в простыню или одеяло, были и голые. Поднять на такую высоту усопшую тётю Шуру я не мог, поэтому отъехал недалеко от ворот кладбища. Развязал веревку, замерзшей ногой разгреб в снегу ямку, перевернул сани, и тетя Шура оказалась в снежной могилке. Сделал из снега бугорок, подобрал сухую веточку березки, воткнул ее в бугорок из снега. На этом и закончилось захоронение дорогой мне тети Шуры. Но порой люди не могли похоронить близкого человека, или просто не оставалось ни родных, ни знакомых. Их просто выносили на улицу, бросали в сугробы, забивали трупами подвалы домов, или просто выставляли на лестничную клетку. Вместе с трупами на сугробы выносились всевозможные отходы и нечистоты.

Весной, когда начал таять снег, встал вопрос о санитарной очистке города. 27-29 марта 1942 года на уборку улиц вышли полуголодные, больные, но не потерявшие веру в победу ленинградцы. Обессиленные люди кололи лед, сгребали снег. Впрягаясь в фанерные листы по несколько человек, используя детские коляски, салазки, загребали и свозили грязный снег к рекам и каналам, освобождая город от нечистот. Мы, ребята, помогали взрослым тащить «волокуши», упираясь в края фанеры.

Поднять дух людям помог первый трамвай, пущенный 15 марта. На звук

трамвайного сигнала, люди выбегали из домов, обнимались, плакали, смеялись, молились, кланяясь до земли. Молодежь кричала: «Ура!». Немолодая вожатая трамвая, не переставая, звонила в колокольчик, одной рукой постоянно вытирая слезы. Она улыбалась стоящим вдоль трамвайных путей людям, выдержавшим суровую голодную зиму 1941-1942 года. Этот сигнал для ленинградцев стал олицетворением надежды на окончание тяжелых мучений, которые пришлось им вынести за время блокады, а также символом гордости за себя, свой город и свою страну, за то, что они все-таки выдержали, несмотря на то, что Гитлер мечтал уничтожить Ленинград, стерев его с лица земли. Я и сейчас не могу без слез вспоминать тот упоительный звук трамвая: «Динь-динь!», — положивший начало концу страшного времени, которое пришлось пережить, хотя до прорыва блокады нам предстояло еще многое испытать.

В апреле 1942 года мы с мамой пришли домой убирать снег из квартиры, который навалило через разбитые окна. В перерыве между работой я пошел проведать друга Петю. Дверь была открыта. В комнатах беспорядок, многих вещей не хватало. В спальне на кровати под одеялами сидел Петя. Я бросился к нему, но он был мертв. Мы с мамой хотели отвезти его на Польское кладбище, но не сразу смогли оторвать тело от кровати, перед смертью он видимо сходил по себя. Довезти его на кладбище на санках не было возможности из-за отсутствия снега. Нам

пришлось донести его до старой конюшни, куда складывали трупы. Вот так я похоронил своего друга.

В конце апреля 1942 года, возвращаясь от тети Таси, я вышел на Лиговку и увидел большую толпу. Она приближалась. Заинтересовавшись, я остановился и разглядел, что конвоируют большую группу немецких пленнх. Они шли, натянув пилотки на глаза, опустив головы, понурые, грязные. От них исходил неприятный запах. На них плевали женщины, дети. Мужчины ругались по «матушке». Конвоиры не ругали народ, но просили близко не подходить. Толпа увеличива-

лась. Мы дошли до Московского вокзала и пошли по Невскому проспекту. Дошли до Штаба, там нас попросили разойтись.

Весна 1942 года растопила не только снег и лед на улицах, она растопила души людей, вселила в них уверенность в победе. Город оживал с каждым днем. Люди стали получать все больше питания. Заводы стали выпускать больше продукции военного назначения.

Улучшилось положение на фронте. И хотя еще много дней будет длиться блокада, уже тогда всем было ясно, что дух людей не сломить, что Гитлеру никогда не поставит Ленинград на колени.

«Дорога жизни». Настя Деловрова, ученица 3-го класса ГОУ гимназия №159

Защитник Ораниенбаумского плацдарма

КАМЕНЕЦКИЙ Лев Исаакович

*Сороковые, роковые, свинцовые, пороховые...
Война гуляет по России, а мы такие молодые.*

Д. Самойлов

Л. И. Каменецкий родился в 1921 году. В 1936-м окончил 8 классов средней школы. Времена были нелегкими, и юноша должен был как можно скорее начать работать, чтобы материально помогать своим близким. С этой целью он поступил в специальную морскую школу и получил профессию рулевого, после чего был направлен на корабль, стоявший около Васильевского острова.

В 1940 году был призван в Красную Армию. Службу проходил в Ленинграде и Кронштадте в составе Краснознаменного Балтийского флота (КБФ), здесь его и застала Великая Отечественная война. С группой сослуживцев он был направлен в морскую пехоту командиром пулеметчиков на Ораниенбаумский плацдарм.

Ораниенбаумский плацдарм образовался в сентябре 1941 года. Ленинградцы называли его «Малой землей». 60 километров вдоль побережья и 20-25 в глубину материка, он прикрывал сухопутные подступы к Кронштадту. Снабжение его осуществлялось по

Финскому заливу. Зимой по льду действовала «Малая дорога жизни». В январе 1944-го 2-я ударная армия отсюда начала освобождение Ленинграда от блокады.

Л. И. Каменецкий участвовал в боях, ходил за «языком» и выполнял другие военные задания. В одном из боев осенью 1941 года был ранен и находился в госпитале г. Ораниенбаума, после выздоровления вернулся

в свою часть.

На просьбу рассказать какой-нибудь эпизод Лев Исаакович ответил: «Ну, что рассказывать. Война есть война. То немцы на нас наступают, то мы на них».

Правда, один эпизод он все-таки поведал. Над плацдармом был сбит немецкий самолет, и молодые ребята стали вырезать из него куски металла, из которых один армейский умелец делал портсигары, на которых острием вырезались надписи: название фронта, даты и т.п.

Такой портсигар был сделан и для Каменецкого. Об этом, конечно, можно было бы и не упоминать, но, когда в январе 1944 года на Ораниенбаумском плацдарме шли ожесточенные бои за освобождение Ленинграда от вражеской блокады, Лев Исаакович был серьезно ранен, и события могли бы иметь куда более трагические последствия, если бы осколок не попал в портсигар, на котором осталась сквозная рваная отметина.

Это было второе ранение Л. И. Каменецкого, и лечился он в госпитале, который находился в уже освобожденном от вражеской блокады Ленинграде, в больнице им. Мечникова.

После выздоровления он вернулся в Кронштадт и занимался разминированием Финского залива. Эта операция осуществлялась на лодке, которая носила название «двойка», так как на ней находилось два человека: один греб, а второй прямо в море ставил взрыватель на найденную мину.

День Победы Лев Исаакович встретил в Кронштадте. На торжества из Риги приехал адмирал флота Н. П. Кузнецов.

С окончанием Великой Отечественной войны морская служба для Л. И. Каменецкого не окончилась. В 1947 году он был зачислен на сверхсрочную службу боцманом, а с 1948-го по 1962 год — старшим боцманом базового тральщика. В 1962 году вышел в запас.

Друзья тепло провожали Льва Исааковича. Ему были вручены медаль «За безупречную службу» I-й степени и на-

стояльные часы с надписью «Командиру отличного катера от офицеров и старшин части».

С 1962 года и до ухода на пенсию он еще много лет работал в НПО «Гидролизпром» на различных инженерных должностях, в том числе занимался и гражданской обороной.

Лев Исаакович Каменецкий — инвалид Великой Отечественной войны, кавалер государственных наград. Он награжден орденами «Отечественной войны» I-й степени и «Красной звезды»; медалями «За отвагу», «За заслуги», «За оборону Ленинграда», боевые «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов», «Ветеран труда», «300 лет Военно-морского российского флота» и др. Имеет почетные нагрудные знаки, главного среди которых — «Защитнику Ораниенбаумского плацдарма. 1941-1944 годов» — он был удостоен в 1969 году.

У Льва Исааковича большая и дружная семья. К сожалению, жена, Любовь Ивановна, умерла 12 лет тому назад, но остались два сына, трое внуков и четверо правнуков. Все они любят его, гордятся им и, как святыню, берегут портсигар, который в бою за Отечество спас их отца, деда и прадеда для мирного труда, радости и семьи.

3 ноября 2011 года президент Российской Федерации Дмитрий Анатольевич Медведев подписал указ о присвоении городу Ломоносову (Ораниенбауму) почетного звания «Город воинской славы».

Нам жизнь дана...

КОРОТКЕВИЧ Лина Ивановна

На память мне бабушка выткала полотенце и по краю крестиком вышила такие слова: «Нам жизнь дана на добрые дела».

Лина Ивановна Короткевич (1932-2010) окончила архитектурный факультет института им. И. Е. Репина, работала архитектором в проектных организациях города.

В 1976 году перешла на преподавательскую работу в Мухинское училище, где вела курс архитектурой графики.

На страницах своих дневников Лина Ивановна всегда старалась сохранить все увиденное и пережитое. В годы войны она со своей мамой и маленькой сестренкой, родившейся в ноябре 1941-го, находилась в осажденном Ленинграде и перенесла все трудности, выпавшие на долю ленинградцев. В 1986 году в журнале «Нева» были опубликованы воспоминания Лины Ивановны о днях блокады. Здесь представлен более полный текст воспоминаний, над которыми она трудилась до конца жизни.

Я не читала «Блокадную книгу» А. Адамовича и Д. Гранина — не могу решиться. Но однажды по радио слышала отрывок, написанный по воспоминаниям

девочки, вывезенной из Ленинграда зимой 1941-1942 года. Там говорилось о том, как мать уезжает из города с дочкой девяти лет, оставив в пустой, холодной квартире четырнадцатилетнего сына. Она не ладила с мальчиком. Посылала его за хлебом, а он не мог донести кусочки до дома и съедал немного от того малого,

что получал по карточкам. Выехав из Ленинграда с дочкой, мать умерла, а девочка всю жизнь вспоминает брата. Она не может понять, почему мать оставила его, а уехала только с ней...

Отрывок потряс меня своей невероятностью, всколыхнул воспоминания давних лет о нашей с мамой жизни в блокаду. Тогда я и решила, что обязана написать о том, что осталось в моей памяти о блокадном времени.

Мама не любила говорить о блокаде. На мою просьбу записать то, что помнит, она всегда отвечала: «Не могу!». И все-таки после долгих убеждений она принесла мне зеленую школьную тетрадочку, но в ней оказались исписанными только три листка. Там кратко, без подробностей, как отчет о деловой командировке, было рассказано о блокаде.

— Так мало? Как в газете! А где же подробности?

— Я не помню подробностей. Это больно! Помню, что было слишком тяжело, страшно, темно и продолжалось это очень-очень долго. Не знала — выдержи, боялась упасть на улице, умереть, ведь и вы бы тогда погибли.

В 1941 году мне исполнилось девять лет. В конце мая закончился первый в моей жизни учебный год. В то время в первый класс принимали с восьми лет. Обычно мама отвозила меня на все лето к бабушке и деду в Белоруссию. В тот раз отъезд наш почему-то все откладывался. Дома стояли уложенные чемоданы, для деда были припасены несколько килограммов колотого сахара — дед любил пить с ним чай. Очень рано утром он ставил самовар, вприкуску пил чай — стакан за стаканом — и уезжал на велосипеде на работу строить мосты и дороги.

Первый день войны мы с мамой встретили на пляже у Петропавловской крепости. Воскресенье, нагретые солнцем гранитные стены, теплый песок и холодная невская вода... Когда по радио объявили о выступлении Молотова, пляж замер. Казалось, все остановилось. Голос из репродукторов перекрывал шум машин и трамваев на Кировском мосту. Люди слушали, молча, быстро собирались и уходили. Всюду было слышно слово: «ВОЙНА».

Для меня представления о войне ограничивались рассказами об озере Хасан, Халхин-Голе и недавней победе над белофиннами на Карельском перешейке. Не было у нас тогда ни бомбежек, ни обстрелов, только в городе было введено за-

темнение. Обычный ритм жизни ничем не нарушался.

Теперь сразу все стало иначе. Враг быстро продвигался. Белоруссия, куда мы так собирались, была оккупирована. Там остались наши родственники. Не хотелось верить, что по бабушкиному фруктовому саду ходят враги, что там убивают людей.

Отца призвали в армию, он был где-то на Ленинградском фронте. Старшая мамина сестра преподавала в школе. Она предложила отправить меня вместе с ее собственными детьми и ее школой в эвакуацию под Ленинград.

Сборный пункт был в школе на Лиговке. Там толпились родители, в суতোлке плакали дети. Наконец, собрали группы, документы. Настал час, и велено было попрощаться. Родители все же дошли с нами до вокзала. Дальше стояли дежурные, милиция. Детей повели одних. Вещей было немного, видимо, не предполагалось долгой разлуки. Помню длинные составы дачных вагонов, полные детей. Каждый хотел быть у окошка, хотел выглянуть. Чьи-то родители пробрались на перрон к поезду. Кого-то искали. У окна дело доходило до драки. Сколько было слез, пока поезд не двинулся!

Ехали не очень долго — до Малой Вишеры. Потом нас везли куда-то на телегах. Вкусно пахло сеном и лошадьми. На большом лугу возле деревни кормили супом и кашей из больших котлов. К ночи расселили по избам. Старшие школьники сразу же были организованы в группы,

и работали вместе с колхозниками. Через некоторое время и младших приспособили пропалывать овощи. Такая жизнь с вечерними купаниями в неширокой речке после работы, с деревенским молоком и хлебом продолжалась недолго. Издалека стал слышен тревожный гул. Говорили, что скоро поедем домой.

В тот день, когда велено было укладывать вещи и не разбежаться, стала отчетливо слышна канонада. Первые подводы с детьми уже двинулись к станции, когда за мною вдруг пришла мама. Она показалась мне какой-то другой — толстой и непохожей на прежнюю. Мама сказала, что не хотела ждать, поэтому приехала за мной сама. Она сказала, что нам надо побыстрее домой, потому что у меня скоро будет маленький брат или сестра.

Как она добралась до деревни? Наверное, пешком, но она нашла меня, и сразу включилась в общую предотъездную суету. Детей пересчитывали, маленьких усаживали на подводы, Мы с мамой пришли на станцию, когда эшелон товарных вагонов был уже заполнен детьми и собирался отойти. Ждали зеленого семафора. Мы ходили вдоль состава, но поместиться было некуда. Поезд ушел. Мы остались на пустой платформе, завидуя тем, кто скоро будет дома. К станции все подходили подводы с вещами и детьми. Платформа заполнилась пестрой толпой. В стороне группкой стояли в белых платочках женщины из деревни, стояли молча и грустно. Подали второй состав. Поезд очень долго не от-

правлялся. Потом поехали. Где-то в дороге снова стояли среди полей.

В Ленинграде на вокзале меня поразил какой-то общий голос горя. Казалось, в воздухе стоит горестный вопль: мечутся женщины, кричат, спрашивают, ищут своих детей, кругом слезы. Говорили, что первый поезд бомбили, хотя на крышах вагонов были красные кресты. Значит, кто-то не встретил своих детей...

Наш дом №6 по улице Некрасова готовился выдержать тяготы войны. Дети вместе со взрослыми таскали на чердак песок, наполняли водой железные бочки, раскладывали лопаты, ломы, большие щипцы, которыми надо было хватать зажигательные бомбы. Без конца теребили взрослых: что еще надо сделать? Каждый чувствовал себя бойцом, участником общего, ответственного дела. Из подвала в наш двор-колодец были вынесены все дрова. Часть их подняли в квартиры, хотя это и запрещалось пожарными правилами.

Наверное, лучше было бы разрешить: когда осенью их полили дожди, а зимой завалил снег, скольких трудов стоило добыть эти дрова, и какое от них было тепло, от мокрых поленьев? Мы пожалели потом, что не наполнили дровами все углы нашей коммуналки. Что осталось во дворе — пропало. Подвал должен был стать бомбоубежищем. Там поставили скамьи, нары, а по вечно сырому полу положили мостки.

Первая в моей жизни бомбежка осталась в памяти ярче других, потому что

было страшно, непередаваемо страшно, как никогда потом за всю жизнь. Рев самолетов, грохот зениток совсем рядом, с Баскова переулка. Дрожание стекол и взрывы, от которых качался дом. И еще — темнота... Мама держит меня за руку. Мы выходим, спотыкаясь в темноте о непривычные углы и пороги, на черную лестницу. Тьма наполнена шорохами, дыханием людей, на ощупь спускающихся вниз в бомбоубежище. Кажется, что шевелится сам дом. В шепоте голосов — ощущение неуверенности и общего страха. Хочется скорее туда, где свет, но в темноте все идет очень медленно. Еле нахожу ногой ступени. Ноги — как из ваты, коленки не просто дрожат — они дергаются и не слушаются меня: «Что со мной? Это от страха... Значит, я трус? Хорошо, что темно — никто не увидит, как мне страшно... Только бы не потерять, не выпустить мамину руку!»

В подвале слабая лампочка. Непривычно видеть сразу так много людей из нашего дома. Кто с чемоданом, кто в пальто, кто в халате. Раза два во время бомбежек мы спускались с мамой в подвал. Потом перестали. Сидеть в мрачном подвале и прислушиваться, не кончилась ли бомбежка, — это нарушало всякий порядок, превращалось в бесконечное хождение вниз и вверх днем и ночью. Мама сказала, что бессмысленно так тратить время. Надо, по возможности, вовремя спать, и дома можно всегда делать что-то полезное. А в подвале — только ожидание и никакого дела. Она сама никогда не сидела

без работы и не терпела безделья в других, особенно во мне.

Мама на своих трех листочках пишет, что сушила очистки от картошки и всякие корочки. С лета она оставила маленькую бутылочку прокипяченного подсолнечного масла и не велела до него дотрагиваться. Все сказанное мамой становилось для меня законом. Думаю, это сыграло свою роль в тяжелейшие годы блокады.

Перед войной мне купили пианино «Красный Октябрь», и я стала учиться в музыкальной школе. Наши окна как раз выходили на это здание, с утра до ночи наполненное музыкой и пением. С началом войны школа затихла и опустела. До сих пор не понимаю, почему в такое сложное время мама решила, что я должна продолжать заниматься музыкой. Учительница жила довольно далеко — в конце улицы Марата. Дважды в неделю я должна была ходить на уроки. Идти одной было неудобно и страшно. Но мама сказала, что надо учиться, — и я ходила. Не имело значения, был ли тогда обстрел или воздушная тревога. Если не было в данный момент — значит, будет непременно в ближайшие полчаса. Почему-то обстрел мне казался не таким страшным, как бомбежка. Коленки больше не дрожали. В походах на уроки музыки выработалась какая-то своя тактика, как при тревогах не застрять в бомбоубежищах. Когда из репродукторов несло частое тиканье метронома, улицы пустели. Где бегом, где с деловым видом я пробиралась на урок. Дежурные и дворники требова-

Лина с мамой. 1938 год

ли, чтобы все прохожие отправлялись в убежища. Вид девочки с нотной папкой в руках вызывал недоумение. Меня старались поймать, отправить в укрытие, что-то спрашивали... Я увертывалась и упрямо пробиралась вперед. Если попадешь в какой-нибудь подвал, придется сидеть там, пока по радио не проиграют отбой. Значит, я задержусь, мама будет волноваться. Солнечным днем всегда старалась идти по теневой стороне. Мне казалось, что в тени безопаснее — не так заметна я на фоне серых стен и асфальта.

Помню старинную темноватую квартиру учительницы. Тяжелая мебель, стулья в полотняных чехлах, толстые серые шторы на окнах и красивое золотистое пианино с бронзовыми подсвечниками. Отзанимавшись, я снова проделывала весь длинный путь домой. Если уж очень стреляли, приходилось и постоять в подворотне. Но как только разрывался снаряд, можно было выскочить и бежать дальше, намечая глазом, куда нырнуть к моменту следующего разрыва. В промежутках удавалось пробежать два или

три дома. Как правило, немцы стреляли очень методично, через равные промежутки времени. Иногда перебегала вместе с таким же неверящим в опасность прохожим. Казалось, рядом с кем-то не так страшно. Маме я не рассказывала о своих страхах — будто мне все нипочем. Уроки продолжались до поздней осени, пока учительница не эвакуировалась.

В нашей 17-й школе (потом она стала 194-й) ребят стало гораздо меньше. Заниматься было почти невозможно: обстрелы, налеты, часто гас свет, а темнеет осенью очень рано. Помню, в конце октября, когда уже выпал снег, мама отводила меня на уроки в подвал дома в псевдорусском стиле по улице Некрасова, недалеко от Мальцевского рынка. Там собирались для занятий второклассники. Занимались при свечке. Когда в один из дней пришли только трое, учительница сказала, что больше собираться не будем.

Так я осталась сидеть дома. Одну мне на улицу для прогулок мама теперь не отпускала, да и какие могли быть прогулки в голодное и холодное время? Короткие, хмурые дни, долгие вечера и ночи слились в нескончаемое чередование налетов и обстрелов. Время наполнилось сообщениями о положении на фронтах, тиканьем метронома. Очень досадно бывало, когда прекрасная детская передача по радио прерывалась сообщением об очередной бомбежке или обстреле. А замечательных радиопостановок было тогда много: «Том Сойер», «Дети капитана Гранта», «Гибель Атлантиды», «Капитан Немо»... Всех не

перечесать. И голос Марии Петровой... Или Ольги Берггольц. Черный репродуктор у нас никогда не выключался.

Представить себе положение Ленинграда могли те, кто знал город. Средняя Рогатка, Кировский завод, Пулковое, Воронья гора, Невский пяточок... Уже после войны, лучше узнав свой город, я ощутила, насколько все это было рядом, совсем близко.

Мысль о том, что враг может войти в город, казалась невероятной. Моя мама всегда говорила, что этого не может быть ни за что на свете, сколько бы вокруг ни разносилось разнотолков и слухов. Правда, когда в эркере второго этажа нашего дома было устроено пулеметное гнездо, в моей голове какое-то время роились картины героических уличных сражений, где и мне отводилось не последнее место. Представлялось, как серые вражеские солдаты в рогатых касках падают от огня нашего пулемета, едва показавшись из-за угла Володарского (Литейного) проспекта. Как будто враги могли явиться только со стороны главной улицы! Мне казалось несправедливым, что детям такого возраста, как я, не дают оружие.

Мама моя тогда уже не ходила на работу. Ее организация эвакуировалась. Тушить зажигалки на крышах и чердаках мама не могла, и мы с ней дежурили в помещении домовой конторы. Там был телефон, толстые книги и тяжелая механическая сирена. Когда объявлялась тревога, надо было покрутить ручку этого механизма, и по дворам разносился сигнал

опасности. Пока еще дома нашего квартала были целы. По телефону спрашивали, как у нас дела, сообщали адреса пострадавших зданий. Дежурить было интересно, главное — сознание ответственности и участия в общем деле.

К вечеру по улицам бесшумно плыли серебристые аэростаты. Их за веревки удерживали девушки в военной форме. Эти огромные «колбасы» должны были поднять заградительные сети против самолетов. Когда темнело, мы обходили дома, чтобы посмотреть, не светится ли где огонек или щель в маскировке, проверяли посты, предупреждали о дежурствах на крышах, чердаках, в убежищах. Ходить в темноте было и страшно, и трудно: без света фонарей и окон улицы были совершенно черны. Позже прохожих выручали светящиеся значки. Плывет, покачивается в темноте зеленая точка, а человека не видно совсем.

Днем в свободное, от дежурств время, мы с мамой шили маленькие рубашечки, из чего-то выкраивали пеленки, платочки для будущего младенца. Это для него, оказывается, была оставлена от лучших времен неприкосновенная бутылочка с подсолнечным маслом. На каждой рубашечке что-то вышивалось. Мама учила меня шитью и вышивке, вязанию крючком. Налеты и обстрелы постепенно стали привычными. Сидишь, прислушиваешься и довольно точно угадываешь, где и что произошло.

Наша большая коммунальная квартира быстро пустела. Когда уезжали очеред-

ные соседи, неловко было смотреть на них и прощаться. Казалось, уезжают — значит, боятся, бегут из крепости, берегут свою жизнь. Значит, не верят, и им все равно, что будет с городом. К ноябрю в квартире остались мы с мамой и родственница уехавшей соседки с дочкой пятнадцати лет. Они ждали отъезда, а мы готовились к тому, что у нас будет маленький.

Квартира стояла холодная, особенно кухня с огромной плитой, которую топили Бог знает, как давно. Комната наша больше четырех метров высотой — парадный этаж доходного дома. В углу стояла высокая белая кафельная печь. Топить ее требовалось довольно долго. Она обогревала одновременно и соседнюю комнату, и коридор. Раньше к зиме запасали много дров. Сейчас того, что было в квартире, не могло хватить надолго, хоть мама очень экономила дрова. Где-то она раздобыла железную печурку, труба которой вставлялась в топку большой печки. Ценность печурки была в том, что она сразу давала вокруг себя тепло. Зато, когда ее переставали топить, сразу становилось по-прежнему холодно. Все тепло уходило вверх, под наш высоченный потолок. Стекла двух окон трехметровой высоты были заклеены полосками бумаги и завешены черными бумажными шторами. Даже днем мама не поднимала их полностью, а только до половины. Когда к вечеру она их опускала, появлялось ощущение безопасности, как будто опускали заградительный щит. Ночные бомбежки изматывали.

Однажды мы проснулись от воя самолетов и оглушающего грохота стрельбы. Приоткрыли штору. За окном оказалось очень светло. Осветительные ракеты густо висели на парашютиках; метались, перекрещиваясь, лучи прожекторов. Огромным пунктиром — линии трассирующих пуль. Все дрожало от грохота, самолеты с жутким ревом проносились над самыми крышами, расчерчивая небо. Потом раздался усиливающийся характерный вой падающего самолета — и страшный удар. Самолет упал где-то рядом. Потом говорили, что он рухнул на здание бывших конюшен в Басковом переулке, где перед войной разместили какие-то гаражи.

Те наши родственники, с которыми раньше отправляла меня мама под Малую Вишеру, уехали. Ключи от квартиры они оставили нам, чтобы мы поливали цветы. Квартира их помещалась в третьем этаже дома №10 по улице Чайковского. Красивый, нарядный особняк середины XIX века (архитектор Боссе) имел свою котельную, и пока было топливо, в старинных батареях дома можно было поддерживать температуру чуть выше нуля. Окна выходили на улицу. В квартире оставались яркоцветущие растения. Самые влаголюбивые стояли у нас в тазаках с водой. Однажды мы обнаружили в мисках и тазах утонувших мышей. Долго наводили чистоту и порядок. Зачем они туда полезли?

Через несколько дней надо было снова идти поливать цветы. Было слякотно, шел мокрый снег. Мы уже дошли до ули-

цы Пестеля, когда началась воздушная тревога. Мама, обычно такая упорная во всем, что касалось начатого дела, вдруг решила вернуться с половины пути. На краю тротуара она поскользнулась, чуть не угодила ногами под машину, очень разволновалась и поспешила домой. К цветам мы пошли уже на другой день. Вместо квартиры, вместо части некогда красивого дома перед нами была обрушившаяся груда мусора... Криво торчало из-под битого кирпича знакомое черное пианино. Наклонились, заваленные до самых верхних веточек, три молодые липки перед бывшим домом. Они до сих пор не растут вертикально, как их соседки, хотя прошло столько лет, и они стали значительно толще, чем были тогда.

Во двор можно было пробраться через завал под самым сводом арки ворот. Лестница была цела, только всю ее покрывал толстый слой кирпичной пыли. Я поднялась наверх, туда, где раньше была дверь. Площадка обрывалась рваным краем, и вниз уходила гора обломков. Видно было маму, прохожих.... Среди обломков, как живые, шевелились листочки книг довольно большой библиотеки наших родственников. Мы долго стояли перед этой горой, будто не верили тому, что видим. По развалине ходил какой-то человек в черном пальто с мешком, выбирал из мусора книги, а, может, и еще что. Это ползанье чужого человека по останкам знакомого дома казалось неприличным и оскорбительным. Может быть, нам и следовало собрать что-то из добра наших родствен-

ников, но почему-то было совестно копать. Мы стояли, как перед могилой, не решаясь прикоснуться.

Из их библиотеки сохранился у меня том полного собрания сочинений Пушкина, который мы еще раньше взяли почитать. Он прожил с нами всю блокаду и жив до сих пор.

В середине ноября 1941 года к нам пришел мой любимый дядя Иван Павлович Марков — один из маминых братьев. Он был танкистом во время войны с белофиннами, брал линию Маннергейма, а потом стал курсантом Военной академии в Ленинграде. Академия должна была эвакуироваться 22 ноября. Дядя пришел попросить у нас детские саночки на случай, если придется идти пешком через Ладогу. Он сказал, что решил связать свою судьбу с женщиной-врачом, которая спасла ему ногу от хромоты, когда он лежал в госпитале. Обещал, если удастся, прийти вместе с нею попрощаться с нами. Трамваи тогда уже не ходили, но они действительно пришли к нам за день или два до отправки. Мама поздравила их и угостила неким подобием какао, старательно вытряхнув в кипяток остатки порошка из довоенной еще красненькой пачки. Они советовали маме уехать. Нет воды, не работает канализация, нет света, дрова — проблема, о хлебной норме и говорить нечего. Как мама будет жить в таких условиях, когда родится ребенок? Прощаясь с ними, мама говорила, что здесь мы дома. Не верила, что может стать еще хуже, чем теперь. Считала, что трудности

ненадолго. Ведь наша страна не может не победить — в этом мы были убеждены!

Прошло несколько дней. Вместо печурки мама основательно натопила нашу большую печь. Оставила мне сухари и немного сахара. Попросила соседку, если не уедут в эти дни, присмотреть немного и, если что случится, постараться сообщить ей. С меня мама взяла слово, что я не буду никуда уходить из квартиры, кто бы ни звал, не буду развлекаться с остатком свечки и спичками, постараюсь не бояться обстрелов и тревог, а буду только ждать, только ждать маму, и она непременно придет через несколько дней, и еще принесет малыша. Она поцеловала меня и ушла в больницу на улицу Маяковского, где 26 ноября 1941 года у нее родилась девочка.

Мамы не было целую неделю. Такого еще не случилось в моей жизни — чтобы остаться совсем одной. Одной не только днем, но и ночью. Соседей я не любила и боялась, потому что их девочка повадилась таскать у нас дрова. Это время без мамы слилось для меня в одно нескончаемо длинное, мучительное, полное страхов ожидание. Бомбежки, обстрелы, день или ночь — было все равно. Черные шторы я не открывала, отгибала только угол. Боялась, что не смогу потом плотно закрыть, а с ними казалось безопаснее. Соседка звала раза два в убежище. Я не ходила, оставалась одна в пустой огромной квартире, ждала маму. Большую часть времени сидела на кушетке, где в угол, образованный стеной и боком пианино,

Света, мама, Лина. 1942-1943 годы

можно было положить подушки и прижаться к ним спиной. Таким способом сзади обеспечивалась безопасность от всего неизвестного, может быть, даже и от снаряда. Я знала, что обе стороны нашего дома считаются опасными при артобстреле. С моего места было видно почти всю комнату и дверь.

Пока было хоть немного светло, я подшивала что-то из одежды для маленького, читала, рисовала и слушала радио. Большой заботой стала экономия спичек и свечки. Подолгу я сидела в темноте с коробочкой спичек в руке, загадывая, что просижу без света столько-то. До тех пор не зажигала огня, пока мне не начинали мерещиться всякие ужасы. В темноте, когда заняться было нечем, еще и есть хотелось отчаянно. Оставленную еду я разделила на части по числу дней, назначенных мамой. Но к вечеру, к ночи, из части следующего дня

я все-таки откусывала кусочек, а то и еще. Очень себя презирала за это, но... Потом снова делила то, что осталось, на равные доли, разложив все богатство на маленькие бумажки. Доли становились все меньше и меньше. Потом осталась одна вода. В комнате давно уже было очень холодно. Свечка превратилась в расплывшийся по блюдечку блин. Огонек в этой лужице все уменьшался и однажды совсем погас. Тогда я уже не слезала с кушетки, не открывала шторы, решила спать, чтобы скорее прошло время. Уснуть не получалось, было страшно. Остатки спичек держала в руке, даже под одеялом. Зажигала в минуты отчаянного страха, чтобы убедиться, что в комнате никого нет.

Как возвратилась мама? Кто отнес в больницу одежду для младенца? Кто помог маме прийти? Кто принес в нашу холодную комнату горшок с замерзшими хризантемами? Не помню. Потом я узнала, что это была Таня — младшая мамина сестра. Всю жизнь Таня и мама были надежными помощниками друг другу. Я знала, что в трудную минуту только у Тани найду поддержку и утешение. С начала войны Таня была на оборонительных работах, потом на заготовке дров для города, а тогда, в конце ноября, отпросилась на два дня, чтобы помочь маме.

И бомбежки, и обстрелы, и голод — все затмило появление у нас маленькой девочки. Плохое ушло куда-то, потеряло остроту. Мне все было интересно. Сестренка оказалась такой, как моя самая большая кукла. Назвали мы ее Светкой,

Светиком. Молока у мамы не было сразу. Как ни старалась она пить больше чаю — молоко не появлялось. Зато появились отеки. Стало ясно, что чай бесполезен, если нет пищи. В детской консультации выписали рецепт на питание ребенку. На молочной кухне на улице Петра Лаврова (теперь Фурштатская ул., 24) для девочки выдавали разбавленное сгущенное молоко и два кругленьких печенья, их надо было размачивать в молоке и кормить сестренку. У мамы в тетрадных листочках записано, что вначале давали 800 граммов разведенной сгущенки и 20 граммов риса. Рис я не запомнила, а вот печенье! Сами мы получали тогда по 125 граммов блокадного хлеба в сутки...

После одного из обстрелов был поврежден дымоход нашей печки, топить ее стало невозможно — дым валил обратно. Мы перешли в комнату соседей, с которыми дружно жили до войны. Один ключ они хранили у мамы. Нашу буржуйку приспособили к их печке. Это теперь, когда у меня выросли двое детей, выросли не без трудностей, но в совершенно несравнимых с тем временем условиях, мне еще больше стал понятен весь ужас нашего блокадного бытия и тяжесть, которая легла тогда на плечи моей мамы! Нет света, нет воды, нет дров, не работает канализация, нет сил от голода и нет помощников — одна, все сама. Зато есть постоянные бомбежки и артиллерийские обстрелы, есть изматывающее напряжение от постоянного присутствия опасности.

В первую блокадную зиму мама меня никуда не выпускала, я оставалась почти все время одна с сестренкой. Мама всюду ходила сама. Утепив получше ноги, надев высокие, модные перед войной фетровые боты, закутавшись поверх пальто вязаным платком, мама уходила. Уходила надолго, часто на весь день — на дежурство, в очередь за хлебом, по воду, за дровами, за какой-нибудь едой. Тогда все передвигались медленно — не было сил. Мама пишет: «Идешь по улице — и видишь трупы, иногда уже полузанесенные снегом. Жутко. Обратно пыталась возвращаться по другим улицам, но и там было не лучше». Это только кажется, что блокада — просто сидение, переживание в холоде, голоде, под обстрелами и бомбами, без воды, хлеба и света. Да, блокада осталась в памяти как время, когда было темно, как будто не было дня, а только одна очень длинная, темная и ледяная ночь. Но среди этой тьмы была жизнь, борьба за жизнь, упорная, ежечасная работа, преодоление. Каждый день надо было носить воду. Много воды, чтобы стирать пеленки (это теперь есть памперсы). И работу эту нельзя было отложить на потом. Стирка была каждодневным делом. По воду ходили сначала на Фонтанку. Это было недалеко. Спуск на лед был левее моста Белинского — напротив Шереметевского дворца. До рождения девочки мы ходили с мамой вместе. Потом мама за несколько походов сама приносила необходимое количество воды. Для питья вода из Фонтанки не годилась, туда в то время выхо-

дили канализационные стоки. Люди говорили, что в проруби видели и трупы. Воду надо было кипятить. Потом на нашей улице Некрасова, у дома №1, вывели из люка трубу. Вода из нее текла все время, днем и ночью, ее не перекрывали, чтобы труба не замерзла. Образовалась огромная наледь, но зато вода стала близко. Это место было видно из нашего окна. На замороженном стекле можно было дыханием отогреть круглую дырочку и смотреть на улицу. Люди брали воду и медленно несли ее — кто в чайнике, кто в бидончике. Если в ведре, то далеко не полным. Полное ведро было не по силам.

На проспекте Непокоренных, на стене одного из новых домов, установлен памятный медальон, где изображена женщина с ребенком на руках и с ведром. Ниже к стене дома приставлена бетонная полочка, а из самой стены торчит кусок водопроводной трубы. По задумке авторов, это должно было символизировать существовавший здесь в блокаду колодец, убранный при застройке нового проспекта. Товарищи, что делали этот памятный знак, я уверена, не испытали блокады. Памятная доска — символ, который должен был вобрать в себя самое характерное, передать главное ощущение и настроение, заставить человека задуматься. Изображение на данном рельефе неинтересно и нетипично — в блокадные годы такая картина была просто невозможна: нереально нести ребенка, одетого в пальто и валенки, да еще и воду, пусть даже не полное ведро. А нести надо было не по

расчищенному асфальту, а по неровным, протоптанным среди огромных сугробов тропинкам. Снег тогда никто не расчищал. Печально, что наши дети и внуки, глядя на этот невыразительный рельеф, не увидят в нем того, что он должен был бы отразить. Не увидят, не почувствуют и не поймут. Подумаешь — брать воду не из крана в квартире, а на улице — как в деревне!..

За хлебом надо было ходить на угол улицы Рылеева и Маяковского, и стоять очень долго. Это я помню еще до рождения девочки. По карточкам хлеб выдавали только в том магазине, к которому человек был прикреплен. Внутри магазина темно, горит коптилка, свеча или керосиновая лампа. На весах с гирьками, какие увидишь теперь разве в музее, продавщица взвешивает кусочек очень внимательно и медленно, пока чашки весов не замирают на одном уровне — 125 граммов должны быть вымерены точно. Люди стоят терпеливо и ждут, ценен каждый грамм, никто не хочет потерять и доли этого грамма. Что такое грамм хлеба? Это знают те, кто получал блокадные граммы. Какая мелочь — грамм, по мнению многих ныне живущих. Теперь таких кусочков, как тот, единственный, что выдавался на сутки, можно съесть два-три с одним только супом, да еще намазав их маслом. Тогда — один на сутки, какой в столовой ныне берут за копейку, и без сожаления выбрасывают, не доев.

Вспоминается, как после войны в булочной женщина пробовала вилкой бу-

ханки хлеба и громко с неудовольствием восклицала: «Черствый хлеб!» Мне было очень обидно. Понятно, она не знает, что такое 125 или 150 граммов в сутки. Хотелось крикнуть: «Но хлеба много! Сколько хочешь!» Не помню, когда точно, но был в Ленинграде такой период, когда в столовой бесплатно стоял на столах нарезанный хлеб. В булочной можно было без продавца брать хлеб и идти оплачивать в кассу. Мало кто помнит этот небольшой сказочный период такого доверия к людям. Обидно бывало, если в 125 граммах попадалась веревка. Однажды попало что-то подозрительное — как мне показалось, мышинный хвост. Вот тогда-то мы попробовали поджарить наш кусочек на олифе, поставив на угли в печурку игрушечную сковородку. Неожиданно олифа вспыхнула и, хотя на огонь набросили тряпку, хлеб превратился почти в уголь. О составе блокадного хлеба писали много. Самым любопытным в рецепте кажется мне «обойная пыль». Трудно представить, что это такое.

Пока мамы не было, а мой Светик спала, я читала. Закутавшись поверх пальто еще и в одеяло, я устраивалась у стола. Перед коптилочкой открывала огромный том Пушкина. Читала все подряд, многого не понимала, но ритм и мелодия пушкинских строк увлекали. За чтением есть хотелось меньше, уходил страх одиночества и опасности. Как будто не существовало ни пустой промороженной квартиры, ни высокой темной комнаты, где на стенах пугающе шевелилась моя бесфор-

менная тень. Если очень уж замерзала или уставали глаза — ходила по комнате, убирала пыль, щипала лучину для печки, растирала в мисочке еду для сестренки. Когда мамы не было, всегда шевелилась мысль: что я стану делать, если она не вернется совсем? И я смотрела в окно, надеясь увидеть маму. Видна была часть улицы Некрасова и часть улицы Короленко. Все завалено снегом, среди сугробов — узенькие тропинки. С мамой я не говорила о том, что видела, так же, как и она не рассказывала мне, что приходилось ей видеть за стенами нашей квартиры. Надо сказать, что и после войны эта часть улицы осталась для меня холодной и неприятной. Какие-то глубинные ощущения, впечатления прошлого до сих пор заставляют меня обходить этот участок улицы стороной. Редкие прохожие, часто с саночками. Полуживые люди везут на детских санках мертвых. Поначалу было страшно, потом ничего. Видела, как человек свалил завернутый в белое труп в снег. Стоял-стоял, а потом пошел с санками назад. Снег заносил все. Я старалась запомнить, где под снегом мертвец, чтобы потом, когда-нибудь потом, не ступать по страшному месту. Видела в окно, как упала на углу Короленко лошадь, тащившая какие-то сани (где-то в декабре 1941-го). Подняться она не могла, хоть два дядьки и пытались ей помочь. Они даже отцепили сани. Но у лошади, как и у них, уже не было сил. Стало темно. А на утро лошади уже не было. Снег заносил темные пятна на том месте, где она упала...

Все было ничего, пока ребенок спал. Всякий раз при грохоте взрывов я взглядывала на сестренку — только бы подольше поспала! Все равно наступал момент — и она просыпалась, начинала пищать и ворочиться в своем одеяле. Я могла ее развлекать, качать, изобретать, что угодно, только бы она не плакала в холодной комнате. Что мне категорически было запрещено — так это разворачивать толстое одеяло, в которое она была упакована. Но кому понравится лежать в мокрых пеленках по несколько часов? Мне надо было следить, чтобы Светка не вытащила из-под одеяла ни руку, ни ногу — холодно. Часто мои старания плохо помогали. Начинался жа-

лобный плач. Хоть силенок было немного, но случалось, что ей удавалось вытащить ручонку из-под одеяла. Тогда плакали мы вместе, а я закрывала и закутывала Светку сверху, чем могла. И еще ее надо было кормить в назначенные часы. Соски у нас не было. С первого дня девочку кормили из ложечки. Это целое искусство — вливать по капле еду в ротик, который умеет только сосать, и при этом не пролить ни капли драгоценной пищи. Мама оставляла еду для сестренки, но она была холодной. Печку в мамино отсутствие разжигать не разрешалось. Оставленное в маленьком стаканчике молоко я грела в ладошках или, что было очень неприятно, прятала хо-

*Блокада. Связь времен. Ленинград 1942-2009. Невский проспект.
Фотоколлаж Сергея Ларенкова*

лодный стаканчик под одежду, поближе к телу, чтобы еда стала хоть немножечко теплее. Потом, стараясь сохранить тепло, сжимала стаканчик в одной ладони, другой рукой из ложечки кормила сестренку. Зачерпнув каплю, дышала на ложку, надеясь, что от этого еда потеплеет.

Бывало, если Светку не удавалось успокоить, я все же разжигала печурку, чтобы скорее согреть еду. Ставила стаканчик прямо на печку. В качестве топлива использовала свои довоенные рисунки. Я всегда любила рисовать, а мама складывала рисунки и хранила. Пачка была большая. Все они так потихоньку и были израсходованы. Отправляя в огонь очередной листок, всякий раз давала себе обещание — вот кончится война, будет у меня много бумаги, будут краски, и я снова нарисую все, что сейчас горит в печурке. Больше всего было жаль листа, где были нарисованы развесистая бабушкина береза, густая трава, в ней цветы, много грибов и ягод.

Сейчас мне самой кажется загадкой, как я не съедала еду, оставленную для Светы. Признаюсь, что пока кормила ее, два-три раза дотрагивалась языком до вкусной ложечки. Помню и стыд ужасный, который испытывала при этом, как будто все видят мой плохой поступок. Между прочим, всю оставшуюся жизнь, где бы я ни была, мне всегда, казалось, что мама меня видит и знает, что я всегда должна поступать по совести.

Когда возвращалась мама, как бы она ни устала, она торопила меня разжигать

печурку, чтобы скорее перепеленать ребенка. Эту операцию мама проделывала очень быстро, можно сказать, виртуозно. У мамы все было продумано, она раскладывала то, что потребуется, в определенной последовательности. Когда разворачивали одеяло и клеенку, в которую ребенок был обернут полностью, вверх столбом шел густой пар. Девочка была мокрая, как говорится, по уши. Ни одной сухой ниточки. Вынимали ее как из огромного мокрого компресса. Сбросив все мокрое в таз, прикрыв Светика сухой, подогретой у печки пеленкой, мама удивительно быстро обмазывала все ее тельце тем самым подсолнечным маслом, чтобы не было опрелости от постоянного лежания в мокром и без воздуха.

Светочка не имела возможности свободно двигаться. Свобода подвигаться бывала только, когда ее купали. Мыли мы девочку хорошо, если раз в неделю. По тем временам это было сложное и тяжелое мероприятие, отнимавшее у мамы последние силы. Нужно было много воды, которую необходимо было не только принести, но потом еще и вынести во двор. Когда маме удавалось раздобыть где-нибудь дров, подольше топили железную печурку, на которой грелись кастрюльки с водой. Устраивали полог из одеял — как бы палатку, чтобы тепло не уходило вверх. На табуретку ставили большой таз, в нем и купали Светку. Здесь же, под пологом, насухо вытирали. Если не было обстрела или тревоги, давали подольше побарахтаться на свобо-

де, мама делала сестренке массаж и гимнастику. Перед тем, как снова завернуть в пеленки, клеенки и одеяло, девочку снова тщательно обмазывали заветным подсолнечным маслом. Мы могли что-то жарить на олифе, разводить столярный клей, варить кусочки какой-то кожи, но это масло было неприкосновенно.

Потом я кормила сестренку, а маме доставалась снова вся тяжелая работа. Надо было все убрать, все постирать и вынести грязную воду. Как мама стирала пеленки? Ее руки скажут об этом больше, чем слова. Знаю, что стирала она в холодной воде чаще, чем в теплой. В воду добавляла марганцовку. Развесив все тряпки вымерзать в промороженной кухне, мама долго отогревала онемевшие красные руки и рассказывала, как зимой в деревнях полощут белье в проруби, точно утешая себя. Когда основная часть воды вымерзала, пеленки досыхали уже в комнате.

Сами мы мылись редко, да и то по частям. Мама не хотела обрезать свои толстые косы, и после мытья прополаскивала волосы в воде с несколькими каплями керосина. Боялась вшей, и при каждой возможности грела тяжелый уют, чтобы прогладить наше белье. Как просто все кажется сейчас, а тогда для любого дела требовалось собрать силы и волю, надо было заставить себя не сдаваться, каждый день делать все, что возможно, чтобы выжить и при этом остаться человеком.

У мамы во всем был строгий распорядок. Утром и вечером она выносила

помойное ведро. Когда перестала действовать канализация, люди выносили ведра и сливали все на крышку канализационного люка. Там образовалась гора нечистот. Ступени лестницы черного хода местами обледенели, ходить было трудно. Каждое утро мама заставляла меня вставать. Заставляла своим примером. Надо было быстро одеться. Мама требовала если уж не умыться, то хотя бы провести по лицу мокрыми руками. Зубы надо было чистить, когда на печке согревалась вода. Мы спали в одежде, снимали только теплые вещи. Если вечером была возможность согреть на печке уют, то на ночь клали его в постель. Вылезать утром из-под всех одеял в холод, когда вода в ведре за ночь замерзала, было ужасно. Мама требовала, чтобы с вечера все вещи лежали по порядку. Порядок помогал не растерять ночное тепло и быстро одеться. Ни разу за все время войны мама не разрешила мне подольше остаться в постели. Наверное, это было важно. Тяжело нам всем, холодно одинаково, голодно тоже одинаково. Мама обращалась со мной, как с равной, во всем — как с другом, на которого можно положиться. И это осталось навсегда.

Несмотря на истощение, постоянную опасность, я ни разу не видела, чтобы мама испугалась или плакала. Опустила бы руки и сказала: «Не могу больше!» Она упрямо делала каждый день все, что могла, что необходимо, чтобы прожить этот день. С надеждой, что завтра должно стать легче. Мама часто

повторяла: «Надо двигаться, кто залег в постель, кто без дела — тот умер. Дело всегда найдется и всегда можно найти причину, чтобы его не делать. Чтобы жить — надо работать».

Чего не помню совсем — это того, что мы ели в первую блокадную зиму. Порой кажется, что и вовсе не ели. Думается, что моя мудрая мама сознательно не заостряла внимания на еде. Но еда для сестренки была четко отделена от того, что ели мы сами.

В своей зеленой тетрадочке мама записала, что все ее корочки и сушеные очистки от картошки в декабре уже кончились. Тема пищи нами молча обходилась. Еды нет, ее нет ни у кого, кто остался в Ленинграде. А зачем просить то, чего нет? Надо читать, что-то делать, помогать маме. Помню, уже после войны в разговоре с кем-то мама сказала: «Спасибо Линочке, она никогда не просила у меня есть!» Нет, однажды я очень даже просила поменять отцовские хромовые сапоги на стакан нечищенных грецких орехов, которые громко расхваливал на толкучке какой-то человек. Сколько их было в граненом стакане? Штук пять или шесть? Но мама сказала: «Нет, это уж слишком бесстыдно». Она ненавидела толкучие рынки, не умела ни продать, ни купить. И меня, наверное, взяла с собой для храбрости. На толкучке можно было купить многое, даже обжаренные котлеты. Но когда в сугробах видишь трупы, приходят разные мысли об их составе. Собак, кошек и голубей давно уже никто не видел на улицах...

В декабре 1941 года кто-то приходил к нам в квартиру, и предлагал маме уехать из Ленинграда, говорил, что оставаться с двумя детьми — верная гибель. Может быть, мама и думала об этом. Она видела и знала о происходящем больше меня. В один из вечеров мама сложила и увязала в три пакета то, что могло понадобиться в случае эвакуации. Утром куда-то ходила. Вернулась, молчала. Потом твердо сказала: «Никуда мы не поедem, остаемcя дома».

После войны мама рассказывала брату, как в эвакуационном пункте ей подробно объяснили, что ехать надо через Ладогу, возможно, на открытой машине. Путь опасен. Случается, что приходится идти пешком. Сколько часов или километров — никто заранее сказать не может. И если говорить честно, то одного из детей она, скорее всего, потеряет — то есть, один погибнет. Мама не хотела терять никого, не представляла, как потом жить. И ехать отказалась. Мама стала донором. Наверное, нужна была смелость, чтобы решиться в таком ослабленном состоянии отдавать кровь. После сдачи крови доноров не сразу отпускали домой, а давали что-то поесть. Несмотря на строгий запрет, мама что-то утаивала из еды и приносила домой. Она регулярно сдавала кровь, иногда чаще, чем разрешалось. Она говорила, что ее кровь — самой лучшей группы, и годится всем раненым. Мама была донором до конца войны.

Вспоминается, как на одной из последних регистраций блокадников

(на Невском пр., 102 или 104) женщина средних лет держала в руках наши документы, где было удостоверение к медали «За оборону Ленинграда» и документ почетного донора, но, услышав, что мама стала донором в декабре 1941-го или в январе 1942-го, обвинила меня во лжи: «Какой донор! У нее же был маленький ребенок! Зачем вы лжете?». Я забрала бумаги, не стала унижаться: пережили блокаду — проживем и теперь. После блокады я ничего не боюсь.

А тогда кто спрашивал? Пришел человек. Кровь была нужна. Нужна была и пища. Донорам давали рабочую карточку.

Когда мамы не было дома, и ответственность за все ложилась на меня, во мне поселялись страхи. Многие, может, и воображаемые, но один — вполне реальный. Это был стук в дверь. Особенно я боялась, когда стучали с черного хода. Там дверь была закрыта на длинный огромный крюк. Для плотности в ручку двери всовывали полено. Если потрясти дверь — полено выпадало, и крюк можно было открыть через щель.

Услышав стук, я не сразу выходила из комнаты, сначала прислушивалась: может, постучат и уйдут? Если продолжали стучать, с ужасом выходила в ледяной коридор, бесшумно подкрадывалась к двери, придумывая, как мне изобразить, что в квартире много людей. Если спрашивала, то старалась — басом. Не открывала, когда молчали, не открывала, когда просили открыть, не открывала даже дежурным, обходившим «живые» кварти-

ры после особенно сильных обстрелов. Открывала я только одной тете Тане — младшей маминой сестре. Она приходила редко, была очень слаба и страшна на вид. Совсем недавно молодая, красивая и веселая, она была теперь, как тень, — черная, с торчащими скулами, вся в чем-то сером. Таня очень медленно входила в комнату и стояла какое-то время. Она не могла отвести глаз от маленького марлевого мешочка, купленного когда-то деду, в котором висели у печки кусочки сахара: «Линочка, дай мне один кусочек! Только один, и я уйду».

Таня для меня — вторая мама. Я чувствовала себя предателем, с одной стороны, с другой — благодетелем, а проще сказать — обманщицей, так как не решалась сказать маме, что даю Тане сахар. Я и до сих пор не сказала. Мне было неизвестно, считала мама эти кусочки или нет. Меня до сих пор бросает в краску от мысли, что моя мама, может быть, думала, будто я одна в ее отсутствие ела этот сахар. Тошно, что не могла сказать правду. Наверняка мама не стала бы меня корить за доброе дело.

Однажды к нам в квартиру постучал управдом. Мама открыла и впустила темного человека в пальто и ушанке, почему-то с полотенцем на шее вместо шарфа. Управдом спросил, сколько нас и сколько у нас комнат? Нас сейчас было трое, а комната всегда была одна.

— Ведь вам тесно! Давайте я запишу за вами еще комнату или две. Мне только надо один килограмм хлеба!

— Как же можно такое? Ведь люди вернутся!

— Никто не вернется, уверяю вас, никто не вернется. Мне только один килограмм хлеба!

— Нет у нас хлеба. Если мы умрем — зачем нам комнаты? Если мы выживем — нам будет стыдно смотреть людям в глаза. Лучше уходите.

Когда после войны нас стало в этой комнате шестеро, и было действительно тесно и неудобно, мы с улыбкой вспоминали предложение управдома. Как просто могли мы получить комнату или две! Был бы только килограмм хлеба. И еще — не мешала бы совесть. Кстати, после войны была норма в три квадратных метра жилья на одного человека. Когда у нас в доме провели центральное отопление, мы убрали нашу кафельную печь, и на каждого из нас стало по три метра и двадцать сантиметров. И нас немедленно вычеркнули из очереди на улучшение жилья!

Из всех блокадных лет запомнился только один Новый год — самый первый. Наверное, именно потому, что он был первым — без красивой елки с конфетами, орехами, мандаринами и блестящими огоньками. Елку заменила мне засохшая хризантема, которую украсила я бумажными цепочками и клочками ваты. По радио выступала Ольга Берггольц. Я не знала тогда, что это наша ленинградская поэтесса, но голос ее, с характерной интонацией, тронул и заставил внимательно слушать то, что она говори-

ла. Медленно и спокойно звучал этот голос: «Мне не надо говорить вам, какой он, этот год...». Дальше запомнились стихи. Кажется, так:

*Товарищ, нам горькие выпали дни,
Грозят небывалые беды.
Но мы не забыты с тобой, не одни, —
И это уже победа!*

Уже после смерти Ольги Федоровны, на Итальянской улице, справа при входе в здание радиокомитета установили памятную стелу. Жаль, что мало кто знает об этом памятнике. Теперь там решетка, да и памятник, похоже, уже другой.

В маминой тетрадке есть такой кусочек: «Несмотря на ужасы блокады, постоянные обстрелы и бомбежки, залы театра и кино не пустовали». Оказывается, мама в той страшной жизни умудрилась побывать в Филармонии: «Не могу точно сказать, когда это было. Скрипачка Баринава давала сольный концерт в Большом зале. Мне посчастливилось туда попасть. Зал не отапливался, сидели в пальто. Было темно, только каким-то необычным светом была подсвечена фигура артистки в красивом платье. Было видно, как она дышала на свои пальцы, чтобы хоть немножко их согреть».

В нашем доме в блокаду оставались четыре семьи, неполных, конечно. В первой квартире на втором этаже жили двое стариков — Левковичи, во второй квартире — шумная полная женщина Августинович. Она работала на одном из за-

*Блокада. Связь времен. Ленинград 1944-2009 Площадь искусств. Михайловский театр
Фотоколлаж Сергея Ларенкова*

водов и редко бывала дома. В четвертой квартире оставались мы с мамой и сестренкой. Наверху, в квартире №8, жила семья из трех человек — Припутневичи. У них была великолепная собака — пинчер. Кормить собаку было нечем, а смотреть на голодное животное... Хозяин сам застрелил свою собаку в нашем дворе из охотничьего ружья. Со слезами ее съели до последнего кусочка. Потом они, видимо, все-таки уехали.

Левковичи из первой квартиры казались мне стариками. Дети их, наверное, были в армии. Жили они в этой квартире с незапамятных времен, а теперь занимали там две комнаты. Одна выходила на южную сторону, на улицу Некрасова — самую опасную при обстрелах. Другая была темная и смотрела окнами в наш двор-колодец, куда, по общему убеждению, снаряд или бомба могли залететь только в том случае, если спустить их

точно сверху по вертикали. У Левкови-
чей был самовар. Чем его топили — не
знаю, но он у них всегда был теплый и
немножко заменял печку в главной свет-
лой комнате, обставленной массивной
резной мебелью. На одной стене в тем-
ной овальной раме висело зеркало, а на-
против, в такой же раме — большое ста-
ринное фото, где хозяева были молодые
и очень красивые.

Самовар часто собирал возле себя не-
многочисленных обитателей нашего дома.
С ним связаны воспоминания о тепле,
уютных стариках, о том, что их темная
комната часто заменяла всем бомбоубе-
жище. Если приходили попить кипяточ-
ку, каждый приносил с собой, что у него
было из съестного.

Уже после войны, когда училась в
СХШ, возвращаясь как-то домой, вижу,
перед парадной нашего дома — грузовик.
Какие-то люди выносят старые вещи и за-
брасывают в кузов. Поднимаюсь по лест-
нице — это из первой квартиры. В голове
пронеслось: «Значит, Левковичи умер-
ли, и люди все выбрасывают». В руках
у грузчика — знакомый самовар. Спра-
шиваю: «Куда вы все несете?» «На свал-
ку везем!» «Отдайте мне этот самовар!»
«Трешку давай!» «Я сейчас!»

Бегу наверх, кричу: «Мне три рубля,
скорее!». Потом лечу вниз — и самовар
у меня в руках. И стоит теперь у меня
дома эта память о блокаде и добрых ста-
риках...

Когда закапало с крыш, пережившие
первую блокадную зиму обитатели дома

дружно выползли на солнечную улицу.
Надо было между обстрелами убрать все,
что скопилось за зиму. Из каждого дома
те, кто был жив и мог двигаться, вышли
чистить город. Это было как возвраще-
ние к жизни, конец страшной ночи. Хо-
телось скорее увидеть результаты своего
труда. Лом мне было даже не сдвинуть
с места, да и взрослые, если и поднимали
его два-три раза, то останавливались
передохнуть. Мне дали скребок. Упор-
но тюкая этим инструментом, я по кро-
хам откалывала лед и слежавшийся снег.
Этим мы с мамой занимались, когда Све-
та спала. Какой было радостью добрать-
ся до асфальта! Того самого, довоенного,
где когда-то чертили мелом «классики»,
прыгали через скакалки. На солнце осво-
божденный асфальт быстро подсыхал,
и это было великолепно. Как будто с ули-
цы снимали огромный ледяной панцирь.
Снегу было невообразимо много. Наты-
кались на трупы. Пока люди со скребка-
ми и лопатами приближались к нашей
подворотне (на Короленко) там из су-
гроба протаяла чья-то рука. Она торчала,
будто звала на помощь. В Басковом пе-
реулке было еще страшнее. Понятно, что
вывозка трупов была самым тяжелым де-
лом. Замерзшие тела складывали на ма-
шины и увозили, даже не прикрывая, на
Пискаревское кладбище. Люди не раз-
говаривали и не плакали. Они молчали
и работали. Убрали город очень быстро.
Недели через две все блестело. А убира-
ли вручную, урывками, среди бесконеч-
ных обстрелов. Теперь чистый асфальт

стали засыпать осколки стекла, кирпича и снарядов.

Хотя норму хлеба немного увеличили, люди все равно продолжали умирать. Весной тетя Таня пришла к нам за детской колясочкой. Ее мужа надо было отвезти в больницу, сам он ходить уже не мог. Я видела, как этот взрослый человек в огромном зимнем пальто легко влез в колясочку, только колени поднялись высоко. Таня и мама вдвоем покатали коляску. Он все равно умер, не верил, что надо подождать еще немного.

Весной 1942 года наша Светик заболела. Ей было пять месяцев, но выросла она за эту зиму очень мало. По-моему, так она и вовсе не росла. Откуда-то появился коклюш. Она кашляла днем и ночью. Приходила наш участковый доктор Прокуратова из детской поликлиники. Она сидела у нас и почти плакала: «Что делать? Что же делать? Вот и еще один ребенок погибает!». А ребенок, действительно, стал выглядеть уж очень плохо. Кашель отнимал все силы, Светка почти не двигалась и походила на мертвеца. Ручки и ножки тощенькие и почти синенькие, животик — как у рахитика. Доктор советовала гулять с ней у воды, чтобы облегчить кашель. Мы ходили вдоль Фонтанки, но там, когда стреляли, уж очень было страшно, да и тяжело, хоть ребенок и в колясочке. Кроме коклюша, у сестренки оказалась еще и пневмония. Наверное, поэтому доктор и сокрушалась так откровенно. Потом она велела маме принести ребенка на улицу Петра Лаврова в поликлинику,

там она сделает Светочке какой-то укол. В огромном одеяле, в колясочке, мы доставили Светика к врачу. В поликлинике было пусто и немногим теплее, чем на улице. Помню огромный шприц с чем-то мутным. Подумала тогда: «Куда же все это влезет в нее?».

Но чудеса все-таки бывают. Через некоторое время кашель прошел, и Светик ожила. Она даже стала заметно поправляться, хотя ее питание оставалось прежним.

Помню, на нее даже выдавали понемногу гречневой крупы. Мама поручала мне растирать эту крупку в муку, чтобы варить из нее болтушку для Светки. Признаюсь, я пробовала эту крупку, пока растирала ее столовой ложкой в глубокой миске. Разжевать несколько крупинок было несказанным наслаждением, и мне было не устоять. Но остановить себя, хоть и слюнки текли, было все же возможно. Как бы я выглядела, если бы съела эту крупку или если бы количество ее заметно уменьшилось?

В мае 1942 года было прохладно, но после зимы и это казалось просто райским теплом. Светик выздоровела, и мама стала отпускать меня с нею гулять. Всякий раз мама настойчиво просила меня не отходить ни на шаг от коляски, потому что кто-нибудь может схватить Светку. Теперь я понимаю, что задумай кто-нибудь схватить мою сестренку и унести, я ничего не смогла бы сделать. Но, наверное, от возложенной на меня ответственности, я представлялась себе очень сильной. С

колясочкой шла я в садик во дворе дома №46 по Литейному проспекту. Там росли кустики с крохотными цветочками. Цветочки были чуть сладковатые, и я ела их все время, пока они не отцвели. На газонах собирала первые листочки лебеды и крапивы, из них дома можно было что-то сварить. Как только разрывы снарядов слышались близко, приходилось укатывать коляску в длинный арочный проезд от Литейного. Там всегда был сквозняк, долго не простоять. Домой отправлялась, когда кончалась стрельба и объявляли отбой.

Однажды на двери нашего дома появилось объявление, что детей школьного возраста приглашают прийти в школу. Тех, кто не уехал и остался жив после первой блокадной зимы, оказалось не так много. Нас организовали в классы, через несколько дней выдали противогазы, научили пользоваться ими. Противогаз надо было всегда носить с собой. Потом школьницы получили еще и форменные платья. Какой была одежда у мальчиков — не помню, а девочки очень походили на настоящих военных — платье было сшито из зеленой солдатской ткани. Занимались в подвале школы, куда довольно свободно помещались все — и старшие, и младшие. Тетрадей не было, а если что-то и выдавали, все равно не хватало надолго даже при большой бережливости. Писали, кто на чем, бывало, что и на газете.

В школе полагалось проводить большую часть дня. Домашние задания решали тут же, у доски. При таком количестве

учеников проверить можно было каждого, каждому дать отдельную задачу. Наша воспитательница Нина Владимировна Артамонова очень много читала нам вслух, готовила с нами концерты для раненых. Мы часто выступали с самодеятельностью в госпитале, который находился в начале улицы Жуковского. (Мариинская больница). Стихи, песни, танцы... Дарили раненым вышитые кисеты, платочки, самые разные вещицы, сделанные своими руками. Мне казалось, что плясать перед ранеными неловко: они в бинтах, в гипсе, не могут ходить, не только что плясать. Поэтому я читала им стихи.

У нашей школы были грядки в Летнем саду. Там мы пропалывали морковь, салат и свеклу. Когда на старых липах только прорезались зеленые листочки, мы ели их без конца, потом ели цветы липы, а потом и семена. В саду были вырыты земляные укрытия, длинными буграми вздыбившие садовые дорожки. Учителя очень беспокоились, чтобы кого-то не задело осколками. В укрытиях было холодно, сыровато и не всегда чисто. Мы чаще прятались не внутри, а позади этих холмиков и только делали вид, что в землянках. Во время обстрелов работать не разрешалось, и мы убегали на берег Лебяжьей канавки. Она в то время была совершенно обмелевшей. Местами канавку можно было перейти почти посуху. Так и переходили на Марсово поле. Там, где в центре памятник жертвам революционных времен, стояла зенитная батарея. Мешки с песком укрывали гранитные блоки.

Если стреляли наши орудия — казалось, оглохнешь от грохота. Но этот грохот был не страшен, скорее радостен. В оттенках разных взрывов, завываний, шумов и выстрелов дети разбирались великолепно.

На Марсовом поле цвела сирень, потом жасмин. В школу возвращались строем вдоль Фонтанки с веточками зелени, с горсточками собранной в саду крапивы для дома.

Однажды во время затяжного обстрела мне очень захотелось уйти домой из школьного подвала, где проходили занятия. Может быть, меня поманило неплотно закрытое подвальное окно? Во время перемены я выбралась из окна и вышла через двор на улицу Маяковского. На углу улицы Некрасова осмотрелась и испугалась: шел не просто обстрел, когда снаряды падают без всякой системы. Здесь было другое: расстреливали нашу улицу. В сторону Мальцевского рынка, насколько видел глаз, улица была засыпана стеклом, битым кирпичом, висели оборванные провода, а в каждом доме на уровне второго или третьего этажа была видна снарядная пробоина. От последнего разрыва еще оседало облако белорозовой пыли. Пока я стояла, оглядываясь, снаряд ударил в дом №16 по улице Некрасова. Раз так точно стреляют по каждому дому — значит, сейчас дойдут и до нашего! Там мама, сестренка, старики Левковичи... Я побежала. Ноги скользили по битому стеклу и черному диабазу мостовой. Еще взрыв — это дом №14. Бегу по проезжей части — по тротуару боюсь,

чтобы не остановил дежурный. Еще вой и взрыв — это дом №12. Осталось еще два дома. Надо успеть, успеть!.. Взрыв! И рядом со мной, обгоняя, как камень по воде, скачет по диабазу огромный осколок. Хорошо, что не в меня попал! Подобрать бы, да некогда, и горячий он!

Вбежала в дом в тот момент, когда снаряд разорвался в доме №8. Что было сил, стучу в первую квартиру, где могли быть люди: «Скорее! Все во двор, сейчас наша очередь!» Кричу, что дыра уже в каждом доме. Напряженно ждали взрыва. Но больше выстрела не было. Может, у немцев наступил час обеда, или они решили, что с этой улицей покончено? Был август или июль — не помню, но знаю, что семнадцатое число. Наверное, в каких-нибудь документах отмечен день, когда по улице Некрасова снарядом был поврежден каждый дом четной стороны.

Весна и лето 1942 года запомнились еще и тем, что Таня ушла в армию. До войны она работала в лаборатории аэрогеодезического предприятия. Оно находилось на Фонтанке, где теперь стоит театр бывшего Дворца пионеров. В начале войны работниц предприятия отправили на окопы. За Петергофом, в районе Гостилиц, строили бетонные доты, рыли траншеи и противотанковые рвы. Руководили военные. «Недели через две, — рассказывала потом Таня, — нас разбудили ночью, сказали, что немцы близко. Велели всем собраться и добираться в Ленинград, кто как может. Мы собра-

ли свои вещи и пришли на станцию Гостилицы. До Петергофа ходил автобус, а дальше — поезд. Собрались люди. Нас было четыре девушки и один мужчина из нашего предприятия. Стали ждать автобус. Потом загудело, и самолеты стали бомбить станцию. Все бросились, кто куда, кто — в кусты, кто — в канаву. Когда самолеты улетели, пришел автобус. Мы оказались первыми. Сел мужчина, я рядом. Потом девушки на продолговатую скамейку. Все сдвигались несколько раз. Я пересела к девушкам. На мое место села старушка. Набился полный автобус. Помню женщину в красной кофточке. Ее уже не пускали, некуда совсем, но она все же втиснулась. Проехали километров десять, и налетел самолет. Из пушки — прямо в крышу, и пулемет — тра-та-та, тра-та-та — по автобусу. Все согнулись. Автобус встал, крики, паника. Двери раскрылись, стекла посыпались. Шоферу всю шею изрезало стеклами. Все, кто мог, из автобуса побежали. А когда стихло, смотрим — в автобусе половина убитых, половина раненых. Кто был на моем месте — насмерть. У бабушки ноги все в крови, женщину в красной кофточке убило. Из всего автобуса человека четыре, которые могли кому-то помочь. Мы останавливали машины, отправляли раненых. Шоферу шею перевязали, он мог ехать. Мертвые так в автобусе и остались. Доехали до Петергофа. Потом уже в городе мы дежурили на крыше, тушили зажигалки, убирали снег на территории предприятия».

После тяжелейшей зимы, когда работа предприятия сама собой прекратилась, руководители аэрогеодезии Шестовский и Федор Кузьмич Назаров обошли по адресам своих сотрудников, чтобы собрать тех, кто остался жив, в специальную военную часть. Эти замечательные люди собрали еле живых, истощенных людей на улице Радищева, где организовывалась военная аэрогеодезическая часть, так необходимая тогда фронту. Тех, кто не мог ходить — привозили на саночках. Для самых слабых Павел Леонидович Алексеев где-то доставал бульон. В коллективе поправлялись быстрее, чувствовали, что нужны их знания и умения. Ф. К. Назаров потом написал книгу «Огненные годы». Он всех поздравлял с праздниками. Все любили и уважали Федора Кузьмича, а сын его — архитектор Валентин Федорович Назаров — до сих пор работает с Генпланом нашего города.

Эта небольшая военная часть должна была обеспечивать фронт точными картами. С самолета проводилась съемка местности. Пленку обрабатывали, и на специальной аппаратуре получали планы с точными высотными характеристиками.

Изредка мы с мамой и сестренкой навещали Таню. Она поправилась, стала похожа на прежнюю, веселую и улыбчивую. Несколько раз летом она фотографировала нас.

К осени 1942 года в городе открыли столовые, где можно было получить два или три раза в день какую-никакую теплую еду. Только надо было туда прихо-

дить. Ближайшая столовая помещалась на втором этаже дома №5 по улице Белинского. Это красивый, облицованный серым гранитом дом начала XX века, с таинственным входом в заглубленной части стены первого этажа. В доме существовала еще отделка в стиле модерн, с характерным растительным орнаментом. В большом зале — зеркала над камином и по стенам отражали неторопливых исхудалых посетителей. Мама пишет, что выдавались специальные карточки, и по ним кормили три раза в день. Кроме того, там бывало соевое молоко или соевый кефир за отдельную плату. Рацион стоил недорого. Мама заставляла меня пить эту гадость из сои. Даже при таком голоде это было препротивное пойло. Приходилось уступать и делать несколько глотков.

В какой-то день весны 1943-го ожил заснеженный двор Некрасовской бани. Чумазные люди в ватниках пытались оживить котельную. В техническом этаже горел огонь, таял лед, гремели удары молотком по железу. Наступил день, когда баня открылась. Мы оставили спящую Светку дома, и пошли, надеясь успеть между обстрелами. Работала только малая часть замороженного насквозь здания — то отделение, где раньше был бассейн. Чтобы из раздевалки попасть в помещение с горячей водой, надо было сначала пройти через зал с бассейном. Все было серое, голое и очень холодное. Ступая босыми ногами по ледяному цементному полу, мы держались за руки и почему-то

смеялись. Мы вдруг увидели, какие мы страшные! Идут по пустой бане два скелета с мочалками в руках, дрожат от холода и смеются. Вода была теплая, но баня еще не прогрелась. В мыльной плескались еще четыре храбрых блокадницы, худые и костлявые. Смотреть друг на друга было неловко. Как мы не простудились? Это — чудо. Кажется (если я не путаю), после бани мы нашли дома плачущую Светку и выбитые стекла. Какой ударной волной, какого снаряда разбило наши окна? Сестренка тихо плакала, но хорошо, что не ползала по стеклам, а сидела в постели. На ней было только несколько царапин. Потом мы уже никогда не оставляли ее одну, всюду водили с собой, особенно я, когда бывала свободна от школьных занятий.

В школе я познакомилась с Надей Буралкиной. Ее мама умерла, и Надя жила у родственников — Галины Максимовны и Александра Акимовича Аракчеевых, в том самом доме по Литейному проспекту, 46, где я всегда гуляла с сестренкой. Вместе с Надей между обстрелами мы учили Светку ходить и говорить новые слова. После первых нормальных слов («мама», «дай») в ее лексиконе появилось слово «фриц», которое она проносила как «фиц».

Ребенок в возрасте около двух лет прекрасно знал, что такое обстрел, бомбежка, снаряд, отбой, тревога, ружье, команды «Огонь!», «Руки вверх!», «Ложись!». Мы потешались над Светкой, заставляя изображать пленного фрица. Если мы ко-

мандовали ей: «Руки вверх!» — она смешно топала перед нами с поднятыми ручонками. Когда кричали: «Бабах!» — она так и валилась вперед на свое круглое, как мячик, пузико.

Летом за питанием для сестреники мама посылала уже меня. На молочной кухне на улице Петра Лаврова, 24 стоял одуряюще вкусный запах еды. Так бы стояла и дышала этим сладким духом! Мне сейчас самой интересно, что при такой голодной жизни мне не приходило в голову съесть или попробовать содержимое полученных на этой кухне бутылочек. Главным было донести все в целости до дома, не застрять в убежище, не разбить, и чтобы плохой человек не отнял драгоценную ношу. Если стреляли не сильно, я удлиняла свой путь домой через улицу Чернышевского. Там и сейчас хлебозавод, вокруг стоит запах хлеба. Тогда там хотелось стоять и вдыхать запах хлеба, пусть блокадного, но прекрасного, как жизнь.

В какую-то осень, когда еще не было снега, бомбой был разрушен дом на углу Ковенского переуллка и улицы Маяковского. Ребята из школы, жившие неподалеку, рассказывали, что после взрыва, в нише стены на верхнем этаже осталась стоять девочка из нашей школы. Она была даже не ранена. Когда ее сняли оттуда, она не могла говорить. А потом долго заикалась.

Наступила зима, снег занес развалины, и ребятишки на портфелях и кусках железа скатывались с этой высоченной горы.

Всякий раз, проходя по улице Маяковского мимо давно восстановленного дома, я вспоминаю ту гору обломков и нишу на верхнем этаже в комнате с зелеными обоями, где, как говорили, стояла девочка.

Еще помню, как к нам в класс пришла новенькая. Ее звали Галей, фамилию не помню. Она рассказала, что в ее деревне немецкие солдаты сажали на плетень детей и развлекались, стреляя по живым мишеням. Галя была ранена, партизаны переправили ее в Ленинград, надеясь, что там живы ее родные.

Запомнился случай, о котором я не сразу поведала маме. Как-то во время обстрела, через то же подвальное окно, мы с Томочкой и Региной выбрались во двор школы, решив вместо уроков пойти к Тамаре и поиграть. На улице сообразили, что стреляют шрапнельными снарядами. Было время, когда люди возвращались с работы. Немцы пристрелялись к главным перекресткам, но не брезговали бросить снаряд и на второстепенную улицу. Тамара жила рядом через дорогу, у самой новой школы №200 по улице Маяковского, где в то время был госпиталь. Окна крохотной квартиры смотрели в проезд у стены школы. Участок, где сейчас сквер с памятником поэту, тогда был обнесен кирпичной стеной (памятника еще не существовало). Вдоль стены шла старушка в черном платке. Мы перебежали дорогу, когда над головами грохнул очередной разрыв. Вокруг защелкали осколки. Мы прижались к стене рядом со старушкой. Она вдруг быстро так закрестилась при-

говаривая: «Господи, помилуй нас, спаси нас, Господи!» Нас — тогда еще безбожников — разобрал неудержимый смех. Что-то нас тогда спасло — никого не задело, хотя штукатурки и кирпичных осколков нападало порядочно. Приседая от хохота, добежали мы до Тамариной квартиры. Вошли уже тихо — дома должна была отдыхать после ночной смены Томина мама. Тома юркнула к ней, а я положила свой игрушечный чемоданчик с ложкой, рукоделием и карандашами на край кухонного стола перед окном. Положила, видно, плохо — чемоданчик тут же свалился на пол. В тот самый миг, как я присела собрать рассыпавшееся добро, рядом раздался взрыв, и надо мной пролетели стекла, куски рамы, кирпичи. Снаряд попал в госпиталь, в самый угол здания, прямо перед окнами квартиры.

Ничего стало не видно от густой пыли и дыма. Слышны были крики, стоны, команды дружинниц. Из комнаты Тома спрашивала — жива ли я? На этот раз все обошлось. Диван, где спала мама Тамары, был отгорожен от окна огромным платяным шкафом. Он, можно сказать, спас их, приняв на себя весь удар. Громадный осколок пробил картину и торчал в стене над их головами. Стекла и кирпич не попали за шкаф, а меня укрыл стол перед окном, с которого так вовремя упали мои вещи.

Однажды зимой 1943 года в нашей пустой квартире вдруг зазвонил телефон. Это было так неожиданно, что мы растерялись и испугались. Трудно было пове-

рить — ведь телефон молчал с начала блокады. Аппарат висел в коридоре. Мама сняла трубку. Господи! Это звонил отец, откуда-то от самого фронта. Мама разволновалась, говорила, не понимая что. Он спрашивал про меня, про сестренку. Говорил, что посылал со старшиной для нас письмо и кусок хлеба. Старшину-то мы видели и письмо получили... Еще старшина просил, и мама разнесла несколько писем по адресам, что поближе. А меня вдруг осенило или, может быть, захотелось похвастаться? Я бросилась в нашу промерзшую, покинутую комнату, где стояло пианино. Кричала маме: «Не вешай трубку! Я буду играть!». Мама, сколько могла, растянула провод в сторону открытой двери, а я изо всех сил выбивала на промороженных клавишах «Турецкий марш» Моцарта. Это был грохот, а не музыка, но мне важно было только одно — чтобы отец услышал. Мама потом сказала, что ему было все слышно. А мне было радостно, будто я сделала что-то необходимое...

Первый салют в честь прорыва блокады мы смотрели с мамой и сестренкой на Нижнем Лебяжьем мостике. Идти дальше к Неве не было сил. Яркие сполохи над Невой в темном небе. Снег становился то розовым, то зеленым. Такое было впервые. В тот день пушки стреляли для радости. Салют был предвестником близкого победного часа, конца страданий и горя. Многие плакали, и мама тоже. А до конца войны оставалось еще полтора года.

В Ленинграде появлялось все больше пленных немцев. Группами их водили на различные работы. Они разбирали развалины, работали в подвалах, что-то чинили. Плен у русских был для них избавлением от смерти. С немецким тщанием и нарочито медленно выполняли они назначенную работу. Точно по часам устраивались на обед, по часам принимались за работу.

В один из летних дней у меня был входной билет в филармонию. Пришла рано, чтобы на хорах занять место получше. Тишину почти пустого зала нарушал грохот железа на крыше. Было тепло, и верхние окна были открыты. У одного из окон остановилась темная фигура в шинели. Пленный. Он смотрел в зал, который постепенно заполнялся публикой. Что же, он и во время концерта будет греметь железом? Однако к началу концерта немец стал у края окна так, чтобы его почти не было видно. И замер. Исполняли Бетховена. Помню, что была ода «К радости». Слушая, посматривала на пленного. Что он думает, этот бывший солдат? Идет война, полный зал слушает музыку великого немца. Великого Бетховена. И росла во мне тогда особая гордость за Ленинград и нашу страну!

Еще не закончилась война, но открылась снова наша музыкальная школа. Я попала в класс Анны Александровны Астафьевой. Эта одинокая женщина всю блокаду была в Ленинграде. Чувствовала себя очень неважно. Блокадные болезни старались уложить ее в постель. С

огромным трудом добиралась она пешком от дома №103 на Фонтанке, где жила, до музыкальной школы. Идти было далеко, отказывали ноги. Школа выделила для Анны Александровны маленькую комнатку на первом этаже. Туда поставили пианино, устроили тут же жилой уголок с железной печуркой. В этой комнатке долгое время Анна Александровна давала уроки. Бывали дни, когда она не могла подняться с постели. Тогда очень точным, образным языком она объясняла ученикам, в чем их ошибки, говорила, как сделать, чтобы добиться успеха. К Анне Александровне я потом привела нашу Светочку, которая оказалась более способной ученицей, чем я. Музыка стала ее профессией на всю жизнь. Она окончила консерваторию, стала концертмейстером в музыкальном училище имени Мусоргского на Моховой.

Еще шла война, когда в городе появился Музей обороны Ленинграда. В нем все было потрясающей правдой. Пересказать это невозможно. Такого музея еще не было, как не бывало никогда столь страшного и героического бытия в судьбе нашего города.

Для создания музея тогда отозвали с фронта группу художников, скульпторов, архитекторов. Объединенными силами искусств они должны были запечатлеть правду для будущих поколений, передать высоту и силу человеческого духа, веры, любви к людям. Залы музея вмещали не только экспонаты и фотографии блокадного быта. Диорамы, макеты

пробитых снарядами жилых помещений создавали иллюзию присутствия. Возникало сопереживание и потрясение всем увиденным (после войны подобный этому музей я видела в Сталинграде). Вдоль Соляного переулка стояла тогда трофейная техника, по которой с восторгом лазали и дети, и взрослые.

Василий Александрович Петров, профессор Мухинского училища, прекрасный архитектор и педагог, один из создателей Музея обороны (он работал с Аникушиным над созданием памятника Пушкину на Михайловской площади — ныне площадь Искусств), в одну из годовщин музея много рассказывал о том, как создавался музей и как потом он был уничтожен. Уничтожали память, уничтожали опыт людей, опыт выживания! Со стен срывали и бросали в огонь костра во дворе полотна, всевозможные экспонаты прямо на глазах тех, кто создавал экспозицию. Потом, спустя длительное время, музей открыли снова. Но то, что там сейчас, — это лишь жалкое напоминание о факте в истории города. Пройдешь — и ничего не почувствуешь. Водят туда младших школьников, которым на все это теперь наплевать.

Война закончилась. Кинохронику Парада Победы бегали смотреть по много раз. Не узнать теперь в разросшихся деревьях тех тонких саженцев лип и яблонь, что сажали мы, школьники, в Московском и Приморском парках Победы.

Когда меня спрашивают о самом счастливом дне моей жизни, я говорю,

что это был День Победы 9 мая 1945 года. Никогда не видела я потом у людей более счастливых лиц. И город наш не сдался. Не сдался, благодаря тому духу, упорству, вере людей, что были в городе и на фронте. И тогда, 9 мая 1945 года, верилось, что после таких потерь, страданий, ужасов люди поймут, наконец, бессмысленность войн. Что появилась возможность жить без войн всему земному шару. Это было захватывающее ощущение счастья — всеобщего братства.

Сейчас в анкетах не спрашивают: «Где вы были во время Великой Отечественной войны?» (была раньше такая графа в разных документах). А тогда я всегда с гордостью отвечала, что во время войны находилась с мамой в городе Ленинграде. У мамы есть самая дорогая медаль — «За оборону Ленинграда». Она бережно хранит ее, но никогда не надевает. Война и блокада разделили мамину жизнь на две непохожие части. Там, в довоенных временах, остались молодость и светлая радость надежд.

До войны люди не имели тех технических благ, что окружают нас сегодня. Не было газа и электрических плит, пылесосов, телевизоров и холодильников. На коммунальных кухнях шумели примусы и чадили керосинки. Большинство зданий отапливались печами. Но бытовые хлопоты не были главной заботой, им не отводилась львиная доля свободного времени, которого в те годы было гораздо меньше. Не было всеобщего потребления. Интересы у людей были иные.

Мама и Света. 1996 год

Ценились непосредственное общение, бескорыстная дружба.

Вторая, послевоенная часть маминой жизни, по воле судьбы, сложилась как продолжение трудных дней, только без голода, снарядов и бомб. Пришлось оставить надежды на завершение университетского образования и всю жизнь без остатка посвятить детям.

Военные годы сделали маму в чем-то суровой, но бесстрашной. Отец вернулся с фронта, мама родила еще двух девочек. Достаток был совсем невелик. Мама

сама шила и перешивала нам, дочерям, и платья, и пальто, вязала носки, варежки. Из проносившихся свитеров и рейтуз мастерила что-то новое. В то время в магазинах не было ничего достойного. Любую работу она делала сама, никого никогда не просила о помощи. Казалось, она из принципа так гордо идет по жизни, не кланяясь и не сдаваясь. Пока был жив отец, все мы успели получить образование. В семье выросли архитектор, музыкант, врач и инженер-конструктор.

Подошел мамин пенсионный возраст. Оказалось, что рабочий стаж по трудовой книжке маловат. Довоенные документы сохранились не полностью. Ходить, ездить, писать, что-то искать?.. Мама хотела идти работать и добирать недостающий стаж. Дети решили, что работы на мамин век хватило, а здоровье давно требует ремонта. Так и осталась мама с пенсией в тридцать семь рублей (за потерю кормильца). Не будь у нее четырех дочек, как бы смогла она прожить?

Говорят, что мамина жизнь в блокаду — это подвиг. Это скорее подвижничество, ежечасный труд, и не только труд физический, но и труд души, отдача всей себя детям, ради жизни, убежденность в необходимости каждый день делать все, чтобы прожить этот день. Мама не любит вспоминать о том страшном времени. Мы с ней никогда не разрешаем себе прикасаться к этой теме. Передачи с воспоминаниями о днях блокады моя мама слушает, уйдя куда-то в себя, прячет набегающие слезы. Младшие сестры не понимают нашего с мамой молчаливого единения.

Я преклоняюсь перед этой женщиной, перед ее скромностью, верностью принципам чести, честности и человечности. Преклоняюсь перед ее вечным стремлением делать добро, взамен которого она не требует ничего, кроме правды и искренности в общении.

Только после войны мы узнали, что 22 ноября 1941 года проложить путь по льду Ладожского озера было поручено

автомобильной роте старшего лейтенанта Анатолия Павловича Маркова — брата моей мамы.

В 1975 году, перед днем Победы, бывшие школьники блокадного Ленинграда собрались на уборку мусора у нового памятника, что поставили на Средней Рогатке, которая теперь зовется Площадью Победы. Там, в начале дороги на Пулковку, сохранены в земле доты — долговременные огневые точки. В проекте восстановления их к одной из годовщин блокады участвовал архитектор Ю. Кожин из ЛенНИИпроекта. Собралось тогда человек двадцать, в большинстве незнакомые друг другу. Была еще группа студентов. Всех объединяла жизнерадостная деловитость, с которой мы дружно выскребли мусор и навели блеск в нижнем зале новоиспеченного монумента. Под конец появился автор — скульптор Аникушин. Он скромно принимал поздравления и благодарные речи. Блокадники решили сфотографироваться с автором. Студенты, боясь приблизиться, скромно стояли чуть в стороне (ведь они не имели отношения к войне, поскольку родились позже). Сфотографировались. Внутри монумента какие-то коридоры, точно подвалы бомбоубежища. Предполагалось строительство небольшого музея. В одном из закутков стоял канцелярский стол, лежала огромная книга для посетителей. В ней мы оставили свои подписи.

Перед тем, как разойтись, бывшие блокадные дети в молчании разломали на всех половинку буханки черного хлеба.

КОВШОВА (Туманова) Ирина Павловна

Я родилась в 1926 году в Ленинграде на 6-й линии Васильевского острова, 51.

Детство было чудесным, светлым, ярким. Дружная семья, красивая и просторная квартира. Дом был наполнен музыкой и интересными разговорами.

Училась я в школе №5 — бывшей женской гимназии. Были грамотные учителя и очень дружный класс. До войны я успела окончить семь классов.

Летом мы снимали, как и большинство ленинградцев, дачу. Купались, загорали, ходили в лес, катались на лодке, играли в лапту. Казалось, что ничто не может нарушить нашу счастливую жизнь. Но все оборвалось 22 июня 1941 года. Пришла беда!

Поначалу мы волновались только о брате, который был на действительной службе. Видимо, не доходили до населения сведения о ходе военных действий. В августе я часто ходила в наше домоуправление. Мы кричали: «Разобьем врага на его территории!», разучивали песню «Дан приказ ему на запад». А ведь к тому времени вся Белоруссия и другие территории были заняты врагом!

Мама уехала рыть окопы, а мы с отцом и кузиной жили беспечно, ведь были каникулы. В конце августа приехала мама. Она уже пережила в Ленинграде Первую мировую войну. Знала, что такое голод. 8 сентября объявили о начале блокады. Сразу пропали в магазинах все продукты. Люди начали волноваться. Мы купили 10 кг дуранды — спрессованной шелухи семечек. Потом поехали с мамой на

капустное поле, а там только кочерыжки и листья. Нам бы собрать их и засолить, но мы как-то не подумали.

Начался голод. Мы получали по 125 граммов хлеба, а отец, как ИТР, — 250. Где-то купили столярный клей, варили холодное. Нашли дома бутылку олифы — проварили ее с солью, получилось постное масло. Мне так хотелось есть!

Перестали работать водопровод и канализация. Дома не было ведра, ходила за водой с чайником. Не было платка, а на улице — мороз.

Отец ходил пешком на работу с Васильевского острова на ул. Пролетарской Победы, 2 — это, видимо, километров десять, если не больше. Мать тоже работала. Я стояла в очередях, собирала какие-то щепки. Школы не работали. Квартиру отапливать было нечем, поэтому посе-

лились на кухне. Плиту топили мебелью и книгами.

Продолжались бесконечные бомбежки, а позже — обстрелы. Причем вечером с немецким педантизмом бомбежка начиналась ровно в 20 часов. Разбомбили Бадаевские склады, а там были продукты. Позже я долго стояла в очереди за ирисками, которые делали из растопленного пожаром сахара. Ирис был пополам с землей, но все были счастливы — хоть что-то. Попала бомба в аттракцион «Американские горки». Все горело, было светло, как днем.

Как-то в сентябре я пошла в кинотеатр «Форум» на драму Лермонтова «Маскарад». Как только начался фильм, раздалась воздушная тревога, все спустились в бомбоубежище — и так три раза. Кино шло три часа, но так и не закончилось. Недавно я смотрела фильм о блокаде Ленинграда: этот холодящий вой «мессеров», спустя почти семьдесят лет, вызывают дрожь — сразу вспомнился этот ужас.

Уже в ноябре стали умирать от голода. Утром выходишь на улицу — лежат на тротуаре люди — или одетые, или завернутые в простыню, пока их не подберут. А потом открытые грузовики везут их на Пискаревское кладбище в братские могилы. С бортов свешиваются руки и ноги. Страшно! Видимо, голод и лишения притупляют человеческие чувства, ты как бы уже не живешь.

В марте и к нам пришла беда. Заболел отец, лег и больше не встал. Мама

тоже болела, у нее началась цинга. Умер отец 18 марта 1942 года, ему был всего пятьдесят один год. Мама попросила похоронить отца. Купили фанерный гроб, одели его, спустили с 4-го этажа на полотенцах по стремянкам, отвезли на санках на Смоленское кладбище и похоронили. Отдали за это последние деньги и хлеб.

Мама больше не вставала. Я устроилась на работу. Выполняла оборонный заказ — пошив белья для солдат. С конца марта увеличили хлебный паек до 0,5 кг для рабочих и 0,25 кг — для иждивенцев. И давали кое-какие продукты по карточкам. Я старалась как-то оздоровить мать. Кормила ее с ложечки, заставляла ходить — сначала по дому, потом по улице. Врачи предупреждали меня о необходимости ее эвакуации. Собрала я вещички, и мы поехали.

12 августа 1942 года. Дорога по Ладоге была очень сложной. Сначала на трамвае, потом на поезде, машине, на катере по Ладоге и дальше по узкоколейке до поезда. Меня очень поразил город Тихвин — ни одного целого дома, одни печные трубы.

Эвакуировались мы в Тюмень. Хочу отметить, что там нас, блокадников, поддерживали. Но все равно было голодно. Брала саночки и ходила за 15-20 км в деревни, где меняла на продукты вещи. Мама была слаба, я работала.

«А потом города и деревни, прогалины», — как пел Вертинский. В Ленинград нас не пустили, так как квартира наша была заселена. Переехали в Оренбург.

Там я окончила экономический колледж. В 1951 году переехали в Белоруссию, в Минск, где я живу по настоящее время.

За работу на оборону в блокадном Ленинграде я награждена медалью «За оборону Ленинграда» и другими медалями. Состою членом общественной организации блокадников Ленинграда, где

активно работаю. Мы посещаем школы, училища, институты, где рассказываем молодежи о войне и блокаде. Я имею сына, внука и двух правнуков. Я очень хочу, чтобы они были счастливы, чтобы никогда не знали, что такое война и не испытывали лишений и горя, которые она приносит.

«Ленинград в блокаде».

Елизавета Ермолаева, ученица 6-го класса ГОУ школа №138

Память сердца

Мы помогли взрослым как могли

ЛЕБЕДЕВ Александр Васильевич

Я родился в Москве в 1931 году. В 1937 году после смерти отца мама вместе со мной и братом переехала в Ленинград. Война началась, когда мне было 10 лет. Я ее сразу не почувствовал, как это почувствовали взрослые люди, особенно те, которые два года назад воевали с Финляндией. Мы с Витькой Смеловым,

соседом по квартире, в веселом настроении ходили по большой территории нашего двора на Беклешевской улице, ныне Гжатской, и пели песню «Если завтра война, если завтра в поход, будь сегодня к походу готов». Накинув на плечи пальто и застегнув верхнюю пуговицу, мы изображали героя гражданской войны Чапаева в бурке. Это было в то время у ребят модно, особенно у тех, кто смотрел фильм «Чапаев». Но обстановка менялась быстро. Начались налеты немецких бомбардировщиков. В городе начались пожары, особенно долго горели продовольственные Бадаевские склады. Начала быстро двигаться голодовка.

Вышло распоряжение властей рыть недалеко от дома окопы для укрытия от бомбежек и закрашивать на чердаках деревянные части раствором извести от возможного возгорания в случае попадания зажигательных бомб.

Мы с Витькой с энтузиазмом помогали в этой работе взрослым, затем носили песок в ящики на чердаке для тушения зажигательных бомб.

Во время налетов, в основном ночью, фашистских самолетов мы бежали в укрытия, которые сами соорудили. Бомбы рвались где-то вдалеке, а раз даже грохнуло близко, за

Политехническим институтом. Мне было интересно, я вышел из укрытия и глядел на ночное небо, перерезанное лучами прожекторов и обилием аэростатов.

Со стороны улицы Немецкая гражданка (в то время не было Гражданского проспекта, до улицы Гидротехников проходила улица Русская гражданка, после — улица Немецкая гражданка) выстреливались осветительные ракеты. Так как происходило это во время налетов, это были, скорее всего, сигналы для летчиков. Это подтвердилось, когда по нашей улице бежали милиционеры в сторону вылета ракет.

Ходили слухи, что были задержаны корректировщики бомбежек. Я думаю, что это правда, так как слишком быстро они разбомбили Бадаевские склады, после чего быстро начали уменьшаться нормы выдачи продуктов по карточкам.

Все больше у людей развивалось истощение, с наступлением холодов начался сильный мор.

Чтобы как-то согреться, люди начали разбирать на дрова деревянные заборы и траншеи, где были и доски, и бревна. В основном для обогрева комнаты и приготовления скудной пищи пользовались буржуйками.

Даже дома ходили в пальто, т.к. буржуйка быстро остывала, а все время топить трудно было с дровами.

А однажды у нас случился «праздник». Роясь в ящике комода, я наткнулся на две небольшие плитки столярного клея, из которого мама сварила студень. Это было незабываемое торжество.

Подкрепившись немного, я надумал пойти в библиотеку и сдать книгу, которую не использовал для розжига буржуйки.

Выйдя из квартиры, я увидел труп под лестницей, завернутый в одеяло. Потом я узнал, это был старый учитель, со второго этажа.

Пока я шел по улице, довольно часто попадались трупы, припорошенные снегом. Никто не обращал внимания, так как все в основном были обессиленные и уже безразличные ко всему.

Библиотека оказалась закрытой, и я побрел обратно.

В это время раздался сигнал воздушной тревоги. Самолеты медленно и высоко летели над нами, направляясь к цели. Наши зенитные орудия начали стрелять, но снаряды не долетали и рвались, не при-

чиняя вреда. Люди шли спокойно, поняли, что самолеты летят к своей цели.

Вернувшись домой, я увидел, что брат лежит в кровати, укутавшись с головой, а мамы дома нет. Брат проснулся и начал спрашивать, что будем есть и когда. Я не мог ничего ему ответить.

Но вскоре пришла мама, очень расстроенная, рассказала, что на нее напали и вырвали хлеб два ремесленника и хотели убежать, но, увидев это оказавшийся неподалеку военный, погнался за ними, отобрал уже разломанный и обкусанный хлеб. Брат подозвал меня и, указывая на маму, спросил — кто это? Мама сразу догадалась, что брат ее не узнает от голода.

В это время соседка познакомила маму с человеком, который возил продукты через Ладогу, и она выменяла отцовские вещи на кое-какие продукты, которые помогли нам подкрепиться. Брат стал узнавать маму, но у него отнялись ноги. Как-то к нам заехала мамина сестра, которая работала санитаркой в госпитале, и рассказала, что раненый, увидев в каком виде она приходит на работу (ей было 18 лет), подозвал ее и дал письмо для отца в Башкирию с просьбой принять нас.

Мы долго совещались, поскольку были сильно ослаблены и боялись, что не выдержим дальней дороги, но все-таки решились. Получили эвакуационное удостоверение на четверых человек и тронулись в путь. На Финляндском вокзале получили эвакуационный паек и сели в поезд.

На поезде мы доехали до станции Ладожское озеро, затем пересели в открытые грузовые машины и поехали по льду через озеро. Через некоторое время колонна остановилась. Оказалось, что первая машина в колонне ушла под лед, попала в промоину, образовавшуюся после бомбежки. В это время метель и мороз делали свое дело, люди начали замерзать. Когда, наконец, была сделана объездная дорога, мы прибыли в деревню Кобона.

Почти никто не смог сойти на платформу самостоятельно, без посторонней помощи, некоторых просто сбрасывали, так как это были замерзшие трупы.

В доме, где нас разместили, горела буржуйка, многие бросились к ней, чтобы приготовить из концентратов каши. У всех развилась сильная диарея. Позднее, когда мы отогрелись и поели, была дана команда собираться на посадку в товарные вагоны. Когда все погрузились, поезд

тронулся, и мы с облегчением вздохнули, но ненадолго. Мы снова начали замерзать, т.к. вагон сильно продувался. Наконец на одной из станций в городе Буй брат не выдержал и сказал, чтобы его оставили в этом городе, иначе он умрет. Мама с трудом доставила его до больницы, оставила документы у медсестры и скорее поторопилась к поезду. Только она села, поезд тронулся.

В Башкирию мы приехали, когда уже началась весна, в пути мы были целый месяц.

В 1944 году, 1 июля мы вернулись в Ленинград. День Победы мы встретили без брата — он умер в городе Буй.

В 1964 году я окончил институт киноинженеров, работал в НИИ им. Вавилова, а с 1981 по 2001 годы — учителем труда в 121 школе Колпинского района.

Сейчас я пенсионер и готовлюсь отпраздновать свой 80-летний юбилей.

Память

*Дети блокады! Годы промчались...
Сложилась по-разному ваша судьба:
Разные радости и печали,
Да только память у вас одна!*

*Память хранит в одинаковой мере
Тяготы тех, давно прожитых дней,
Когда ленинградцы в безудержной вере
Фашистской армии стали сильней.*

*Память о свисте бомбы, снаряда,
Которыми их старались убить;
Память о жителях Ленинграда,
Голод кого не оставил жить.*

*Дети блокады память эту
Потомкам своим успели отдать
И не должна она кануть в Лету,
Нельзя петербуржцам ее потерять!*

Наталья Шелухина

ЛЕОНТЬЕВ Сергей Васильевич

Я, Сергей Васильевич Леонтьев, родился 1 сентября 1922 года в семье крестьянина деревни Ульдинка Узменской волости Гдовского уезда Санкт-Петербургской губернии.

После окончания семи классов Новинской неполной средней школы я с 1 сентября 1937 года учился в Ленинградском техникуме железнодорожного транспорта имени Ф. Дзержинского, Окна общежития выходили на Звенигородскую улицу, а за ней находился ипподром, и иногда из своей комнаты мы смотрели конные соревнования бесплатно. Я жил на стипендию в 35 рублей в месяц и еще 35 рублей каждый месяц давал мне родной дядя Леша, еще были продукты, привозимые из дома.

1 июня 1941 года в техникуме начались выпускные экзамены. 22 июня был солнечный день, и с утра мы все вчетвером из нашей комнаты уехали из общежития в Удельненский парк, где купались, загорали и готовились к очередному экзамену. Около 13 часов мы услышали по радиоприемнику сообщение, что 22 июня в четыре часа утра фашистская Германия внезапно и вероломно, без объявления войны напала на Советский Союз по всей границе от Балтийского до Черного

морей. Все остальные дни до окончания экзаменов мы готовились к ним только в общежитии или непосредственно в здании техникума. В вечернее время разносили по квартирам повестки военными о мобилизации их на военную службу. В Ленинграде с первого дня начала войны была включена наружная радиотрансляция, по которой передавались

последние новости, а также сигналы воздушной тревоги. В ночное время в городе применялась светомаскировка зданий, улиц и транспорта.

7 июля 1941 года я с группой окончивших техникум товарищей, направленных работать на бывшую в то время Калининскую железную дорогу, из Ленинграда уехали в город Ржев, где находилось управление этой дороги. Я был направлен на Медведевскую дистанцию сигнализации и связи, находящуюся на станции Медведево, в трех километрах к юго-западу от Бологого. На дистанции меня назначили электромехаником по обслуживанию устройств СЦБ и связи на участке Медведево — Старая Русса и направили в распоряжение механика В. Солдатова, живущего на станции Пола, в 136 километрах к западу от Бологого. Находился я на станции Пола с 15

июля по 15 сентября 1941 года. В основном вместе с другими работниками восстанавливал разрушенную фашистскими штурмовиками линию связи. При восстановлении линии связи, находясь на столбе при внезапном появлении штурмовика, приходилось спускаться со столба, охватывая его, а «когти» оставались на высоте, и укрываться от обстрела. Спать приходилось в сарае на сеновале электромеханика Солдатова, а питаться в столовых ближайших деревень.

Через 8-10 дней после моего приезда на станцию фашистские бомбардировщики разбомбили три воинских поезда с боеприпасами и продуктами питания, стоящих на станции Пола. Я впервые укрывался от такой бомбежки под небольшим мостиком через канаву и слышал визжащий шум летящих бомб, ужасные разрывы бомб и боеприпасов, от которых все строения непосредственно на станции были разрушены, отдельные части вагонов и продукты были разбросаны на расстоянии трех-пяти километров от станции. Вместо разрушенного станционного здания был поставлен специальный вагон для дежурного, в котором были установлены и смонтированы необходимые устройства СЦБ и связи, с помощью которых осуществлялось движение поездов.

С 15 сентября 1941 года я работал на станции Медведево электромехаником летучки связи дистанции по восстановлению и ремонту поврежденных устройств СЦБ и связи.

21 октября 1941 года был призван на военную службу Бологовским райвоенкоматом Калининской области. Со станции Бологое группа призывников в сопровождении уполномоченного райвоенкомата на поезде прибыла в г. Гороховец Владимирской области, в 700 километрах к востоку от Бологого. В течение пути поезд на котором мы ехали, три раза останавливался, объявлялась воздушная тревога, все пассажиры выскакивали из вагонов и прятались в естественных укрытиях от осколков небольших бомб и пуль пулеметов, преследующих нас фашистских штурмовиков. К счастью, все обошлось благополучно. Разместили нас в землянках военного лагеря в 20-30 километрах от города, где производился отбор призывников уполномоченными различных военных подразделений. В результате отбора я был предварительно зачислен на учебу в пехотное училище в Рязани. В начале декабря 1941 года я вместе с другими товарищами был окончательно зачислен курсантом в Рязанское пехотное училище для подготовки офицеров. В течении шести месяцев обучения нашим наставником и воспитателем в училище был опытный, замечательный и доброжелательный командир нашего взвода — старший лейтенант. В свободное от учебы время он рассказывал и показывал нам достопримечательности Рязани. В середине мая 1942 года мы были отправлены в действующую армию, на фронт.

В начале лета 1942 года наш эшелон с призванными служить в армии из Ряза-

ни прибыли в г. Андреаполь Калининской области, что в 185 километрах к западу от г. Калинина (ныне Тверь). Здесь проводилось доформирование 1319-го стрелкового полка 185-й стрелковой дивизии, действующей на Калининском фронте. Я был зачислен телефонистом в роту связи этого полка для обеспечения телефонной связью командира полка с командирами его батальонов. Здесь же, на станции Андреаполь всем нам, прибывшим, было выдано имущество и оружие. Главной задачей войск Калининского фронта в этот период являлась временная стратегическая оборона, цель которой сводилась к тому, чтобы оборонительными боями на подготовленных рубежах наносить в процессе обороны контрудары по врагу на Смоленском направлении восточнее Духовщины.

По прибытии на линию фронта в полном обмундировании с двумя катушками полевого кабеля и переносным телефоном с опушки леса, где находились я и другие военнослужащие из разведывательной роты полка, мы увидели, как на впереди лежащей открытой местности фашистские штурмовики бомбили и обстреливали из пулеметов наши обороняющиеся войска. А затем они стали бомбить и обстреливать нас, расположившихся на открытой местности вдоль опушки леса. В моменты отсутствия самолетов я продвигался ближе к лесу, сматывая ранее распущенный кабель на катушку, и последним ушел в лес, где нас собрали по группам и отве-

ли на новое, более безопасное место для обороны.

После каждой подобной оборонительной, а также наступательной операции первоначально на новом месте обороны мы производили рытье и оборудование блиндажей сначала для командного состава, а затем и для себя. В периоды наступательных и оборонительных боев мы, связисты, питались из общей привозной кухни, а в периоды нахождения в обороне получали сухой паек в виде сухарей (иногда хлеба), различных круп, сушеного картофеля, консервов, масла, чая, сахара, соли, махорки и прочего. У нас в роте был свой отличный повар, по национальности татарин. Он такие готовил блюда, что иногда мы угощали ими своих офицеров, которые питались, как правило, с командованием полка. Иногда при достаточных запасах махорки в роте мне, как некурящему, выдавали девять штук шоколадных конфет, что бывало очень редко. Ребята в роте курили до посинения, а я вот, находясь в такой обстановке на фронте, ни одного разика даже не попробовал курить.

Находясь в обороне более длительное время, мы, связисты, заменяли линии связи из военно-полевого кабеля на колючую проволоку, развешенную по деревьям или небольшим деревянным шестам в открытой местности, а снятый кабель ремонтировали и навивали на катушки, которые хранили как запас на время наступательных операций.

Осенью 1942 года наш полк успешно провел очередной местный контрудар с целью выравнивания линии обороны. Об этой операции запомнилось следующее: я и еще один красноармеец были направлены на устранение повреждения линии связи. Нашли мы этот обрыв и устранили, а, пройдя несколько метров назад, услышали справа около опушки леса невнятный разговор — это были немецкие разведчики. Мы еще глубже зашли в чащу и там переждали, пока они уйдут обратно. Затем мы вернулись на свое основное место, где нас начали спрашивать: как это мы не были захвачены немецкой разведкой?

5 декабря 1942 года приказом командира 1319-го СП я был награжден медалью «За боевые заслуги» за военные заслуги по обеспечению надежной телефонной связью командира полка с командирами батальонов в периоды оборонительных и наступательных боев полка. 13 апреля 1943 года я был принят в члены ВКП (б).

Наш полк весной 1943 года проводил частную наступательную операцию на Смоленском направлении при поддержке реактивных «катюш» и нескольких танков, в результате чего полк продвинулся на несколько километров. С 13 августа 1943 года Калининский фронт из района Духовщины стал участником Смоленской операции «Суворов», а 14 августа я был в первый раз ранен осколком мины в правую голень. Диагноз — сквозное осколочное ранение правой голени.

С 14 августа 1943-го по 6 января 1944 года я находился на излечении в госпитале города Торжка Калининской области. С места ранения с помощью моих товарищей я был доставлен в медсанбат, а затем на автомобиле — в полевой эвакуогоспиталь. Здесь мне была сделана операция по удалению осколка и чистка раны. Операция проводилась без применения болеутоляющих средств ввиду их отсутствия, поэтому четыре женщины крепко держали меня за ноги и руки, а двое других делали операцию. Боли были такими сильными, что после операции все белье было мокрым от пота.

В госпитале более четырех месяцев я только лежал, а после учился ходить и занимался лечебной физкультурой. Начинал ходить на костылях, затем с палочкой, а перед выпиской на фронт — на своих ногах.

С 6 января по 21 ноября 1944 года я служил радиотелеграфистом на 1-м Прибалтийском фронте в 553-й отдельной роте связи 332-й стрелковой дивизии, обеспечивал радиосвязью командира дивизии с командирами полков этой дивизии. Дивизия стояла в обороне в направлении Полоцк — Дуагавпилс. У нас в радиовзводе проводились занятия по подготовке радиотелеграфистов с работой на ключе и приемом на слух по азбуке Морзе. В мае 1944 года наша дивизия вела наступательные бои по преследованию противника. На одном из рубежей фашисты вели минометный огонь по нашим войскам, а проводная связь с действующим

щим полком была повреждена осколками мин. Для установления радиосвязи с полком мне дали задание по открытой местности с радиостанцией весом в 20 килограммов в минимально короткий срок пробежать около километра до командного пункта полка. Пока я бежал, трижды падал в воронки ранее разорвавшихся мин, чтобы переждать начавшийся минометный обстрел по мне. К счастью, все обошлось благополучно, и я установил радиосвязь командира полка с командиром дивизии. После этого артиллерийским обстрелом вражеские минометные точки были подавлены, а наши войска стали активно преследовать немцев до следующего их оборонительного рубежа.

В процессе преследования отступающего противника наши войска уже в начале июня 1944 года вступили на латвийские земли восточнее города Дуагавпилса. Для подавления оборонительных точек противника на пути продвижения наших войск был сформирован передовой отряд пехоты с пулеметами и автоматами на трех грузовых автомобилях. На борту первой автомашины находился и я с радиостанцией для связи с командиром дивизии. При подъезде к опушке леса наши машины подверглись автоматному обстрелу фашистом, засевшим на высокой сосне. Машины остановились, красноармейцы убили фашиста. Двоих раненых солдат, в числе которых был я, и еще одного — для охраны нас — высадили на берегу реки Западная Двина. После этого машины поехали дальше преследовать отсту-

пающих немцев, а мы стали ожидать прибытия наших основных войск. Вечером 6 июня 1944 года меня подобрала передовая колонна наших войск. Я был отправлен в медицинский санитарный батальон, где мне сразу же обработали и перевязали раны.

За перечисленные заслуги приказом №066 от 2 июля 1944 года по 83-му стрелковому корпусу я был награжден орденом Красной Звезды.

С 6 июня по 23 сентября 1944 года я находился на излечении от второго ранения в эвакогоспитале в городе Великие Луки. После выздоровления примерно в течение месяца я работал в этом госпитале санитаром из-за недостатка медперсонала.

С 23 сентября по 7 октября 1944 года я служил стрелком-пулеметчиком в 1-м стрелковом батальоне 301-го стрелкового полка 48-й стрелковой дивизии, где был ранен в третий раз в боях за город Ригу. С 7 октября по 20 ноября 1944 года находился на излечении в полевом госпитале на территории Латвии.

21 ноября 1944 года я был направлен служить в 1-й стрелковый батальон 221-го армейского запасного стрелкового полка. А 29 ноября был направлен телефонистом на 2-й Прибалтийский фронт в 813-й отдельный батальон связи 48-й стрелковой дивизии для обеспечения телефонной связи командира дивизии с командирами полков. Дивизия с ноября 1944-го по апрель 1945 года находилась западнее города Риги и вела оборонительные бои

в Курляндии между Тукумом и Лиепайей, где были зажаты главные силы армии немцев «Север».

В апреле 1945 года нашу дивизию разместили в Румынии на окраине Бухареста в вырытых нами же землянках в парковой зоне города. Здесь же, в лагере, находясь на посту в наряде, 9 мая я услышал по радио сообщение о подписании 8 мая представителями поверженной фашистской Германии акта о безоговорочной капитуляции и издании Указа Президиума Верховного Совета СССР об объявлении 9 мая днем всенародного торжества — праздником Победы. Сразу же весь лагерь пришел в ликование, началась беспорядочная стрельба из всех видов стрелкового оружия. В течение всего дня играла музыка, мы пели песни и радовались окончанию войны.

В начале июня 1945-го личный состав нашей дивизии был перемещен из Румынии в СССР. Дивизия была дислоцирована в военном городке около Одессы.

24 июня 1945 года в Москве на Красной площади состоялся Парад Победы в честь Великой Победы над нацистской Германией, а на главной площади Одессы — парад войск нашей дивизии, в котором должен был участвовать и я. Но ввиду того, что к началу парада у меня начался приступ малярии, меня отправили в госпиталь на лечение, где я находился около двух недель.

Согласно принятому Верховным Советом СССР закону от 23 июня 1945 года 26 октября 1945 года в звании команди-

ра отделения я был уволен по демобилизации как имеющий средне-техническое образование.

Благодарственное письмо за добросовестное выполнение воинского долга на фронте от командования 813-го отдельного батальона связи с подписями лейтенанта Плохотниченко и старшего сержанта Зорькина от 21 февраля 1945 года было направлено в деревню Ульденка на имя моего папы Василия Васильевича. Благодарственное письмо от имени Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина за подписями командира части и заместителя командира по политической части от 25 октября 1945 года было вручено непосредственно мне

За отличия в период Великой Отечественной войны 1941-1945 годов в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 мая 1945 года я награжден медалью «За Победу над Германией в ВОВ 1941-1945 гг.». Медаль была вручена мне 21 марта 1946 года Володарским райвоенкомом Ленинграда.

После демобилизации 26 октября 1945 года из Одессы я сначала приехал на поезде в Москву на побывку к сестре Оле, а затем поехал в Ленинград.

1 декабря 1945 года я был принят на работу в Ленинград-Московскую дистанцию сигнализации и связи электромонтером СЦБ, а с 17 января 1946-го после сдачи необходимых экзаменов переведен в электромеханики СЦБ. Работал я на железнодорожной станции Обухово, где производил техническое

обслуживание и ремонт закрепленных устройств сигнализации, централизации и блокировки (СЦБ) для обеспечения бесперебойного и безопасного движения поездов.

С 1 сентября 1949-го по 30 июня 1952 года учился на инженерных курсах при Ленинградском электротехническом институте инженеров сигнализации и связи (ЛЭТИИСС).

После окончания вышеуказанного института приказом начальника Октябрьской железной дороги с 1 августа 1952 года я был назначен на должность начальника Кушелевской дистан-

ции сигнализации и связи. В этот период протяженность дистанции составляла 303 километра, в ее состав входили однопутные участки железнодорожных линий Кушелевка-Кузнечное протяженностью 160 километров, Мурино-Парголово (10 км), Кушелевка-Ржевка (10 км), Мельничный Ручей-Ладожское озеро (33 км), Мельничный Ручей-Невская Дубровка (40 км), Ржевка — мост через реку Неву (30 км).

За свою успешную трудовую деятельность был награжден орденом Трудового Красного Знамени, знаком «Почетный железнодорожник».

«За водой на Неву». Мария Царькова, ученица 3-го класса ГОУ гимназия №159

Ладога. Дорога жизни

МАРКОВ Анатолий Павлович

Проложенная по покрытому льдом Ладожскому озеру дорога сыграла неоценимую роль в спасении ленинградцев от голодной смерти и значительно улучшила рацион борцов Ленинградского фронта. Именно поэтому ее и стали называть Дорогой жизни.

Про Дорогу жизни много уже написано правдивого и достоверного материала, рассказывающего о борьбе за выживание блокированного города, где наша армия совместно с ленинградцами под бомбежками и артиллерийскими обстрелами, в крепчайшие морозы, днем и ночью отстаивала каждый клочок земли, не давая немецким завоевателям захватить город на Неве.

Я провел на Ладоге период со 2-й половины ноября 1941-го по апрель 1942 года в составе 388-го САТБ 17-й АТБ. В район восточного мыса на берегу Ладожского озера мой взвод в составе роты прибыл в середине ноября 1941 года. Поздно вечером после посещения штаба, располагавшегося в деревне Осиновец, командир роты старший лейтенант П. Терехин пригласил к себе командиров взводов, заместителя по техчасти и политрука роты. Он разъяснил нам, что с сегодняшнего вечера рота поступила в распоряжение

388-го САТБ 17-й АТБ. Нам поручено выполнение очень важного задания командования фронтом. На данный момент наша задача заключается в том, чтобы полностью подготовить машины для перевозки продовольствия и других грузов через Ладожское озеро, по льду. О начале перевозок будет сообщено дополнительно. А сейчас командирам следует приступить к размещению

личного состава и машин и организации охраны расположения роты и во взводах.

Район нашей дислокации — сплошной дремучий лес. Вокруг одни кусты и сплошной, никем не тронутый, глубокий снег. Не слышно ни грохота орудий, ни автоматных и пулеметных очередей, ни сирен, оповещавших о начале очередного налета, ни воя бомб, сбрасываемых на наши головы фашистскими самолетами. В лесу стояли огромные сосны с белыми шапками на вершинах, великолепные громады еще никем не тронутого леса! Темные морозные ночи, тихие туманные утренники, снежные метели — как все это не вязалось с тяжелыми военными кровавыми буднями.

В первую ночь на новом месте спали в наспех сделанных палатках, так как

в полной темени ночи выбрать удобное расположение не представлялось возможным. По утру, оглядевшись, приступили к постоянному обустройству людей и техники. После рекогностировки на местности наметили въезды и выезды на основную дорогу. Командиры отделений занялись подготовкой землянок для отдыха бойцов и шоферов, капониров для машин, другими необходимыми мероприятиями. Я направился на берег Ладожского озера знакомится с районом Кокарево-Осиновец, чтобы хорошо представлять возможности действий на ледовых пространствах озера.

Ладожское озеро встретило меня густым морозным туманом и блеском ледяного покрытия. На берегу было пусто и очень зябко. Примерно в 50 метрах от берега виднелся полузатопленный автомобиль. Ближе к берегу у кромки льда стоял большой фанерный щит с надписью: «Стой! Опасная зона! Въезд запрещен». Ниже мелкими буквами сообщались температура воздуха, ветер, толщина льда. В этот раз она была 6-8 сантиметров. Эти данные ежедневно менялись. Я двинулся на поиски штаба ледовой дороги. В полутора-двух километрах от щита увидел деревянный дом, входили и выходили военные. Зашел и сразу обратил внимание на разные таблички, висевшие на дверях комнат. Выбрал самую подходящую: «Комендант участка ледовой дороги». Вошел, представился, и комендант познакомил меня с обстановкой. Особенное внимание обратил на режим Ладоги.

Дорога к движению тяжелого транспорта не готова, так как толщина покрова льда не выдерживает более 500-800 кг, много трещин, промоин. От сильного ветра лед расходится на 2-3 метра. Эти промоины заметить очень трудно. Так конно-санный обоз с мукой имел потери, хотя на одной упряжке лежало всего пять мешков, лошади шли шагом, с дистанцией 20 метров. Саперные части вели упорные работы по скорейшему укреплению льда, спусков на лед озера и выходов на берег. Сооружались мосты в местах постоянного расхождения льда. По направлению движения устанавливаются зенитные расчеты: спаренные крупнокалиберные пулеметы. Самое главное — наступление морозов: надо ждать устойчивого понижения температуры. Предполагается в постоянную эксплуатацию принять дорогу к 22 ноября. Информация была исчерпывающей, требовала серьезного обдумывания и подготовки людей и транспорта к работе. Ноябрьские дни коротки, однако к моему возвращению уже были построены две землянки, установлены печки, расчищены подъезды для машин. В землянки наносили лапник, устроили стеллажи для отдыха. Были заготовлены дрова, растоплены печи. Перед закатом солнца к нам прибыл командир роты, осмотрел работу, но не высказал ни похвалы, ни замечаний. Выслушав мой доклад об обстановке на озере и ходе подготовительных работ, сказал, чтобы машины были готовы в любой момент. Нашему взводу предоставляется право первым открыть дорогу по

льду — надежду Ленинграда. Перед сном я построил весь взвод, отметил хорошую работу по обеспечению быта. Рассказал об обстановке на льду, о том какая тяжелая, опасная и ответственная работа нас ждет, какое доверие взводу оказано командованием части. Далее, назначив часовых и ответственных за поддержание тепла, вместе с остальными бойцами лег спать на новом месте.

В ту первую ночь на Ладоге, в затишье, мы хорошо отдохнули. Перед нами стояла задача очень серьезно, грамотно подготовить машины к необычным условиям работы. Дорога до «Большой земли» была

длиной в 31 километр. Как оказалось, ценой каждого километра была жизнь либо смерть. Трещины, промоины, полыньи от снарядов, бомбежки, пулеметный огонь из пикирующих самолетов, артобстрелы не прекращались ни на час. Настоящий героизм, огромный опыт, умение, отвага, мужество и, конечно, удача требовались каждому, кто ступал на Дорогу жизни.

А пока мы этого не знали, выполняли со всей тщательностью задание: подготовить 10 машин к 22 ноября 1941 года. В этот знаменательный день после проверки материальной части мы вывели машины из заснеженных капониров на основную

Конный продовольственный обоз

дорогу, ведущую к озеру. Нас провожали командир роты и его заместители. Я не помню, что они говорили, какие давали напутствия, как подбадривали нас. Я волновался, как и все мои подчиненные. От удачи нашего рейса зависело, начнется ли постоянная помощь городу, как преодолеть 31 километр без потерь, как вести себя, как ориентироваться без света на льду, как не заблудиться? Как попасть на мостки, уложенные саперами через трещины, какова дистанция, скорость? Что делать при вынужденной остановке, как и кто оказывает помощь? И все это надо делать ночью, в полной темноте.

Готовились, просчитывали варианты, но правильность покажет только практика. Сегодня я, как командир, получил ответ насколько хорошо был подготовлен личный состав и техника, только оценка была — жизнь человека, потеря машины и ценнейшего груза, так как перевозили мы муку. Больше всего волновала толщина льда, выдержит ли, какую скорость надо развить, чтобы лед не успел проломиться?

К 17 часам колонна прибыла на пустынный берег южной губы Ладожского озера. Как и раньше торчала недалеко от берега полузатопленная полуторка, на шлагбауме не горел красный фонарь, знакомый мне щит показывал метеоданные: -25°C , толщина льда 18-20 сантиметров, ветер северо-западный, 15-20 метров в секунду.

Уже смеркалось, на горизонте оставил след пылающий закат. На небе ярко

светилась красавица Венера — вечерняя звезда. По поверхности озера со свистом крутилась поземка. Холодно и неудобно. К нам подошли командир 17-й автотранспортной бригады полковник Д. А. Биберган и начальник ледового участка дороги М. А. Нефедов. После доклада о прибытии я стал расспрашивать их об обстановке. Информация из первых рук — всегда самая ценная.

Подойдя к строю водителей, они проверили их обмундирование. Все были одеты с учетом лютых морозов: ватные брюки, полушубки, фуфайки, валенки, ушанка и рукавицы. Начальник перед строем разъяснил обстановку, затем сказал: «Вы являетесь первой колонной по маршруту Кокорево-Кобона, по которому прошел разведотряд. В легковой машине М-1 проехал начальник тыла фронта Ф. Н. Лагунов, прокурор фронта Д. И. Фуко и порученец Б. В. Якубовский. Левее этого маршрута благополучно прошел конно-санный обоз. Вам первым выпала честь открыть автомобильную дорогу. Ночью необходимо преодолеть озеро, загрузить по восемь мешков на машину и в следующую ночь доставить их на этот берег, откуда их уже переправят в город. Ваш подвиг войдет в историю спасения Ленинграда от голодной смерти. Бдительность, осторожность, внимание — залог успеха. Машины вести без остановок, так как лед еще слаб, не выдержит груза, особенно при въезде на мостки. По всей трассе выставлены посты, регулировщики, зенитные расчеты, техпомощь. В случае

провала машины, выпрыгивайте и немедленно уходите в сторону. Блок питания находится в Лаврово, там накормите людей. По прибытии на восточный берег попытайтесь позвонить. Счастливого пути! До встречи!».

Начальство покинуло нас, и я стал еще раз давать инструкцию по порядку движения. Впереди идет моя головная машина, справа и слева на расстоянии 50 метров еще по машине. Дистанция между машинами — 100 метров. Последние три машины замыкают колонну на расстоянии 500 метров от головного автомобиля. Мостки преодолеваем на второй передаче строго по одной машине слева направо, выдерживая дистанцию. При подъезде каждой машины мостки будут освещаться регулировщиками, они же покажут путь через настил. После проезда мостков машины без остановки выстраиваются в прежний порядок и движутся к противоположному берегу. Водитель должен проявить все свое мастерство, чтобы при переезде трещин правильно выбрать скорость, не задержать движение и освободить проезд для следующей машины. Остановка — смерть! Лед не выдержит, поэтому покидать машину при провале без промедления, затем следовать пешком по маршруту до пункта назначения. Дверки машин на льду должны быть открыты, правая рука держит руль, правая нога на педали газа, левая нога на подножке, левая рука поддерживает открытую дверь, чтобы от порывов ветра не захлопнулась. Еще раз проделали эти манипуляции в стоящих

на берегу машинах и начали прогревать моторы для выезда на маршрут. Через 30 минут первая машина — моя — спускается на лед. Я стоял на правой подножке, водитель Костя Печальный на скорости 40 км/час выскочил на лед. Под тяжестью кромка льда затрещала, меня прошиб холодный пот, задрожали руки и ноги. Однако машина набирала скорость, мотор работал без перебоев. Оглянулся назад, увидел, что за спиной поднимается как гора пласт льда, вокруг треск, а впереди тоже гора льда, машина как бы в яме и при движении подминает под себя этот подвижный пласт, взбираясь вверх. Протер глаза и стал пристально вглядываться в ночную даль. Глади как не бывало, впереди по ходу и сзади гора льда, мы по-прежнему в яме, машина никак не может взобраться на вершину. Далеко сзади лед выравнивался и превращался в обманчивую гладь. Появились вдали другие машины и тут же исчезли в ледяных холмах. Треск под колесами не прекращался, будоража нервы. Казалось, бесконечно долго продолжается дорога во тьме меж ледяных глыб, и машина никак не может взобраться на их вершину.

Вдруг впереди мелькнуло светлое пятно. Свет? «Костик, что впереди, свет? — спросил я. — Если увидишь свет, рули на него, там переезд». «Есть, товарищ лейтенант», — четко ответил шофер. Эти незначительные реплики вдруг успокоили мое волнение. Мы стали еще пристальнее вглядываться в темноту, чтобы не пропустить мостки. Ждали недолго, впереди

ярко блеснул свет фонаря, еще несколько секунд — и мы четко различили регулировщика и его флажок. Тут же дал команду Косте, чтобы снижал скорость, переходя на вторую передачу. «Слава богу, проскочили эти чертовы мостки», — сказал я вслух. И вновь треск льда под колесами набравшей скорость машины.

Однако проехали мы не более 10 минут, как мотор начал чихать и вдруг заглох. Скорость катастрофически падала, треск усилился, послышался шум. «Костя, прыгай!», — закричал я и, оттолкнувшись от подножки, упал животом на твердую поверхность льда. Тут же почувствовал как обжигающая вода залила валенки. Жажда жизни заставила преодолеть тяжесть уходящего под воду вместе со льдом тела,

я изо всех сил работал руками и ногами, пытаюсь выскользнуть из полыньи. Ползком, вместе с накатившейся волной, я откатился от провала. Вскочил на ноги, лед поднимался, медленно выравнивался, и лишь темная полынья пузырилась рядом. Я звал Костю, но никого не было рядом. Вылил воду из валенок, потоптался, вокруг полыньи, все думая, что покажется Костя, и мне надо будет помочь ему вылезти из воды. Надежда гасла с каждой минутой. Было страшно, темно, одиноко.

Когда почувствовал, что дальше ждать бессмысленно, обойдя это проклятое место, я быстрым шагом, чтобы не обморозиться, пошел на противоположный берег. По моим подсчетам, пройти надо было около 10 километров. В ледяной

пустыне на всем протяжении только ветер был моим спутником. Где же остальные грузовики, думал я, неужели всех постигла та же трагедия?

Валенки, ватные брюки давно обледенели, я скользил как на коньках, ноги разъезжались, не давая идти. Мое движение напоминало клоунаду: падал, вставал, снова падал, скользил вместе с поземкой. Полушубок, ушанка, лицо — все было покрыто сплошной коркой льда. Мне приходилось растирать лицо почти без перерыва. Наконец, тьма постепенно стала отступать, я увидел утреннюю зарю. Стало гораздо легче ориентироваться, и через некоторое время я увидел перед собой засыпанный снегом берег. Когда подошел к нему, разглядел мостки для выезда и съезда на лед. Я даже не заблудился!

На берегу стояли указатели на Кобону и Лаврово. Вокруг — никого, колея, если и была, то занесена снегом. Радость сменилась чувством одиночества и отчаяния. Где же машины и люди? Неизвестность тяготила мне сердце. Расстояние до Лаврово было меньше, и я двинулся в этом направлении.

Увидел большой кирпичный дом, из трубы которого валил дым. По моим предположениям, это был пункт питания. Далее располагался длинный барак, около которого стояли машины моего взвода. Сердце радостно забилось, однако, пересчитав полторки, я понял, что не хватает еще одной машины, кроме моей.

Я добрал до барака, вошел. Мертвым сном спали мои красноармейцы — восемь

человек. Значит, действительно, пропал или погиб еще один человек. За одну ночь, пока еще без обстрела (фашисты еще не обнаружили путь через озеро), потери составили пятую часть. Тяжелые раздумья прервал вошедший лейтенант Крот. Я был знаком с ним. Он, увидев меня в мокрой одежде, сразу повел к себе. В тепле, переодевая меня в чистую и сухую одежду, развешивая для просушки мое обмундирование, рассказал о своих функциях.

До завтрака шоферы спят, и мне было предложено тоже отдохнуть. Чтобы я не заболел после купания в Ладоге, он достал народное средство: бутылку водки. Налил полный стакан, я выпил, закусил консервами с хлебом, напряжение отпустило. Я почти сразу уснул, разомлев от тепла, калорийной пищи и спокойствия. Разбудил меня командир первого отделения. Он рассказал, что машины остыли, мороз прихватил смазку и тормозные колодки. Шоферы пытаются их разогреть. Я посоветовал, как завести машины в этих условиях: либо с помощью буксира, либо разогревая картеры двигателей факелами. Автомобили должны быть готовы к определенному времени для загрузки мешками с мукой в Кобоне. Покинуть этот берег колонна должна вновь с наступлением темноты. Необходимо проверить задние фонари, для ориентации машин при выезде на лед озера. В этот же день связался с командованием ледяной трассы, доложил о прибытии, потерях и готовности к дальнейшему выполнению задания.

К вечеру мне сообщили, что температура устойчиво держится на -25°C , толщина льда возросла до 30 сантиметров. Это очень важная информация. От нее зависит загрузка машин, компактность движения в колонне и, как показала прошедшая ночь, жизнь людей. Не успел спустить на лед первую машину, как увидел, что навстречу на хорошей скорости несется полуторка. Наша машина, застрявшая в пути. Расспросил шофера, велел его накормить, поставить машину под загрузку последней, чтобы водитель хоть немного отдохнул и согрелся. На первой загруженной машине провел пробный выезд: спустился на лед, отъехал на 50 метров, остановил машину. Лед держал — даже не слышно явного треска. Главное — при остановке машина не проваливалась, значит, при непредвиденных неисправностях появлялась возможность помочь. Менялся и порядок следования грузовиков в колонне. Появилась возможность вести машину, уже не стоя на подножке. Можно сидеть в кабине. Уменьшили и интервал между автомашинами до 50 метров. Порядок проезда мостков остался прежним.

Около двух часов ночи я вышел из машины на берегу Кокаревского спуска и стал направлять следующие за мной машины на разгрузку, заодно контролируя прибытие и считая машины. К счастью, мороз дал нам возможность совершить этот пробег без трагических потерь. Подводя итоги первого рейса, мы потеряли одну машину и одного человека, но доставили 5500 кг муки в голодающий го-

род для армии и населения. После такого напряжения, прибыв к месту расположения, шоферы даже отказались от еды. Быстрее слили воду из радиаторов, поставили машины и пошли досыпать в своих землянках. После анализа моего донесения, руководство дороги переименовало ее в военно-автомобильную дорогу №101 (ВАД-101). Так как морозы не отступали, что было нам очень кстати, то было принято решение организовать перевозки грузов через озеро безостановочно. При увеличении толщины льда до 35-40 см поток грузов должен был пойти кольцевым движением, не прерываясь далее ни днем ни ночью. Однако следовало решить вопрос об отдыхе водителей, ведь круглосуточно ни один человек не в состоянии сидеть за рулем. Кроме того, такая нагрузка на технику требовала ее непрерывного обслуживания, для этого также нужны люди. Необходимо было решить вопросы о погрузочно-разгрузочных работах, о заправке грузовиков топливом, времени продолжительности рейсов и многие-много другие организационные вопросы, которые возникали ежедневно по мере усиления эксплуатации трассы.

В ночь на 24 ноября мой взвод снова был готов к перевозке муки по Ладоге. Шоферы проанализировали свой первый опыт, были готовы к действиям, спокойны и уверены в себе. Примерно за час до наступления полной темноты комендант оформил наш выезд, и шесть машин взвода подъехали к кромке льда. Первая машина очень осторожно съехала на застыв-

шую поверхность озера и стала удаляться от берега. Лед держал! Ориентируясь по габаритным огням и наблюдая за поведением льда, другие автомобили гораздо увереннее спустились на замерзшую гладь озера, выдерживая стометровую дистанцию. Я наблюдал за движением из последней машины. Так было удобнее: передо мной виднелись габариты всех машин. В эту ночь мы преодолели километры пути гораздо быстрее, успели загрузиться ценным грузом и вернуться обратно до наступления утра. В эту ночь мы доставили 9 тонн муки.

Освоив трассу, шоферы даже развернули соревнование за большее количество поездок и увеличение тоннажа перевозимого груза, ведь каждая машина муки это — жизни спасенных людей, это уверенность солдат, защищающих город, в том, что они выстоят. Командование поддержало наш почин. Однако в дневное время появилась другая смертельная опасность: дорога была обнаружена вражеской разведкой, и начались непрерывные налеты и обстрелы. У фашистов была своя задача — не допустить провоз грузов, уморить город и его защитников. И они делали для этого все. Задача обозначалась для группы армии «Север» как первоочередная: разгромить дорогу, не пропустить грузы, не допустить эвакуацию населения.

Руководство Ленфронтом, наоборот, требовало любой ценой сохранить единственную ниточку, связывающую город с «Большой землей», усилить приток

грузов для обороняющихся войск, голодающего населения, принять все меры для первоочередной эвакуации раненых, детей, другого незанятого в обороне населения.

В распоряжение 17-й отдельной автотранспортной бригады пришло пополнение, среди автомобилей были и грузоподъемные. Их сопровождали опытные обстрелянные водители. Спешить приходилось каждый день, так как никто не знал, сколько продержаться морозы. Но в любом случае придет весна, поэтому необходимо при малейшей возможности создать еще некоторый запас. Никто не мог дать точных предположений, как развернуться события. Только все понимали, что эта страшная война — надолго.

Убедившись, что машины стали приходиться почти с полной загрузкой, командование потребовало резко увеличить число грузооборотов. Для этих целей были выделены дополнительные батальоны: 383-й, 385-й, 389-й, 390-й, сформированы 1-я, 2-я, 3-я, 4-я автотранспортные батальоны, 495-я отдельная авторота для подвоза горючего и рота связи. Таким образом, не проходило и 4-5 часов, как машины возвращались с необходимым грузом. Челночное движение не прекращалось ни на минуту, также круглосуточно работали все обслуживающие и заправочные пункты, перерыва между сменами не было. После некоторого созданного запаса муки, машины стали загружаться другими видами продовольствия: различные крупы, масло, замороженное мясо,

сахар. Это дало возможность увеличить паек гражданам и, прежде всего, войскам. Хотя досыта наестся никто и не помышлял: продовольствия не хватало. Голодная смерть лишь отступила, но в совокупности с лютым холодом продолжала делать свое дело.

Все грузилось и разгружалось строго по накладным, на учете в прямом смысле был каждый грамм продуктов. Грузопотоки контролировались спецорганами, часовые тщательно проверяли каждую машину. До меня доходили слухи, что все же случалось и воровство, замешаны были некоторые водители, они так же как все голодали, видимо, не у всех хватало воли быть рядом с продуктами и устоять. Кто-то, возможно, хотел и поживиться на чужом горе. При обнаружении таких случаев виновников наказывали и в судебном, и в служебном порядке. Каждый считал воровство тягчайшем преступлением, воры подвергались всеобщему порицанию и презрению. А в тех условиях воровство было равносильно предательству и измене родине. Так оно и квалифицировалось, и каралось. К счастью, среди вверенного мне взвода таких людей не было, мы все были уверены друг в друге. Мне вспоминается случай воровства большого количества сливочного масла шофером одной из рот 388-й ОАТБ. Этот слух распространился в середине января 1942 года. Так трудно было поверить среди постоянно-го, ставшего почти обыденным, героизма, взаимовыручки водителей в этот факт, что многие считали его специально запу-

щенной дезинформацией для того, чтобы не повадно было воровать. Однако слух вскоре стал действительностью. В один из январских дней дежурный по роте передал мне приказ командира подготовить одно отделение в полном составе и с боевыми винтовками для исполнения решения трибунала. Подробности — у оперуполномоченного батальона.

Начальник отдела СМЕРШ дал четкие указания, как, во сколько и где построить отделение. Далее приведут шофера-расхитителя. На виду всех автобатальонов приговор будет приведен в исполнение. Такого мне никогда не приходилось делать. Я хорошенько задумался. Приказ должен быть исполнен, тем более, что это приговор военного трибунала. Наступили томительные минуты. Я срочно построил первое отделение по боевому расчету на указанной поляне среди чащи леса. Подчиненные также смотрели на меня в напряжении, чувствуя неординарность события. А я думал только про одно: «Как и за какое преступление можно расстрелять человека, которого мы знаем, из нашего батальона?» В 10:00 утра буквой «П» вокруг нас был выстроен личный состав автобатальонов. Напряжение нарастало. Наконец, из-за кустов два вооруженных красноармейца вывели человека среднего роста в длинной грязной шинели без головного убора. Голова опущена, лица не видно. Он шел довольно спокойно, но как бы с трудом вытаскивая башмаки из снега. Казалось, он не обращал ни на кого внимания. В строю послы-

шалось шептание. Часовые, сопровождавшие безмолвного человека, остановились в 10 шагах от нас. Прокурор Военного трибунала, стоявший справа от меня начал оглашать приговор. Последние слова были: «Военный трибунал полевого суда постановил: за все содеянное приговорить... к высшей мере наказания. Приговор привести в исполнение». После паузы я скомандовал: «Отделение! Заряжай! По изменнику Родины — огонь!». Раздался оружейный залп. От грохота выстрелов 10 винтовок посыпался иней с веток кустов и шапки снега с вершин могучих сосен вокруг поляны. Человек, пораженный 10 пулями, упал, не промолвив ни слова. Так свершился акт правосудия над предателем. Его надолго запомнили все: и командиры и бойцы. Напряжение спало, почувствовали усталость, однако на душе стало спокойнее, так как мы услышали полное содержание приговора: вор не сдал на склад до полутора тонн сливочного масла, и это в то время, когда паек даже бойцов, ведущих кровопролитные бои по защите города, не мог их накормить. Что же говорить о населении блокадного Ленинграда, которое продолжало умирать от голода и холода, а рабочие военных предприятий падали в голодные обмороки и не уходили из цехов на ночь, чтобы не терять силы на дорогу?! Да, изменнику Родины — смерть.

Морозы крепчали, порой они доходили до 35-40°С. Метели заносили уже накатанные дороги по Ладожскому озеру. Каждый рейс был непредсказуем, так как

кроме ледовой обстановки, которая также менялась ежедневно, на трассе могло случиться все что угодно. Так, вспоминаю один из дней, когда в рейс колонна выехала утром. Солнце уже показалось из-за горизонта. Восток горел огнем, будто на краю океана случился пожар. Водители спозаранку хлопотали у машин, готовя их к рейсу, чтобы техника не подвела. И хотя вероятность провалиться под лед уменьшилась с ростом толщины ледяного покрова, трещин было достаточно, достаточно было и воронок от снарядов и бомб. По дороге уже ходили большегрузные автомобили, так как толщина льда достигала 50-60 см. Могли выезжать и расчищать от снежных завалов дорогу и снегоуборочная техника. Один из водителей, Кудельский, выехал в свой первый рейс. Я ехал с ним в кабине. За нами двигалась наша колонна. Ветер в ночь поработал лучше дворников. Лед слепил глаза. Небо было ярко-голубое. Держать азимут было сложно, тем не менее, настроение было хорошим, и мы вместе напевали какую-то веселую песенку. Радоваться прекрасно начатому дню пришлось не долго. На синем небе появилась черная гудящая туча: огромное число фашистских самолетов-стервятников. А мы еще не проехали и середины дороги, не преодолели мостки через трещину! Самолеты зашли на бомбежку, когда наши первые машины подходили к мосткам, соединявшим трехметровую полынью, а навстречу так же двигались уже груженные автомобили. Здесь и необходима особая точность

в движении колонны, четкость действий и умение водителей, чтобы без задержек проезжать узкое и опасное место. Прочет отдельных шоферов привел к тому, что трещина начала расширяться, вода хлынула на поверхность, лед начал прогибаться под тяжестью сразу нескольких грузовиков. Создалась критическая ситуация. На мостках стоял регулировщик и пытался отогнать машины в сторону от расходящейся полыньи. Я и другие офицеры, сопровождавшие груз, включившись в создавшуюся обстановку, стали помогать регулировщику. Транспорт с обеих сторон остановился. Водители, оставив машины, бросались на лед, стремясь спастись от смерти. Бомбы пробивали лед, проделывая в нем дополнительные полыньи. Я тоже спрыгнул на лед и покатился прочь от темных, дымящихся пробоин. Я все ждал взрывов, но бомбы почему-то не разрывались, видимо, не сработывали взрыватели.

Когда воздушные хищники улетели, стало видно, что происходит на поверхности озера. Машины, подходившие к переправе, рассредоточились вокруг нее. Вся полоса, по которой двигался транспорт, была пробита бомбами, к счастью, от сильного мороза эти лунки быстро затягивались новым льдом. Немного дальше виднелись два столба черного дыма — видимо, все же не обошлось без потерь. Мостки, где стоял регулировщик, остались невредимы, а саперы вновь укрепляли переправу. Среди нашей колонны потерь не было. В небе на большой высоте

еще кружилось несколько немецких истребителей, и были слышны очереди стоявших на льду зениток. Нам опять повезло — мы уцелели. Я немного подождал, пока более или менее обсохнут мостки, и дал команду двигаться. Пока ехали, приходилось сильно выворачивать руль то в одну сторону, то в другую, чтобы объехать все дыры во льду, но до противоположного берега мы добрались благополучно и встали под загрузку мукой.

На большегрузные машины ЗИС-5 я решил грузить примерно по одной трети полной грузоподъемности, так как это был наш первый рейс с такими тяжелыми автомобилями, и я еще не знал, как поведет себя лед, если загрузить машины полностью. К тому же приходилось учитывать и проделанные бомбами полыньи, и возможное ухудшение погоды к вечеру, и наступающие сумерки. Машины ГАЗ-АА загружали полностью, потому что они были легче. На погрузку ушло всего полчаса, рабочие делали свое дело сноровисто и без отдыха. Так что вскоре мы тронулись в обратный путь.

Моя колонна спустилась на ледовое «поле». Через несколько километров нам пришлось сделать большой крюк для объезда разбитого фашистскими самолетами участка льда. Так как попасть на другие мостки, не зная, где они находятся, было сложно, нам пришлось порядочно поплутать. Наконец наши поиски увенчались успехом, и около часа ночи мы вернулись в район расположения, пополнив, таким образом, запасы муки на 11 тонн.

Вернулись мы вовремя: погода сильно испортилась. Усилился ветер, начались длительные метели. Наши ледяные трассы мгновенно заносило снегом. Бульдозерам и снегоуборочным машинам приходилось работать почти без остановки. Они расчищали полосу шириной 4-5 метров, по которой и шли машины в обе стороны, на некоторых участках устраивались разъезды на случай каких-нибудь неполадок материальной части машин или налетов авиации противника. С каждым днем снежные отвалы по обеим сторонам дороги становились все больше; в снежной пелене идущих машин почти не было видно. Однако непогода давала и положительные результаты: командующий группы армий «Север» фон Лааб прекратил практически все полеты немецкой авиации, кроме вылетов для получения разведанных о Дороге.

Толщина льда к тому времени значительно увеличилась и доходила до 60-70 сантиметров. Еще с начала декабря на трассе стало работать очень много автотранспорта, больше было задействовано и большегрузных машин. Однако с захватом немцами Тихвина грузы необходимо было брать на перевалочных базах Заборье и Подборье и доставлять сначала по проселочной дороге через населенные пункты Лахта, Иваново, Новиково, Карпино, Сясьстрой, Ниж, Ладога, Кобона и далее — по ледяной дороге до Ваганово. Маршрут (или, как говорили, «плечо подвоза») увеличился на 308 километров. По такому удлинённому пути моему взво-

ду пришлось совершить только два рейса, этот грунтовый участок потом был передан другому автобатальону, который и обеспечивал поставку грузов до Кобоны до конца зимы. Как мне думается сегодня, тогда нам сильно повезло: вышеназванный участок трассы был подготовлен на скорую руку и имел много не обустроенных и опасных мест, потому что практически на всем своем протяжении был открыт для воздушного наблюдения, что давало противнику возможность обстреливать его артиллерией и наносить бомбовые удары с воздуха. Под удары противника при совершении двух рейсов по этому участку мы не попали, но рабо-

тали впроголодь. Так как питательные пункты в Заборье и Подборье еще не были развернуты. Для утоления голода мне пришлось попросить 5-8 кг муки, чтобы на пункте заправке Лахты испечь хлеб и покормить шоферов. Так как в пути надо было находиться долго, мне выдали нужное количество муки. Женщина, пекшая хлеб, сказала, что потребуется около трех с половиной часов. Печь уже была разогрета, да и дрожжи подходили. Мы согласились, так как времени для техобслуживания машин и их заправки было достаточно. Мы как раз заканчивали обслуживание грузовиков, когда хозяйка пригласила получить горячий хлеб: 10 килограммовых буханок. Получилось по полбуханки на человека. Немного подкрепившись, тронулись в путь. Расстояние от Лахты до Карпино (примерно 180 км), мы преодолели за шесть часов. Очень медленно пришлось двигаться по участку дороги, проложенному по Ладожскому каналу. Дорога практически не расчищена, машины с натугой преодолевали снежный покров. Ночь была ясная, ярко светил месяц, белое снежное поле, отражая его свет, серебрилось. Но нам было не до красоты, ведь каждая машина в такую погоду прекрасно видна с высоты невооруженным глазом и также прекрасно слышна на больших расстояниях. Я, как обычно, ехал на подножке ведущей машины, внимательно смотрел вверх и по сторонам, пытался сквозь шум моторов уловить посторонние звуки. Вдруг увидел на фоне яркого месяца черное пятно,

двигающееся в нашем направлении. Колонна замерла. По звуку это был Юнкерс. А вскоре мы рассмотрели и силуэт самолета. Он сделал несколько кругов над нами и подался в сторону противника. Все внимательно следили за его маневрами, прикидывая, как спастись, если начнется бомбежка или стрельба. Мы пережили самый настоящий страх, так как выбраться из колеи канала было невозможно. Когда звук самолета стих, мы без промедления тронулись в путь, понимая, что в этот раз, возможно, спаслись. Колонна была остановлена вовремя, и летчик, скорее всего, приняв нас за безлюдную деревушку, не стал тратить свой смертоносный груз попусту. Если бы машины продолжали двигаться, то наверняка, как бывало не раз, началась бы бомбежка, стрельба из пулеметов на бреющем полете. Спастись в такой ситуации было бы очень сложно. Наверняка, мы понесли бы большие потери. Узкий участок, из которого не выбраться (канал!), фугасные, зажигательные бомбы, пулеметный огонь! Страшно даже представить, не только пережить. К счастью, этого не произошло. Другой дороги не было, хотя эта была больше похожа на ловушку. В тот рейс мы доставили голодному городу 15 тонн муки.

После двух рейсов по удлиненной трассе мы с водителями проанализировали все действия на маршруте. Поняли, что маршруты все усвоены хорошо. Однако обстановка очень опасная, трасса уязвима с воздуха и доступна артобстрелу. Мы пришли к выводу, что для увеличения

перевозок, лучше использовать меньшее количество машин (2-3 грузовика), но рейсы совершать чаще по ледяному кольцу: днем и ночью по два рейса. Тогда увеличится тоннаж, следовательно требование Ленфронта по увеличению доставок продовольствия городу и армии будет выполняться. Одну тройку машин мы отправили днем, другую с таким же заданием ночью. В ночной рейс я выехал вместе с Кудельским, чтобы отрегулировать технические характеристики, установить нормы при дальнейших самостоятельных поездках водителей. Еще необходимо четко поставить дело на пунктах отдыха, питания людей, техобслуживания машин, чтобы нигде не было пустых потерь времени. После этих рейсов мы составили график смен работы, отдыха, питания, обслуживания и заправки топливом автомобилей. Учитывался привезенный груз на каждого водителя, еженедельно подводились итоги. Так, полумесячные итоги составляли 540 тонн пшеничной и ржаной муки. Иногда машины нашего взвода использовались и для эвакуации населения из города. Это случалось, в основном, по ночам, чтобы вероятность бомбежек была меньшей.

Работа на трассе была хоть и опасной, но достаточно однообразной. Очень трудно было во время сильных ветров и метелей. Снежные бури быстро заматали колею. Техника не справлялась с расчисткой. Если днем движение по таким трассам было более уверенным, то ночью, случалось, шоферы теряли ориентацию,

блудили, застревали. Нам приходилось либо выбирать новое направление для проезда, либо ждать снегоочистительные машины. Это могло сбивать графики движения, которые приходилось навестествовать. Поэтому шоферы почти перестали обращать внимание на бомбежки и обстрелы. Огромные сугробы по бокам трассы почти скрывали транспорт от визуального наблюдения противника, артобстрел уже не мог быть прицельным. Транспортные колонны двигались без перерыва днем и ночью до 24 апреля 1942 года. Уже со 2-й половины апреля движение вновь стало опасным из-за возможности провалиться под лед. Полуденное солнце растапливало снег, в колеях по движению транспорта стояла вода глубиной до 60-70 см. Зимняя одежда была снята, несмотря на утренние заморозки. 24 апреля был последний день перевозок грузов по Ладоге. Мы уже сжились с ледовой дорогой, жизнь шла размеренно, несмотря на все страхи, неожиданности, опасности. Что и как будет теперь? Печаль была в сердцах бойцов. Однако был приказ о прекращении работ. На берегу уже стоял щит «Въезд на озеро запрещен!». В этот день Кудельский загружал машину последними остатками муки. День был тихим и солнечным. Воздух, казалось, плыл от испарений тающего льда. На перевалочной базе к концу погрузки не осталось ни одной машины, что было необычно. Нас насторожило, что спускались на лед мы одни. Кромка льда уже отошла от берега, саперы устроили дополнитель-

ный деревянный проезд. Машина была перегружена, мост затрещал под тяжестью. Шофер был очень опытный, и мы благополучно въехали на лед. Лед напоминал старое одеяло с дырами. Нам с Кудельским не оставалось другой возможности: только вперед и вперед. Машина набирала скорость, росла и волна впереди нее. Как только волна начала заливать радиатор, шофер сбавил скорость. Волна несколько спала, однако колеса полностью были в воде. Впереди — фарватер, голубое небо, желто-серая полоса воды. В случае неполадок выбраться из этой глубокой колеи было бы нельзя. Так же как и осенью нужно было точно угадывать скорость движения, чтобы машина не ушла под лед. Разница лишь в том, что осенью был виден путь, сейчас же он был полностью скрыт под водой. Всю дорогу нас не отпускало огромное напряжение. Про себя каждый молил Бога, черта, кого угодно, чтобы удалось преодолеть ставшую такой зыбкой дорогу. Удалось!

Когда мы добрались, наконец, до места, от которого пять с половиной месяцев подряд уходили грузовики за мукой и другими продуктами для умирающего, но сражающегося города, то с первого раза въехать на берег не удалось. Под передними колесами лед все-таки проломился. Тяжелая машина неустойчиво повисла на задних колесах. Однако нас ждали, саперы и тягач быстро вытащили автомобиль с трещавшего, залитого водой льда. Когда, после пережитых волнений, мы с Кудельским вступили на твердую зем-

лю, сердце частило в груди. Комендант поблагодарил нас за выполнение долга и объявил о закрытии ледовой дороги — Дороги жизни.

С окончанием перевозок наши войска вновь перешли к обороне, заняв свои прежние позиции. Периодически возникали пулеметные стычки, иногда артиллерийская стрельба. Главное заключалось в том, что финны не двигались вперед, хотя фашистское командование настойчиво требовало поддержать свои войска крупным наступлением финских дивизий на севере. Мне не понятна такая тактика финской армии. Остается лишь одно предположение, что воевать с нами финская сторона не хотела либо не готова была выполнять требования гитлеровского руководства по захвату Ленинграда. Возможно, финны хорошо усвоили уроки военной кампании 1939-1940 годов, когда познали силу Красной Армии, в том числе боевой дух ее солдат. Слабость же нашей армии заключалась в том, что обороняющиеся части войск не были достаточно оснащены всем необходимым для ведения крупных наступательных операций. Поэтому часто на чисто русском языке финские солдаты кричали, что у них заготовка сена или послеобеденный отдых, поэтому нельзя наступать. Мы тоже часто поговаривали, что пойдем за орехами, попробуйте суньтесь на нашу сторону.

Когда взвод отвели на отдых, пришлось, прежде всего, точно определить, где находимся, где линия фронта, где противник, как мы расположены относитель-

но окраины города, побережья озера, выяснить наличие и качество дорог. Все это было необходимо, чтобы не попасть в ловушку и вовремя реагировать на изменения на Карельском фронте. С командирами отделений мы проходили не один десяток километров, чтобы точно нанести все на карты, обо всем иметь точное представление, предполагать возможные направления работы диверсионных групп, оборудовать рубежи отражения нападений. Во время рекогносцировки нашли и славное небольшое озеро, где можно было поплавать и помыться. С личным составом взвода каждый день проводил беседы о положении на фронтах, уделял значительное внимание тактике отражения вражеских атак. Много времени уделяли содержанию техники в исправном состоянии. Проверялась караульная служба, выполнение приказов вышестоящих командиров. Особое внимание уделялось разъяснению приказа Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина № 23, который вошел в сознание как призыв «Ни шагу назад!». Согласно приказу, ни одно воинское подразделение, часть, дивизия, армия, ни один солдат не могли оставить свою позицию на поле боя без приказа вышестоящего начальника. Всякое своеволие немедленно пресекалось и считалось предательством, не смотря на звания или должности.

К началу лета на полуострове установилась теплая погода, леса оделись в летний наряд. Под покровом густой зелени обнаружить, что-либо было очень труд-

но. Мы смело покидали расположение взвода и уходили на сбор грибов и ягод. Снаряжаемые для этого бригады, никогда не возвращались с пустыми руками. В эти дни мы часто обедали грибным супом, жареными грибами и запивали все это вкуснейшим ягодным компотом. После голодной зимы лесные продукты, да еще вдоволь, имели большое значение для восстановления нашего здоровья.

О героических свершениях воинов Ленинградского фронта написано немало. Особенно большое внимание уделено действиям дивизий, армий на фронте, где командование всех рангов под руководством партии сумело сдержать оголтелые орды фашистов, спасти город от голодной смерти, прорвать усиленную, многоэшелонную оборону противника и 27 января 1944 года полностью освободить город от блокады, длившейся 900 страшных дней и ночей.

В освобождение города вложили свою жизнь, свою душу, свой труд, свой подвиг и простые люди: водители, рядовые бойцы, лейтенанты, младшие командиры. Да, это подвиг, когда по льду и по воде, ночью и днем, под обстрелами, бомбежками, уходя под лед, сгорая в машинах, умирая под пулями, в голод, холод, метель люди вели машины со столь необходимыми городу товарами: продуктами, боеприпасами, другими необходимыми вещами. Не прекращать работу, не думать и не ждать награды! Просто выполнять свой долг: обслуживать машины на морозе, когда пальцы прилипают к металлу,

грузить, недосыпать, недоедать, выходить в рейс, не зная, кому сегодня повезет, кто вернется, а кто останется на Дороге навсегда и могилой ему будет черная ледяная вода Ладоги. Так, шофер Кудельский доставил за все время действия Дороги жизни 1550 тонн только одной муки, не считая других продуктов и грузов, не пропустил ни одного рейса, держал всегда в исправности свой автомобиль. Он был удостоен ордена Красной Звезды. А многим другим, кто выполнял свой долг ничуть не хуже, награды не досталось. Вместо них эти награды получили другие,

отсидевшиеся в теплушках, но руководившие движением. Наш взвод, находясь на Дороге жизни с первого и до последнего дня (20.11.41 — 25.04.42) совершил 6102 машинорейса и перевез 10 703 тонны различных грузов. Это была наша военная операция по снабжению фронта и жителей в военных условиях. И наш взвод — маленькое подразделение Ленинградского фронта — с честью выполнил поставленную задачу. Наша миссия на Ладоге на этом окончилась, и взвод был отправлен на отдых в район Осиновой рощи Карельского перешейка.

«Дорога жизни». Амир Немешев, ученик 3-го класса ГОУ гимназия №159

МАТЮНИНА (Жилкина) Антонина Ивановна

Я родилась в Ленинграде в 1936 году. Жили мы на Большом проспекте Петроградской стороны. Когда началась война, меня с детским садом отправили за город в район Бологого. Мама приехала ко мне, и вместе с детским садом нас отправили обратно в Ленинград на поезде. В составе вагоны с детьми чередовались с платформами с песком. Когда в наш поезд попала бомба, нас засыпало песком. После окончания обстрела солдаты выгрузили нас из вагонов и повели через лес.

Когда приехали в Ленинград, мама стала работать дворником, и я почти всегда находилась с ней. Однажды я увидела мужчину, который шел и говорил: «Направо, чуть левее...» Мама мне объяснила, что это враг, и отправила меня домой, так как началась воздушная тревога.

Помню, когда настала весна и убрали снег во дворе, я нашла замерзшую свеклу — вот было радости! Летом собирали лебеду в садике и делали лепешки. Я всегда спрашивала маму, когда она приходила из булочной, был ли довесок, потому что обычно он доставался мне.

Нас эвакуировали в конце августа 1942 года. Плыли через Ладогу на лодке, было очень страшно. Когда мы пере-

плыли Ладожское озеро, нас встретили девушки и стали кормить, но мама следила, чтобы я не ела много, и показала, как дети и взрослые кричат и валяются на траве, если после недоедания съедают сразу много. Потом нас погрузили в «телятники» и отправили в Сибирь. Приехали на станцию Илим. Там нас взяла к себе многодетная семья, но позже

нам пришлось переехать из их дома.

Зимой мама отправляла меня за молоком к хозяйке с бутылкой. Пока я шла до дома, молоко замерзло. Как-то мама сказала, что хозяйка не доливает молока, и я это передала хозяйке. Потом меня мама ругала за это. С тех пор я никогда никому не передаю то, что видела и слышала.

Через 67 лет нашла могилу отца

ПАВЛОВСКАЯ Людмила Александровна

Я родилась в Ленинграде в марте 1933 года. Брат Ваня и сестренка Тамара уже были. Мои родители — Заказновы Александр Иванович и Екатерина Ивановна. Мы жили в центре Ленинграда на Думской улице, 5.

Война настигла нас в городе, мы никуда не уехали: отец работал, у мамы появился малыш Мишенька. Очень скоро начались бомбежки, стали летать самолеты, приближались страшные дни блокады. На частые бомбежки мы, дети, внимания не обращали, это дело взрослых — оберегать нас. Но все же эти завывания воздушных тревог, грохот где-то очень близко разорвавшихся бомб делали свое дело: мы становились взрослыми.

Началась блокада. В самое тяжелое время нам давали 125 граммов хлеба в день. Маме нужно было кормить малыша, а молока в груди не было, сама она слегла, опухли ноги, началась цинга. Мальчика пришлось устроить в больницу им. Раухуса, где он умер. Запасов еды у нас не было, мы голодали. Пробовали печь блины из зубного порошка, варили ремни.

У отца была бронь, он находился на казарменном положении, иногда приходил домой пешком, но помочь нам ничем не мог. Брату Ване было тринадцать

лет, он был старшим ребенком, ему приходилось в сильные морозы (а они были больше сорока градусов) ходить в магазин за хлебом, стоять в очереди, он простудился и слег. Я помню, как он лежал, уже не вставал и вдруг поманил меня к себе. Я подошла, а он мне с трудом всунул в ладонь маленькую хлебную корочку. Ему она уже была не нужна, но он беспокоился обо мне.

15 февраля он умер. Вечная память моему любимому брату!

Папа где-то раздобыл гроб, и они с мамой вдвоем повезли брата на саночках от Думской улицы по Невскому проспекту на Волковское кладбище. У мамы не хватило сил добраться до кладбища, она вернулась домой, а папа продолжал везти своего первенца в последний путь. На кладбище он попросил могильщиков не вынимать сына из гроба, опустить в траншею в гробу. Могильщики выполнили его просьбу за махорку: «Смотри, отец, твой сын в гробу». В траншею трупы складывали без гробов.

Вскоре папа ушел на фронт. Теперь я уже не вставала с очень низенькой кровати, перестала двигаться, очень похудела, превратилась в дистрофика. Мама забеспокоилась, вызвала врача на дом.

Врач велела обязательно заставлять меня вылезать из кровати и передвигаться по комнате. Это был настоящий кошмар.

А Тамара очень опухла, но передвигалась, поэтому ей пришлось ходить в магазин за хлебом. Ей было десять лет.

Но не все было так плохо — случайно в городе оказался мамин родной брат Иван Иванович Васильев, который служил под Ленинградом. Очень расстроился из-за смерти Вани, да и мы его совсем не порадовали. «Люсю надо спасти», — сказал он маме, и передал нам свой солдатский паек. И потом он очень старал-

ся поддержать нас, как мог... Я считаю, что только благодаря ему, моя мама, я и сестра остались живы.

В марте начались занятия в школе. Зимой они были закрыты. Правда, осенью 1941-го учащихся, в том числе и нас, старались за чем-то вывезти из города, без согласия родителей. Нас троих вывезли в Малую Вишеру под Ленинградом. А там уже очень низко над нами летали вражеские самолеты — можно было разглядеть лицо летчика. Были налеты, земля гудела. Родители постарались своими силами вернуть детей в семью. За нами

приехал двоюродный брат Иван Александрович Степанов. Спасибо ему!

Наша школа находилась в доме №221 по улице Плеханова. Во время тревог и налетов учеников отводили в подвальное помещение и проводили занятия там. В нашей же школе в это время появился детдом для беженцев. Его назвали ленинградским Домом скорби. Не только беженцы стали вскоре его жильцами, число осиротевших детей росло. Появилось объявление: «Требуется нянечка». Мама пришла работать в этот детдом. Она очень

любила детей и относилась к ним с большой заботой, как к родным.

В августе 1942-го детский дом объединили с другими, и мы с мамой эвакуировались с детдомом №40 в село Сарлей Константиновского района Горьковской области. Мама спасала нас, похоронив своих двоих сыновей. Нас очень приветливо встретили жители села, приютили. Второй этаж каменного здания школы уступили детдому. Персонал со своими детьми разместился по домам колхозников. Мы душа в душу жили с прекрасной женщиной-колхозницей, большой труженицей Любовью Михайловной Куфтиной. С ее дочерью Валей я училась в одном классе. Я долго переписывалась потом с Валечкой после войны, и как-то, путешествуя с мужем по Золотому кольцу на своей машине, мы заехали в те края, где когда-то меня согрела своим теплом чудесная Любовь Михайловна с очаровательными синими глазами.

С большой нежностью вспоминаю свою жизнь в детдоме, наших прекрасных воспитателей. Они учили нас рисовать, вышивать, устраивали спектакли, праздники, сами мастерили кукол. Ни один ребенок не был обделен вниманием. Дети называли воспитательниц мамами. Старшие дети летом помогали колхозникам. Мы жили будто родные люди.

В гатчинском районе много братских могил. Долгие годы я искала среди них могилу отца и наконец в 2010 году нашла — в деревне Романовка. На гранитной плите навеки выбито его имя —

учитесь, и учитесь не сдавать темпов, я вами горжусь, и для вас буду жить, и гордиться вами, и не забуду вас по гроб своей жизни, милые мои голубочки сизые».

«Милая Катя, письмо пишу и сам отдыхаю за 1 и 2 мая, когда пришлось поработать, а сегодня 3 мая — отдыхаю, потому и пишу вам большое письмо. Уведомляю я тебя, милая Катя, что я жив и здоров,

жизнь моя протекает без особых перемен, по-старому, усиленно занимаемся и готовимся к предстоящим решающим боям с немецко-фашистскими варварами. Недалек тот день, когда вы и вся наша страна, а может быть, и мы, если будем живы, будем торжествовать победу. А она, безусловно, будет за нами. Милая Катя, так хочется жить, поверь, но я много перено-

шу и буду еще больше переносить во славу нашей любимой родины. И если придется — а это наверняка — буду бить, громить, беспощадно мстить врагу за все, и особенно — за любимых сыновей Ваню и Мишу, за отца и мать, за всех своих родных и близких, которых нам больше не видать».

«Милая Катя, мы с тобою пожили своим семейством и радовались, что такие растут хорошие дети, а теперь лишись наших милых сыновей. Жизнь наша, жизнь семейства теперь разрушена и остались нам на радость только наши милые и любимые дочурки Тамара и Люся. Ты их береги, люби и желей еще больше, и воспитывай, и вели учиться, если есть возможность, и ты этим обеспечишь свою старость. Прошу вас, милые дети, желейте и любите свою мать в старости, а пока мать в силе, она вас не оставит, даст вам погулять и побаловаться, пока длятся ваше детство и юность».

«Милые дети, пишу вам в Ленинграде. Детям-школьникам дают 500 граммов хлеба, из них 200 белого и 300 черного. Питаются три раза в день. Часто дают молоко, жиров дают на день 24 грамма, сахара 30 граммов. С бумагою дело неважно. Дети выглядят хорошо, я сам их часто вижу. Они сыты, но кого ни спроси, где папа, — папу убило, папа на фронте и т.п. Жалко вас, дети, слов нет, как жалко, живите, растите и трудитесь для блага своей любимой родины, и мы будем мстить врагу за все, и скоро его победим, скоро будет и на нашей улице праздник».

«Милая Катя, я письма вам очень часто пишу. Еще отправил вам четыре посылки: бумагу и два учебника, если получите — то напишите.

В городе населению раздают хлеб — по 600 граммов, крупы на месяц по 1800 граммов, жиров 20 граммов на день, сахара 30 граммов на день, мясо, рыбу и, бывает, кое-что дополнительно дают».

Васильки

*Под огнем на берегу реки
Залегли усталые стрелки.
Золотая рожь сверкала рядом,
А во ржи синели васильки.*

*И бойцы, уже не слыша гуда
И не ощущая духоты,
Словно на невиданное чудо,
Радостно смотрели на цветы.*

*Синевой небесной, нестерпимой,
Польхая, словно огоньки,
Как глаза детей, глаза любимых,
На бойцов глядели васильки.*

*Через миг, усталость пересилив,
Вновь пошла в атаку цепь стрелков.
Им казалось: то глядит Россия
Синими глазами васильков.*

*Бронислав Кежун
1944 год
Карельский фронт*

ПЕКШИЕВА (Иванова) Мария Степановна

Когда началась война, мне было всего три года, поэтому очень трудно отделить мои воспоминания от рассказов моих старших братьев и сестер. Мама старалась об этой войне нам ничего не рассказывать.

Жили мы на Невском проспекте, 182 в коммунальной квартире. Нас было шесть человек детей — я была пятой. Помню в комнате стояла печка-буржуйка, возле которой проходила вся наша жизнь.

Самые страшные дни начались в сентябре 1941 года, когда наступил голод. Прокормить семью, где столько иждивенцев, было просто невозможно. Старшая сестра пошла на оборонительные работы, а ей было всего 16 лет.

В конце 1941 года нашу семью постигло большое горе. Мама и брат заболели тифом, и их отправили в больницу им. Боткина. Мама месяц лежала без сознания. Мы уже думали, что ее потеряли. Но медицинский персонал ради нас, детей, выходил ее, и через три месяца вернул маму в семью.

Папа находился на оборонном предприятии и поэтому его не брали на фронт. Он был единственным кормильцем в семье. Так как папа был при семье, он не

разрешал нас эвакуировать. Мы прожили на Невском, 182 все блокадные 900 дней.

Как мы жили все эти дни даже страшно вспоминать. Ели траву — собирали лебеду, крапиву. Глубокой осенью собирали остатки овощей (мороженный картофель, листья от овощей и др.) и все это заготавливали впрок для зимы. На столе вместо масла была олифа,

а вместо сахара — глицерин. От такой еды мы, маленькие дети, отекали и не могли ходить, а лишь сидели и все время просили есть.

В 1943 году, когда готовились к прорыву блокады, папу взяли на Ленинградский фронт и перекинули под Синявино.

На знаменитом Невском пятачке его ранило в голову. Он долго лежал в госпитале и вернулся в семью с осколком в голове — инвалидом I группы ВОВ. На операцию не решился, а затем умер.

Моя мама Ирина Васильевна Иванова и старшая сестра Александра Степановна были награждены медалями «За оборону Ленинграда» и «За доблестный труд во время Великой Отечественной войны 1941-1945 годов».

Я очень хорошо помню день, когда закончилась, наконец, война. Помню

салют и всеобщую радость. В школу №162 я пошла в 8 лет в 1946 году. От нищеты я была закомплексованным ребенком. От меня все шарахались: как дети, так и взрослые. У меня была дистрофия третьей степени — «ходячий скелет».

Семья у нас была большая, после блокады осталось в живых пять человек. Один, самый маленький братик 1940 года рождения, умер. После войны мы продолжали жить очень бедно. Еще долго не знали вкуса масла, сыра, колбасы.

Школу я окончила в 1956 году и сразу пошла работать на завод электронной промышленности. Вечером продолжала свое образование. Отработала на этом заводе 37 лет.

Слава зенитчикам

*Прибалтийской свежестью сырея,
Ночь идет, и город тих во сне,
Но бойцы зенитной батареи
Никогда не верят тишине.*

*Город спит, но каждую минуту
Можно ждать фашистский самолет.
Только враг отчаявшийся, лютый
Сквозь огонь зенитный не пройдет.*

*Шум моторов уловили уши,
Виден контур черного крыла,
И прислуга, вставшая у пушек,
На одно мгновенье замерла.*

*Первый залп. И над каймою леса
Волею зенитного поста*

*Взметена свинцовая завеса,
Грохотом объята высота.*

*Попаданье! Залпами шрапнели
Сбита наземь подлая орда.
Смерть врагам, которые посмели
Посягать на наши берега!*

*Так трудись же под защитным кровом —
Страж надежный у твоих дверей,
И врага встречает он суровым
Голосом зенитных батарей.*

*Слава им, отважным и умелым,
Твердым, как советская броня,
Им, что клятву подкрепляют делом, —
Мастерам сверхметкого огня.*

*Юрий Инге
1941 год*

Не дает покоя память...

РЕЗНИК Леонид Самойлович

Автор этих строк — капитан 1-го ранга в отставке Леонид Самойлович Резник, участник Великой Отечественной войны и войны с Японией. Более тридцати лет его жизни отданы служению Военно-морскому флоту. После увольнения в запас многие годы работал редактором в Ленинградском отделении ТАСС. Награжден орденом Отечественной войны 2-й степени, двумя медалями «За боевые заслуги», медалями «За победу над Германией» и «За победу над Японией», «За оборону Сталинграда», многими другими наградами.

ные гости со всех концов страны и многих зарубежных государств на священном Пискаревском мемориале склоняют головы перед светлой памятью тысяч и тысяч мужчин и женщин, стариков и детей, воинов и горожан, отдавших свою жизнь за честь и свободу любимого города.

Мне 85 лет. Я не жил в блокадном городе, не участвовал в боях у невской твердыни. Война застала меня, пятнадцатилетнего мальчишку, далеко от города, в котором живу вот уже шестьдесят с лишним лет. Это было на Украине, в историческом городе Полтава. Помню, только-только окончил семь классов и как отличник учебы был удостоен чести присутствовать на юбилейном спектакле в местном музыкально-драматическом театре. После первого действия неожиданно по трансляции раздался тревожный мужской голос: «Всем военнослужащим срочно явиться в свои части». Тогда подумалось, что, видимо, учения идут. А было это вечером 21 июня страшного 1941-го. В одно мгновение зрительный зал почти опустел: его покинули присутствовавшие на спектакле авиаторы расквартированного в Полтаве полка дальних тяжелых бомбардировщиков.

Ежегодно по несколько раз я бываю на Пискаревском мемориальном кладбище. И не только по торжественным датам, и не потому, что живу вблизи от этого священного для каждого из нас места. Как и многих моих сограждан, чья юность опалена войной, меня неумолимо влечет сюда Память.

В биографии миллионов россиян огненной строкой вписана война, в биографии сотни тысяч ленинградцев-петербуржцев она добавила еще одно слово: блокада. 900 легендарных дней беспримерной обороны города на Неве. Вновь и вновь питерцы, их многочислен-

А назавтра, в роковое июньское воскресенье, ворвалось в нашу жизнь страшное слово «ВОЙНА». Мы как-то сразу повзрослели, старались найти любую возможность, дабы хоть немного помочь сражающейся стране. Мне удалось устроиться на местный завод «Металлист» учеником токаря. Здесь стали выпускать необходимую для фронта продукцию. После длительного трудового дня мы, пацаны, собирались небольшими группами и дежурили на крышах домов. Город постоянно бомбили немецкие самолеты, а мы тушили и сбрасывали с крыш зажигательные бомбы.

В конце лета отец был призван в армию, а мы с мамой эвакуировались из города. Так я оказался на Урале, в Перми (тогда город Молотов), где многочисленные предприятия работали для фронта, для будущей Победы.

В Перми я поступил в ремесленное училище наркомата речного флота (кстати, передислоцированного из Ленинграда), где осваивал профессию судомашиниста. Зимой мы занимались теорией, а с началом навигации были распределены на суда Камского речного пароходства, и заменили ушедших на фронт старших товарищей. По учебной программе мы приобретали практические навыки, поочередно выполняя обязанности то кочегара, то масленщика (то бишь — машиниста).

Особенно трудно приходилось кочегарам. Мазут, необходимый для работы котельной установки, нам не давали, топки,

шурувались дровами. Нелегко было держать пар на марке, когда нам, мальчишкам, как говорится, голодным и холодным, приходилось работать трехметровой трубой («журовником») у пылающей жаром топки котла. Но мы не унывали, изо всех сил стремились быть «на высоте» своего положения.

Начались наши трудовые, а точнее сказать, боевые будни. Относительно спокойно было на камском фарватере, а на Волге, когда мы вели баржи с оружием и боевой техникой, боеприпасами и горючим (я тогда «служил» на колесном буксирном судне) для героических защитников Сталинграда, было весьма тревожно и чрезвычайно опасно. На наши суда по несколько раз в день пикировали вражеские самолеты, сбрасывая множество бомб.

Особо опасная обстановка складывалась под Сталинградом. Под градом бомб, снарядов и мин, сквозь адский пулеметный огонь, поставив под разгрузку баржи, наш буксир совершал десятки рейсов на левый берег Волги, доставлял туда раненых в боях за город, а после разгрузки барж возвращался на «круги своя».

После окончания ремесленного училища мне предложили должность механика на буксирном пароходе системы «Волготанкер» или, если пожелаю, продолжить учебу в Пермской речном техникуме. Ни то, ни другое меня не устраивало: как и многие мои сверстники, я рвался в действующую армию, на фронт. Ни уговоры начальства, ни бронь, которая рас-

пространялась на работников транспортных организаций, не помогли. Тогда мне пошли навстречу и на моем заявлении в военкомат с просьбой призвать меня в Вооруженные силы директор училища поставил резолюцию: «Не возражаю. Как отличника учебы».

Так в семнадцать лет я стал военным моряком. Службы начал на бронекатерах, а затем на катерных тральщиках Волжской военной флотилии, а закончил я ее, спустя тридцать с «гаком» лет, на Северном флоте.

Незадолго до разгрома гитлеровского рейха, точнее в конце 1944 года, Волжская флотилия была расформирована. Я с группой моряков-фронтовиков был направлен на Тихоокеанский флот. Опыт, приобретенный в боях с немецко-фашистскими захватчиками, нам очень пригодился буквально через несколько месяцев, когда начались военные действия против империалистической Японии. Бригада торпедных катеров (на одном из них я был боцманом, в обязанности которого входило обслуживание торпедных аппаратов и пулеметной установки, выполнение функции сигнальщика и помощника командира) потопила несколько кораблей и судов противника, участвовала в операциях по освобождению портов Северной Кореи, в ряде других операций.

Наиболее ожесточенные бои шли при взятии порта Сейсин. Эта военноморская база являлась важнейшим опорным пунктом японцев на побережье

Северной Кореи. Она позволяла вражескому командованию перебрасывать на сухопутный фронт крупные подкрепления из метрополии.

Обстановка в районе Сейсина оставалась неясной. Из донесений флотских летчиков, разведывавших и бомбивших эту базу, было известно лишь то, что здесь находилось несколько боевых кораблей и судов. Система обороны и состав оборонявший город и порт группировки раскрыты не были. Командование Тихоокеанского флота решило сначала боем разведать гавань и порт, высадив на причалы разведотряд под командованием североморского разведчика, Героя Советского Союза, старшего лейтенанта Виктора Николаевича Леонова. Выполнить эту ответственную задачу было поручено торпедным катерам нашей бригады.

Утром 13 августа 1945 года катер, на котором я тогда служил, в составе группы вышел в море и взял курс к вражеским берегам. Наш катер при подходе к порту атаковал сторожевой корабль противника и отправил его на дно. А с берега по нам открыли артиллерийский огонь. Поставив дымовые завесы, наши катера без потерь ворвались в гавань, подошли к причалам и высадили десант.

Высадка морского десанта в Сейсине явилась первой крупной операцией Тихоокеанского флота в войне с Японией. За ее осуществление командир десантников Виктор Леонов был удостоен второй Золотой Звезды Героя. Овладение этой

Памятная встреча.

Второй слева — дважды Герой Советского Союза В. Н. Леонов, крайний справа — Л. Резник

крупной военно-морской базой сыграло большую роль в действиях войск 1-го Дальневосточного фронта. Они получили возможность сохранить высокий темп наступления и, что называется, по пятам преследовать отходивших вдоль побережья части противника. (С Виктором Николаевичем Леоновым мне посчастливилось встретиться спустя четверть века в Ленинграде).

...Флотская служба стала основой моей жизненной биографии. Еще несколько лет после завершения войны я был «срочником», пять из них прошли на Порт-Артурской военно-морской

базе. Здесь старшиной 1-й статьи получил среднее образование, затем, спустя годы, окончил в Ленинграде военно-морское училище, заочное отделение Ленинградского государственного университета. И продолжил службу на Балтике, в Заполярье.

Мне крепко запомнился случай, произошедший в далекие годы срочной службы в Порт-Артуре. Наш отряд торпедных катеров выполнял пулеметные стрельбы по береговым целям в ночное время. Я находился на берегу у мишеней и корректировал стрельбы. После выполнения задачи меня и группу других кор-

ректировщиков подобрал катер другого подразделения. Идя на большой скорости, катер «напоролся» на подводные камни, получил солидную пробоину и начал тонуть. Неожиданно, в трюме образовалась воздушная подушка, и катер остался на плаву. Нас взяли на буксир, и мы продолжили идти прежним курсом. Но внезапно воздушную подушку прорвало, катер стал быстро заполняться водой. Срочно отдали буксир и бросились в море. А катер через несколько мгновений оказался на дне. Естественно, нас подобрали сослуживцы, и мы все вернулись на базу. А затонувший катер вскоре был поднят на поверхность и отремонтирован.

Почему я привел этот случай? Только потому, что он произошел вблизи бухты Баланзы, где в 1905 году подорвался линкор «Петропавловск», на котором погиб величайший флотоводец и ученый, адмирал Степан Осипович Макаров. Здесь много лет тому назад произошла трагедия, здесь я соприкоснулся с историей нашего флота и России в целом.

...На склоне лет все чаще вспоминаются прожитые годы, военные дороги, успехи и трудности, что пришлось преодолеть мне и моим согражданам. Не дает покоя Память. Она вновь и вновь заставляет оценить все прожитое, будоражит ум, учит не пасовать ни перед какими невзгодами.

Тральщики

*Седое море в дымке и тумане,
На первый взгляд такое, как всегда,
Высоких звезд холодное мерцанье
Колблет на поверхности вода.*

*А в глубине, качаясь на минрепах,
Готовы мины вдруг загрохотать
Нестройным хором выкриков свирепых
И кораблям шпангоуты сломать.*

*Но будет день... Живи, к нему готовясь, —
Подыметесь с протраленного дна,
Как наша мысль, достоинство и совесть,
Прозрачная и чистая волна.*

*И потому мы, как велит эпоха,
Пути родного флага бережем,
Мы подсечем ростки чертополоха,
Зовущегося минным барражом.*

*Где бы противник мины ни поставил —
Все море мы обыщем и найдем.
Согласно всех обычаев и правил,
Мы действуем смекалкой и огнем.*

*В морских просторах, зная все дороги,
Уничтожаем минные поля.
Свободен путь. Звучи, сигнал тревоги!
Дроби волну, форштевень корабля!*

Юрий Инге
1941 год

Я боялась, что мама не вернется домой

СВЯТОСЛАВСКАЯ Тамара Никифоровна

Когда началась война, мне было 12 лет. На лето родители отправили меня на дачу к бабушке в Вырицу. Там и застало меня начало войны. Мой папа был коммерческим директором на обувной фабрике «Победа», а мама работала на фабрике «Трибуна». Папу перевели на казарменное положение, и он во главе отряда сотрудников фабрики был отправлен на рытье окопов на Лужский рубеж. Затем отряд перевели на Пулковские высоты. Здесь под бомбежками погибли все члены отряда. Но папа, к счастью, остался жив, он вернулся в Ленинград, возглавил свою фабрику. Всю блокаду он находился на казарменном положении — на фабрике шилось обмундирование для фронта.

Когда немцы подходили к Вырице, за мной приехал дядя, папин брат. К Ленинграду поезд-подкидыш шел только от Антропшино, до которого мы добирались пешком.

С середины августа 1941 года я жила в семье дяди, так как папа был на казарменном положении, а мама, рывшая окопы под Лугой, попала в окружение. К счастью, им удалось выбраться из окружения. В сентябре она вернулась в город, и мы стали жить с ней вместе в нашей квартире на проспекте Майорова.

Отца я почти не видела, а мама работала чуть ли не сутками: шила варежки для солдат, дежурила с другими женщинами на чердаке, тушила зажигалки. Бомбили нас и днем, и ночью! Но мы до того

привыкли к бомбежкам, что часто даже не прятались к подвалу.

Хорошо помню эпизод в ноябре 1941 года. Началась бомбежка, мама ушла на дежурство, а меня посадила на кровать и приказала никуда не уходить. Первая бомба упала на дом напротив нас и на трамвайную остановку. Было много жертв, трупы собирали и складывали в нашем дворе. Вторая бомба попала в первый флигель (мы жили во втором). Я сидела на кровати, а она качалась, как качели, от одной стены к другой. От взрывной волны во всем доме вылетели рамы, стекла, двери. Прошло сколько лет, а я до сих пор помню, как переживала, что не вернется мама.

Конечно, был голод. Мама сидела за работой и день, и ночь, только слышался стрекот ее швейной машинки. А мне приходилось ходить в магазин, отоваривать карточки. Для этого мама сшила мне мешочек, он висел на шее, в нем я прятала карточки. Вставать надо было рано, чтобы занять очередь. А продукты я прятала под пальто тоже в мешочек.

В 1941-1942 году мы не учились, поэтому весной 1942-го мы, дети, вышли убирать город — ведь всю зиму отходы выбрасывались на улицу. К уборке привлекали всех, кто мог стоять на ногах.

Мы ходили на уборку вместе с подружкой вместо мам, так как они были заняты на работе. А потом нас попросили прийти на уборку бульвара Профсоюзов, где нам

с подружкой выдали фанеру-волокушу. Женщины скалывали лед, грузили на нашу волокушку, и мы тянули ее к Неве, где складывали у парапета около Медного всадника. Боялись эпидемий, поэтому к маю все отходы были вывезены.

До войны я окончила четыре класса, а в конце апреля 1942 года директор нашей школы № 28 на канале Грибоедова Лидия Александровна обошла весь Октябрьский район в поисках оставшихся в живых детей. Набралось человек 20, мы стали учиться. Было 2-3 урока в день, а потом мы шли в госпиталь в ДК Связи, там мы помогали ухаживать за ранеными, после чего было самое прекрасное — нас кормили обедом (супчик, каша и стакан соевого молока).

А еще мы работали на огородах (пололи) в Александровском саду и в сквере у Исаакиевского собора. Заодно мы собирали мокрицу, одуванчики, мама добавляла в них цикорий, который выдавали по карточкам, и пекла, как мне тогда казалось, изумительно вкусные блинчики.

Проучилась я до июля, а в августе нас эвакуировали (город обстреливали беспощадно) на катерах через Ладогу также под обстрелом, и шедший впереди нас катер затонул. Прибыли мы в Кобону, там нас стали кормить, но предупреждали, чтобы мы после такого голода много не ели. Но люди не слушались, не могли удержаться и старались съесть все сразу. А потом, когда мы ехали в вагонах, люди умирали от переедания после долгого и жестокого голода. Трупы выносили из вагонов и складывали прямо на станциях.

Нас привезли на станцию Называйка в 50 км от Омска. Представители окрестных колхозов ходили по вагонам и предлагали работу. Так мы попали в колхоз, где выращивали табак. Взрослые срывали табачные листья, складывали их на телеги, запряженные двумя волами, а мы, дети, отвозили все на дальнейшую переработку. Там я окончила 5-й и 6-й классы.

В мае 1944 года мы вернулись в Ленинград. Мне было уже 15 лет, и я пошла учиться в 7-й класс.

Взгляд в будущее

*Пройдет война.
Мы встретимся, быть может.
Как прежде, дым,
Синея, будет плыть.
Поговорим о том, что всех дороже:
О Родине, о славе, о любви.
Как прежде, ночь
Приникнет к переплету,
А за бортом заплещется вода.*

*Поговорим о Родине, о флоте,
О годах битвы, мужества, труда.
Но, если даже глубина нас примет
И не настанет нашей встречи час,
Друзья-бойцы,
Вкушая отдых дымный,
Поговорят о славе и о нас.*

*Алексей Лебедев
1941 год*

Служила в Военном трибунале

ТУТУРОВА Екатерина Ивановна

К началу войны только окончила первый курс юридического института. Юной девушкой записалась в Народное ополчение в 1941 году. Служила в 4-й дивизии народного ополчения г. Ленинграда со дня формирования — в 330-м стрелковом полку 86-й Тартуской стрелковой дивизии.

Воевала под Ленинградом, в дальнейшем освобождала Эстонию, Польшу, Германию. С 1942-го по 1946 год служила в Военном трибунале, войну закончила лейтенантом, после замужества. Но муж был военным, и пришлось остаться в Германии до 1949 года, там у нас и двое детей родилось. Вернувшись, доучилась в вузе и до 1980 года работала юрисконсультантом на Заводе имени Комсомольской правды.

С боевыми друзьями встречаемся часто, не реже двух раз в год — еще в 1957 году было создано товарищество однополчан. Обязательно бываем на Невском пятачке, где я воевала тогда еще солдатом в 1941 году. Тогда немцы вели очень сильный обстрел, на глазах у меня разорвало снарядом начальника химической службы дивизии, когда он под вражеским огнем бежал к берегу реки, где ставили дымовые завесы. Пятачок был настоль-

ко маленький и узкий, что были случаи, когда немцы бросали гранату, а наши солдаты ее ловили и успевали швырнуть обратно. Когда начался ледоход, и мы не могли получить помощи, немцы стали сжимать кольцо. Тогда оттуда отправили всех женщин. 26 апреля туда переправилось командование. 27-го пришла последняя радиogramма. До 6 мая били немцев. Героизм наших солдат

и офицеров был беспримерным!

Когда я служила в Военном трибунале, у нас очень мало было судебных дел — не больше четырех-шести в месяц на десять тысяч человек в дивизии, в основном — самострелы. Мы постоянно встречались с бойцами в полках, на переднем крае, проводили огромную разъяснительную работу, беседы о самоволках, дезертирстве, мародерстве и других преступлениях, о наказаниях за это. Также убеждали, чтоб не было никаких случаев мщения немцам — поэтому к ним относились нормально, просто как к неприятелю. После суда направляли в штрафные роты. Эти роты давали дивизиям, шедшим в наступление, — штрафники начинали бой. После боев документы несли нам пачками — командиры направляли донесения, кто как себя вел

в бою, какие подвиги совершил — и мы снимали судимость, человек возвращался в часть. Потом уже немцев судили —

например, коменданта концлагеря, который жестоко относился к пленным, на суде было много свидетелей.

«Медсестра». Маша Кондратенко, ученица 6-го класса

Сталинградская битва глазами солдата

195

ФЕЛЬМАН Леонид Михайлович

Я служил в 691-м Краснознаменном батальоне аэродромного обслуживания (КБАО) с первого дня войны. Призвали меня в Красную Армию в ноябре 1939 года в пехоту, затем осенью 1940 года меня перевели в авиацию. Специальность у меня была радиотелеграфист. 691 КБАО входил в состав 27 Район Авиационного базирования (РАБ), ко-

торый в Сталинграде входил в 8-ю Воздушную армию (8 ВФА). В августе 1942 года наш КБАО располагался в поселке Рынок севернее Сталинграда. Мы обслуживали полевой аэродром в нескольких километрах от фронта, на который прилетали ночные бомбардировщики По-2. Аэродром – это было поле со скошенными злаками, на нем были две большие скирды. Около одной из них стояла наша палатка и радиостанция, а также лежали узлы с листовками для немецких солдат, а у другой – зажигательные и другие бомбы. Наши самолеты прилетали в сумерки, загружались и летели бомбить ночью немецкие окопы. Другой аэродром располагался на левом берегу Волги на территории колхоза «Борьба с засухой».

Был у нас еще ложный аэродром, на котором стояли деревянные макеты са-

молетов. Немцы, как им казалось, успешно бомбили эти самолеты.

23-го августа 1942 года немецкие танки прорвались в район Рынка.

Я в этот день дежурил в штабе части. На полutorке вместе с начальником штаба и другими сослуживцами мы поехали на переправу, над которой стоял паром. На высоком берегу Волги была установлена зенитная батарея. Управляли ею девушки.

Пока мы ждали отхода парома, девушки сбили немецкий истребитель «Мессершмитт 109». Он горел в небе ярким пламенем. Затем девушки перевели орудие в горизонтальное положение, чтобы бить по наступающим немецким танкам прямой наводкой. Спасло то, что на Сталинградском тракторном заводе ремонтировались танки, и рабочие на отремонтированных танках отбили наступление немцев.

К вечеру 23 августа над Сталинградом висела черная мгла, город горел, его бомбила и поджигала немецкая авиация.

Мы приступили к копанию землянок. Земля была пересохшая, твердая как камень. На поле перед землянками стояли прилетевшие из Москвы американские самолеты «Хауки».

Память сердца

К сожалению, полк с этими самолетами воевал только два дня. Через два дня половина летного состава погибла, а другая половина не могла летать, так как оставшиеся самолеты были повреждены обстрелами немцев.

Затем прилетели наши самолеты Як-7 и Як-9, а также штурмовики Ил-2. Однако немецкие «Мессершмитты 109» господствовали в воздухе.

Наши самолеты не могли с ними вступить в бой, так как уступали в скорости. Носы фюзеляжей немецких самолетов были окрашены в желтый цвет, чтобы показать, что на них летают желторотые юнцы. Наши истребители использовались для разведки. А когда на них были установлены фотоаппараты, то снимали Сталинград с воздуха, увертываясь от Мессеров.

Як-9 также как и Ил-9 уничтожали немецкие танки, так как на их крыльях были подвешены ракеты в дополнение к пушкам.

«Мессершмитты 109» прилетали к нам на завтрак, когда мы выстраивались перед полковой кухней. Однако «желторотые» были по всей видимости плохими стрелками, так как никто из нас не был ранен. Под Сталинградом сбили внука Бисмарка (летал на «Мессершмитте 109»). Он утверждал, что его дед в свое время говорил, что не надо воевать с Россией.

В начале войны наши самолеты разбрасывали листовки немцам, в которых призывали немецких рабочих и крестьян не воевать против рабоче-крестьянской

Красной Армии Социалистического государства. Под Сталинградом наши самолеты разбрасывали другие листовки. На первой странице был снимок: немецкий юноша окончил военное училище, был одет в новенькую форму, затем снимок его свадьбы с арийской девушкой, одетой в белоснежное платье. Далее снимки. Вот он прибывает на фронт. Вот его жена спит в кровати с бородатым французом, и, наконец, его могила, увенчанная березовым крестом, и на перекладине креста написано его имя и фамилия. Однажды я вышел из землянки рано утром и увидел листовку. Я поднял ее и прочел: «Немцы разбрасывают множество листовок, употребляйте эти мягкие бумажки по прямому назначению». И подписи: Еременко, Хрущев.

То я работал на радиостанции РБ, принимая морзянки, то выполнял обязанности связиста: возил вместе с шофером на полуторке в РАБ и из РАБа донесения, почту, а также газеты. Затем вечером я читал своим товарищам газету «Красная Звезда». В ней были статьи Ильи Эренбурга. В них писалось «Папа, убей немца» и о том, что после победы над немцами у нас будет и туалетная бумага, и тонкие чулки для женщин.

В начале ноября 1942 года наших летчиков послали в дом отдыха в городе Пугачеве.

На аэродроме было всего несколько самолетов не вполне исправных. Через несколько дней летчики вернулись на новых самолетах. 19 ноября 1942 года утром

на рассвете после сильной артиллерийской подготовки по немецким позициям в Сталинграде началось наступление Красной Армии. Мы переехали на машинах по льду Волги и продвинулись вглубь нашей территории, так что окруженная группировка немецких армий в Сталинграде оказалась у нас в плену.

После обустройства на других аэродромах мы обслуживали самолеты 8-й Воздушной Армии, которые громили немецкие войска, рвавшие на выручку окруженных в Сталинграде немцев, а также уничтожали немецкие транспортные самолеты, пытавшиеся доставить грузы немцам в Сталинград.

«Блокада». Елизавета Короткова, ученица 6-го класса ГОУ школа №175

Немного о себе и о блокаде

ШАТЕНЕВА (Матросова) Валентина Александровна

Я родилась в 1927 году. Мама Анастасия Спиридоновна работала вместе с мужем на заводе «Пирометр». Папа Александр Павлович ушел на Ленинградский фронт на шестом десятке лет после страшной первой блокадной зимы и погиб 25 января 1945 года в Польше — за три месяца до конца войны.

Мои родители вырастили и воспитали троих дочерей. Старшая, 1922 года рождения, сразу после экзаменов за десятый класс ушла на фронт связисткой и дошла до Германии. Я и моя младшая сестра, 1930 года рождения, вместе с мамой все дни блокады проживали на Петроградской стороне. Мне было тринадцать лет, я работала на заводе «Красная звезда» у Тучкова моста, который выпускал снаряды, и принимала участие во всех посильных делах: клеймила бугеля, которые надевались на стакан снаряда, клепала «ушки», рихтовала крылья стабилизаторов, работала на станке точечной сварки, выполняла подсобные работы в гальваническом цехе, трудилась на штамповочном станке.

А дома после работы вместе с мамой шила на швейной машине нижнее белье для солдат (рубашки, кальсоны, трусы), вязала крючком шарфики для бойцов, чинила рваные окровавленные полушубки. Эту продукцию мама сдавала в артель, потому что завод к тому времени уже не работал. А до этого мама строила огневые точки в

угловых домах Кировского проспекта, а на Поклонной горе, где сейчас большой жилой район, вырубала ели и сосны для построения дзотов.

Вместе с десятилетней младшей сестрой мы ходили к разрушенному бомбой дому на углу Большой Пушкарской и ул. Воскова, собирали щепки из-под завала, чтобы топить буржуйку. Во время бомбежек мы ходили в подвал-бомбоубежище, а мама ходить не могла. Однажды, это было 14 февраля 1943 года, во время артобстрела снаряд угодил прямо в нашу комнату. Снаряд был очень большой, но спасибо немецким рабочим или нашим пленным — снаряд разрушил толщу кирпичной стены, все в квартире переломал, но не взорвался. Нас с сестрой засыпало кирпичом, ранило и контузило. Сандружинницы откопали нас и увезли в больницу им. Эрисмана, после двухмесячного лечения там, мы вернулись в холодную, разбитую квартиру. Меня освободили от работы на заводе, и я пошла учиться в седьмой класс. В летние каникулы работала со всеми одноклассниками на полях совхоза в Новой Деревне. Когда училась в 9-м классе, мы получили известие о папиной смерти, и я опять пошла работать, посещала школу рабочей молодежи №31. Уже после войны я окончила педагогический институт и проработала в школе тридцать семь лет учителем математики (последние двадцать пять лет — в школе №159 на пр. Мечникова).

О жизни в блокадном Ленинграде трудно вспоминать: голодно, холодно, темно, нет воды и канализации. О достоверных картинах жизни ленинградцев невозможно написать в книге, увидеть на телеэкране, так как это страшно, очень страшно! За водой с саночками ходили с Большой Пушкарской к Тучкову мосту, где спуск к воде был крутой и обледенелый, и подъем был очень сложен.

Пришла весна, город очистили от нечистот, стало легче. Собирали крапиву

и лебеду. Из пареной лебеды лепешки были очень вкусными. На Кировском проспекте, на стадионе Строителей вырастили турнепс, капусту, свеклу, ботву засолили впрок. Мама вышла из больницы. Вот так прошла наша жизнь в годы войны, так трудились и выживали. В день снятия блокады 27 января у Ростральных колонн вместе с другими ленинградцами мы праздновали Победу. Там нас сфотографировал корреспондент Трахтенберг, снимок появился в городских газетах.

«Ужас!». Мария Заводчикова, ученица 6-го класса лицея №144

Во время бомбежек я пряталась под кровать

ШЕВЧЕНКО Светлана Леонтьевна

Отец Коваленко Леонтий Федорович в 1941 году по роду своей работы (начальник восстановительного поезда) был направлен на Латвийскую жел. дорогу ст. Елгава, а в начале войны переведен в Ленинград, где и проработал всю блокаду с семьей, которая состояла из 5 человек — отец, мать, брат 1922 года рождения, сестра 1927 года и я 1937 года рождения.

Брат был курсантом танкового училища в Ленинграде, пропал без вести на Ленинградском фронте в районе Пулково в 1941 году.

Сестра была вольнонаемной рабочей в военно-восстановительном поезде №4028. Мать была вольнонаемной проводницей в этом же поезде, где мы первое время и жили. Все вместе работали круглыми сутками.

Позже мы переехали жить к дяде на Фонтанку, меня отдали в круглосуточный детский сад.

На Фонтанке зимой замерзала вода, и маме было очень трудно ходить за водой, но хорошо, что это было не очень далеко.

Во время бомбежек я пряталась под кровать, а потом так привыкла, что подолгу играла под кроватью и не хотелось бежать в бомбоубежище.

Чтобы знать, что город живет — все время работал метроном.

В 1944 году поступила в школу. В 1956 году после окончания строительного техникума вышла замуж за военного и уехала в Новгородскую обл. (Кречевицы) к месту службы мужа. В 1960 году переехали в Витебск.

В 1951 году за работу на трудовом фронте отца наградили Орденом Ленина, а также он был награжден медалями и грамотами за быструю ликвидацию вражеских разрушений.

Получилось: эвакуация!

ШЕЛУХИНА Наталия Виссарионовна

Не только наиболее яркие и значимые эпизоды откладываются в глубины памяти, но и мысли. Думы блокадного ребенка, они могут быть не менее удивительными, чем примечательные события.

В городе началась эвакуация. Мама — врач, военнообязанная, папа — служащий, не призванный в армию из-за инвалидности, а мне — почти 7 лет. Родители постоянно говорили о необходимости выехать из города и не находили возможности. По сей день я не перестаю удивляться, не могу найти истоки своей не просто мысли, а мольбы, которая звучала в моей голове во время их разговоров об отъезде: «Хоть бы не получилось». Ненависть к врагу, разрушающему мой город, убивающему людей, была настолько непреодолимой, что я была убеждена в необходимости своего участия во всеобщем противостоянии. Я ни с какой стороны не могла быть зомбирована пропагандой. В детский сад меня не водили, а у родителей, как я узнала потом, были причины общественно-политические вопросы не обсуждать при мне. Где же корни моего страстного желания участвовать в борьбе? Очевидно, в генах русского человека! Чтобы придать своим мыслям какое-то действие, я стала выдумывать всякие невероятные истории, в которых я разнообразными способами умудрялась поймать Гитлера и привести его к военным. Когда во-

йна кончилась, у меня сразу мелькнула мысль: «А Гитлера-то я так и не поймала».

Блокадные дни тянулись в голоде, холоде, бомбежках и обстрелах. Нервы мои уже не выдерживали страха. Когда я слышала взрыв, то затыкала уши, топала ногами и кричала: «А-а-а!» «Хоть бы не получилось», — эта мысль в моей голове звучала все тише и реже.

Летом 1942 года родителям удалось добиться разрешения на эвакуацию. Глядя в прошлое, я поражаюсь четкой организации и продуманности процесса вывоза людей из города. Потом, уже после войны, я от друзей и знакомых услышала, как проходила эвакуация жителей летом 1941 года. Какая была разница! Тогда последние поезда брались штурмом. С собой разрешалось брать только небольшую сумочку. Одну мою знакомую, тогда десятилетнюю девочку в окно втаскивали через форточку. В августе 1942 года все было совсем иначе, да и люди стали другими. Это были блокадники, люди уже хлебнувшие всеобщего горя. Количество вещей не ограничивали, каждый брал по силам. Вещи плотно упаковывали тюками, на которых крупными буквами писали фамилию и место назначения. Каждый имел «вызов» от кого-нибудь с «Большой земли». «Большая земля» — это вся наша страна за пределами Ленинградского кольца и не оккупированная немцами.

Путь на «Большую землю» начинался с Финляндского или Московского вокзала. Выбирался, конечно, ближайший. До Московского вокзала довести наши вещи взялся дворник, на своей большой двухколесной тележке. Был чудесный, теплый солнечный день и нам повезло до вокзала пройти без обстрела. Мы спокойно погрузились в известный заранее вагон. Поезд тронулся в назначенное время, но вскоре остановился. Весь день мы простояли на запасном пути, очевидно, чтобы не быть мишенью при обстреле или бомбежке.

В Борисову Гриву нас привезли, когда стало совсем темно. На дороге у вокзала вереницей стояли грузовики-полторки. К Осиновецкому маяку на этих полторках мы приехали, когда еще только начинало светать. У причала стояли два катера. Погрузились мы на открытую углубленную палубу, плотно ее заполнив, и сразу отчалили. Было солнечно, ветрено и холодно. Все сидели молча, плотно прижавшись друг к другу.

Вдруг тишину нарушал гул самолетов. Вокруг нас посыпались бомбы. Защелками зенитки. Папа накрыл меня и маму полкой своего плаща. Страшно. Очень страшно. Этот ад прекратился, как только прилетели наши истребители. Мы целы и невредимы. Катер продолжает путь. Вот и Кобона. Причал сколочен из досок. Сразу в глаза бросается большой штабель аккуратно сложенных надписанных бесхозных тюков. Бросили ли их хозяева, не рассчитав свои силы, или потеряли, или сами хозяева умерли в пути?

Спокойно выгружаемся и ступаем на безопасную «Большую землю». Ясно, солнечно и уже тепло. Невдалеке виднеется хвост состава из «телячьих» вагонов. Находим нужный нам номер вагона. Все, пока немногочисленные, ленинградцы, располагаются у входов в свои вагоны в ожидании начала посадки. Наконец, двери открывают. Около нашего вагона всего несколько семей и мы забираемся в него в числе первых. По обе стороны вагона — настилы в два яруса, а середина свободна. Постепенно, по мере прибытия катеров, вагон наполняется. Занятой оказалась и середина. Долго ли мы ждали отправления — не помню. Поезд пошел с очень большой скоростью. Остановки были редкие и короткие. За время остановки надо было успеть набрать кипяточку и, главное, не отстать от поезда. Ходили слухи, что, опасаясь наступления немцев, поезд гнали как можно дальше от линии фронта.

Все станции, откуда у людей были «вызовы», оставались позади.

Так наш состав оказался в Свердловске. В эвакуопункте Свердловска определялось место, куда можно было бы поехать, чтобы устроиться на жительство.

Сейчас, вспоминая этот трудный путь, я поражаюсь и восхищаюсь тем, как четко эвакуирующимся были обозначены все шаги на этом пути, от вокзала в Ленинграде до города на «Большой земле». Все было продумано так, чтобы не было ни суеты, ни суматохи, ни неясностей.

Воспоминания
о ленинградской блокаде
жителей Белоруссии

Память сердца

Шиповник

*Здесь фундаментов камень в песок перемолот войной,
В каждой горсти земли затаился смертельный осколок.
Каждый шаг продвиженья оплачен кровавой ценой —
Лишь девятой атакой был взят этот дачный поселок.*

*Ни домов, ни травы, ни заборов, ни улицы нет,
И кусты и деревья снарядами сбиты с размаху,
Но шиповника куст — не с того ль, что он крови под цвет,
Уцелел и цветет среди мусора, щебня и праха.*

*Стисни зубы и молча пройди по печальным местам,
Мсти за павших в бою, забывая и страх и усталость.
А могил не ищи... Предоставь это дело цветам —
Всё видали они, и цвести им недолго осталось.*

*Лепестки опадают... Средь этих изрытых дорог
Раскидает, разметет их ветер беспечный и шальный,
Но могилу героя отыщет любой лепесток,
Потому что и некуда больше здесь падать, пожалуй...*

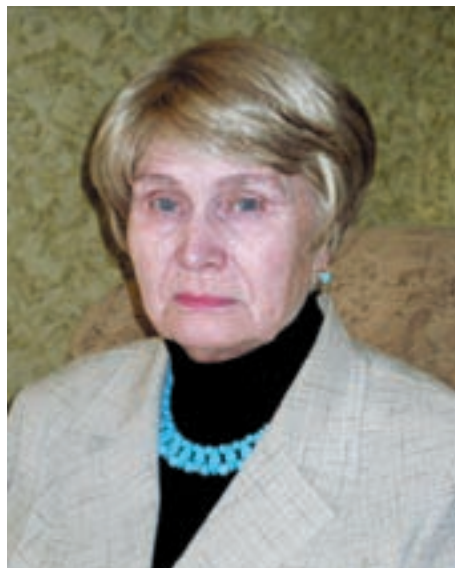
*Вадим Шефнер
1943
Ленфронт*

«Память наша блокадная»

БАЦЕЛЕВА Светлана Петровна

Говорим, вспоминаем — Война, вот проклятая в душу нам въелась. 70 лет пронеслись с того дня, а хлеба еще не наелись... Все эти воспоминания вызывают ужас до тошноты, как будто смотришь черно-белый фильм и никак не можешь дождаться его конца. Помним, мы все помним! А кому нужна наша память? И сама себе говорю: если не мы, то кто же?

Родилась в Ленинграде в 1936 году, 9 июля в семье военнослужащего. Отец Федоров Петр Федорович, политрук 72-ой стрелковой дивизии 33-го полка. Жили на Фонтанке, 90. Участник войны с белофиннами. После финской перевели в Западную Украину. Накануне 20-го июня его вызвали в штаб в город Перемышль, обещая, что в воскресенье будет дома. С тех пор мы его не видели.

Первый день в городе Хырове. Войну встретили в 3 часа 10 минут. Все считали, что это «маневры», и сестра мне объяснила, что идут учения. Все выскочили на улицу, а поляки вывешивали белые флаги. Семьи стали покидать квартиры и бежать. Самолеты летели так низко, что в саду, где мы сидели, ветки ломались. Мама, я и сестра побежали к вокзалу, но он уже был разбит. Военные

посадили нас в машину в кузов к солдатам. По дороге нас обстреливали, и кто-то все кричал, что надо бежать «врассыпную», а не собираться в кучу. При следующем налете сестра удрала, и мы не могли ее найти, уже все сели в машину, а ее нет. И тут увидели бойца, он был ранен и Галю нес на руках. Как кричала мама! Я до сих пор

слышу ее ужасный крик...

Голодными, босыми, пешком, на подводах мы пробирались к Ленинграду. Мама так верила, что в Ленинград немцы не войдут! И главное — в Ленинграде все родные.

В Ленинград мы прибыли в конце июля. Родственники встретили радушно. Прописали нас на Мойке 82 кв. 38. Мы получили статус беженцев. До первой бомбежки дети дразнили нас: «беженцы — драпали от фрицев». Сестра очень плакала от обиды, а я кидалась в драку за нее. Мы уже знали, что такое война, но еще не знали, — что такое Блокада!

Самое страшное — крысы! Этот хруст... Умер мамин брат, он лежал на полу, а крысиная свора набросилась на него. Мы с сестрой лежали валетом на кровати и били крышками от кастрюль, чтобы они к нам не прыгнули. Как забыть это?

Я не могла понять, что значит «отнялись ноги», почему Галя разучилась ходить, ведь она обещала мне слона показать, а теперь говорит, что он убит.

8 апреля 1942 года нас эвакуировали на Северный Кавказ в Ставропольский край, станица Изобильная. Там я поступила в первый класс. Но и тут беда, в станицу вошли немцы. Семь месяцев оккупации, а потом допросы — «Где? Что? Когда?». И отправка на север в город Молотовск Архангельской области. Там и день победы встретили. Узнали, что в Казахстане живут родители мамы и переехали к ним.

В Усть-Каменогорске нас встретили бабушки и дедушки, они работали на строительстве ГЭС. Я поступила в медучилище. Вышла замуж за офицера, и по направлению мужа мы уехали во Владивосток. И начались переезды — Хасан, Русский Остров, Белорусский округ. У нас двое детей, сын и дочка, пять вну-

ков и два правнука. Дети — внуки получили высшее образование. Сын работает в Москве, дочь в Витебске, мы с мужем пенсионеры. Я занимаюсь общественной работой — председатель ОО «БСБ Ленинграда» Октябрьского района города Витебска.

*Сегодня трудно говорить нам о Войне,
когда идет Война в Чечне.
Вновь сиротеют наши дети,
Сирот волнует Эта, а не та война.
Скажите, кто возьмет их
в трудную минуту на поруки?
Ведь безотцовщина не их вина!
Сегодня трудно говорить о той войне,
когда идет война в Беслане,
Дагестане и Чечне.*

С. П. Бацелова

Как писал Е. А. Долматовский: «Пусть Война станет мирным потомком из легенд, и лишь известна из книг».

*Нам не забыть ночей и дней, когда от холода мы клацали зубами,
Когда мы тихо умирали, опухшие от голода, искусанные вшами.
Нам не забыть тех дней, тех страшных канонад, когда бомбили Ленинград!
Память! Да разве можно забыть «Дорогу Жизни»?
Суровая дорога детства, осталась навсегда в ребячьем сердце!
Мы стали твердыми как лед на Ладоге.
В нас стойкость, мужество остались надолго.
И сколько б нас судьба не била, в блокадном братстве наша сила!*

С. П. Бацелова

Воспоминания о прошлом

БОГДАНОВА Александра Сергеевна

Я родилась в Белевском районе Тульской области в 1933 году. В настоящее время проживаю в Минске.

Моя мама, Курмелева Ефросиния Гавриловна (в девичестве Афонина), уроженка Тульской области, Белевского района, Кузнецовского сельсовета, 1912 года рождения. Умерла в 1995 году в Ленинграде.

Случилось так, что в 1933 году деда моего и двоих его сыновей (один из которых мой отец Мошонкин Сергей Дмитриевич) раскулачили и сослали в Сибирь. Моя бабушка умерла в 1924 году, в то время моей маме было всего 12 лет. В 1933 году родилась я, когда в семье уже была другая хозяйка — мачеха, и моей маме не осталось места в доме отца. Да и в мужнином доме ей не были рады. Оставив меня маленькую на попечение родственников, мама уехала в Ленинград в поисках жилья и работы. С биржи труда ее направили в стройтрест НКВД. Проживала мама в общежитии на территории Смольного. В это же время она вышла замуж во второй раз (новая фамилия Михалина, муж Михалин Василий Игнатьевич погиб в Финскую войну). Маме с мужем выделили комнату в общежитии. Вскоре мама забрала меня

к себе. Так я и осталась в Ленинграде, где пошла в детский сад.

В Ленинграде был обычай вывозить детей на летний период в пригород. Так в конце мая или начале июня 1941 года наш детский садик должен был выехать на отдых в Гатчину. Мама привела меня в детсад. После медосмотра оказалось, что у меня поднялась температура 37,3.

Из-за этого я не могла ехать со всеми детьми в этот день. Мама, конечно же, расстроилась, так как из-за постоянной работы она не могла быть со мной дома. Но ее утешала мысль, что через пару дней приедет ее родная сестра из Выборга и возможно заберет меня с собой (муж моей тети Ани, Степан, после окончания военного училища служил в Выборге). Мамины надежды оправдались, и я действительно уехала в Выборг. По истечении двух недель дядя Степа сказал тете Ане, что финны «себя плохо ведут» — должно что-то случиться и посоветовал вернуть племянницу в Ленинград. Через 2 дня началась война...

Тетя Аня неоднократно обращалась в военкомат, чтобы получить хоть какие-нибудь сведения о нахождении своего мужа. Спустя время военкомат дал от-

вет — младший лейтенант Степан погиб в первый день войны в Выборге.

В начале лета было тепло, светло и тихо. Но 22 июня 1941 года тишину и спокойствие нарушили частые сирены воздушной тревоги, а вскоре к ним присоединился и знаменитый стук метронома через репродукторы. Мне было 8 лет. Проживали мы с мамой в Приморском районе на улице Кемской. На протяжении всей блокады мы с мамой жили в Ленинграде безвыездно. Каждый день немцы бомбили город часами — днем и ночью. С наступлением темноты город забрасывали «зажигалками» (зажигательными бомбами). В воздухе горели «фонари». Затем начиналась бомбежка «фугасками» почти беспрерывно. Только за одну ночь рухнуло около 500 жилых домов. Во время одной из бомбежек сгорели Бадаевские склады, где находились основные запасы продовольствия для жителей блокадного города.

8 сентября 1941 года началась блокада. С ее началом были установлены нормы хлеба. Рабочим — 250 грамм, иждивенцам — 175 грамм, детям — 125 грамм. Но это был не тот хлеб, вкус которого мы знаем сегодня, это был хлеб на две третьих состоявший из примесей, а также целлюлозы. Продукты по карточкам полностью не отоваривали и поэтому люди, чтобы хоть как-нибудь поддержать в себе силы стали готовить еду из столярного клея. В столовых для населения варили дрожжевой суп.

Вскоре прекратилась подача электричества. Стал транспорт, замерз водопро-

вод, и обессиленным людям приходилось ходить за водой на Неву. Растапливали лед на самодельных печурках, используя вместо дров мебель, паркет, книги. Уже не было сил хоронить умерших. Для экономии тепла люди съезжались в одну комнату, а в пустые — выносили мертвых. Зима была холодная, температура доходила до -40. Мертвецы лежали до весны.

С первых дней войны начали эвакуировать детей. В Ленинграде должны были остаться только защитники города — это был приказ, нарушение которого могло обернуться трибуналом. Моя мама нахо-

дилась на казарменном положении дружинницей — сбрасывала с крыш зажигательные бомбы, тушила пожары, рыли противотанковые траншеи вокруг Ленинграда. Поэтому у нее не оставалось выбора, как подчиниться приказу. И вот в назначенный день мы пришли к автобусу, который стоял на улице Кемской возле клуба. Посадила меня в автобус, вышла и встала возле окна, у которого я сидела. Обстановка была тяжелая. Крики, плач родителей и детей. И когда водитель дал сигнал отойти от автобуса, моя мама поманила меня. Я подошла к двери, она меня вывела и сказала сопровождающему, что оставляет меня при себе. И привела домой. За это мамина начальница Воронцова Валентина Михайловна припугнула ее трибуналом. Но через пару дней стало известно, что состав, в котором ехали эвакуированные дети, и должна была ехать я, остановился на станции Лычково (между Новгородом и Дном) и ждал распоряжения о дальнейшем направлении. В это время налетели фашистские самолеты, стали сбрасывать бомбы на поезда, а тех, кто спасался бегством — расстреливали из пулеметов. Разбомбили и улетели. Пришли местные жители и стали вытаскивать из разрушенных составов, оставшихся в живых детей. Но в это время немецкие самолеты вернулись...

Когда мамина начальница узнала, что все составы разбомбили, а их было около десяти, она смилостивилась и больше мою маму не трогала, но перевела на более тяжелую работу. Люди с нашей улицы, у ко-

торых погибли дети, гладили меня по головке и говорил, что я счастливая.

Я училась в школе, потом в техникуме, общалась со своими сверстниками. И никогда мы не вспоминали о блокадных днях. А в 90-е годы Павел Воцанов вел передачу «Разговор со страной», где он подробно рассказывал о том ужасном дне, когда на станции Лычково немцы разбомбили составы с эвакуированными детьми. И вот тогда на меня нахлынули воспоминания...

У каждого дня блокадной жизни был один смысл — выжить, не сдаться и в первую очередь не сдаться самим себе. И мама не сдавалась.

Для экономии дров и тепла мы съехались с тетей Марией и мальчиком Колей (фамилии их не помню), с тетей Верой Матвеевой и девочкой Валею. Мама моя работала, а тетя Мария и тетя Вера нет, у них не было сил. В январе 1942 года умер Коля, а за ним его мама. В конце февраля 1942 года моя мама слегла, не могла подняться, чтобы пойти и выкупить хлеб. Ноги опухли, глаза впали, нос заострился. В один из дней мама не вышла на работу. Утром мамина начальница направила к нам комсомольский прожектор. Пришли, посмотрели, увидели, что в квартире в одной из комнат лежат два покойника, а в другой — еле живые тетя Вера с девочкой Валею и мы с мамой. О чем и доложили Воронцовой. Приехала подвода, забрали маму в стационар — для блокадного Ленинграда это было подобие дома отдыха. Мама рассказала, что дома оста-

лась я и недееспособная соседка с дочкой. Валентина Михайловна разрешила маме два раза в сутки навещать нас, так как хлебные карточки она не могла никому доверить. Мама приходила к нам каждое утро. Приносила кусочек хлеба, котелок воды из Невы, топила буржуйку, кипятила воду и поила нас. Вечером она нас тоже навещала, но приносила только водичку. Мама иногда тайком от всех откладывала от своего завтрака ложку каши и накладывала в стограммовый стаканчик, который прятала под мышку, так как при выходе из стационара всех обыскивали. Эту ложку каши она делила поровну — мне и девочке Вале. Эта ложка каши нас с Валей спасла.

Где-то перед Новым годом в декабре 1941 года мама встретила свою знакомую Марию Кашину. Поговорили о бедах. Она жила на Константиновском проспекте (в остановке от кольца трамвая, Елагинский мост). Сказала, что работает в столовой, в госпитале — бывшей школе недалеко от ее дома. И пригласила нас в гости. Вскоре мы ее навестили. Когда мы вошли в квартиру, то в нос сразу ударил запах еды. Я не помню, чем она нас угощала, но запомнила, что когда мы уходили, Кашина предложила маме оставить меня на неделю в гостях. А мою хлебную карточку оставить при себе. Мама обрадовалась, стала меня уговаривать. А я — ни в какую. Мама рассердилась и сказала, что все дети эвакуированы, а я все возле ее юбки. Так мы и ушли вместе. А жили мы не далеко, на расстоянии одной трамвайной останов-

ки. На 1 мая 1942 года мы решили навещать Кашину. Подошли к квартире, мама стала стучать, но никто не открыл. Мама стала еще сильнее стучать, вышел сосед-фронтовик на костылях без ноги. Спросил, кто нам нужен? Мама ему все объяснила. Он помолчал, посмотрел на нас и говорит: «Идите, пока живы!». Мама спросила, что же случилось. Он сказал, что они арестованы за людоедство.

Наступила весна 1943 года. По утрам еще были небольшие заморозки, а днем светило солнышко и с крыш домов капали звонкие капли. Мама предложила мне пойти на улицу погулять. Я вышла во двор. Кругом не было ни души — многие эвакуировались, а многие умерли.

Решила пройти в сторону проходной, как заметила на гаревой дорожке красивый камень. Посредине проходили ярко-красная и белые полосы. Я взяла его, чтобы показать маме. Иду дальше, а навстречу мне идет мужчина. Я сразу же обратила на него внимание, потому что он был очень хорошо одет: новый белый полушубок, новые светлые валенки и шапка-

ушанка, а на груди висел бинокль. Когда он подошел ближе, то спросил у меня, не знаю ли я, где находится воинская часть. Я насторожилась и решила не говорить правду, хотя отлично знала, где она находится. Дети в блокадном Ленинграде были очень бдительными. Наша улица Кемская упиралась в другую улицу. Если свернуть направо и идти в сторону Морского проспекта, то там располагалась летная часть, которая запускала во время авианалетов аэростаты. Другая воинская часть была расположена слева от Елагинского моста. Там находилась военно-морская застава. И я направила этого мужчину на Константиновский проспект в сторону Барочного моста. Я вернулась домой. А камень, который я нашла, называется сердолик. Только об этом я узнала гораздо позже и храню его до сих пор.

Летом этого же года мы с детьми пошли к Неве, чтобы поиграть там в прятки. Я спряталась под мостик, к которому привязывали лодки. И вот, когда я сидела под этим мостиком и следила за ведущим, то услышала какой-то стук. Я обернулась и увидела, что в конце мостика на коленях стоит мужчина и что-то выстукивает. Я поняла, что он работает на ключе «Морзе». Я вылезла из своего укрытия и побежала в сторону военно-морской заставы. Добежала до будки, где стоял часовой, все ему рассказала и указала место. И опять побежала к своим товарищам. Чуть позже во время игры я увидела как двое часовых подошли к мостику и увели того мужчину в сторону заставы.

В январе 1944 года нас в честь снятия блокады собрали на Дворцовой площади, была проведена торжественная линейка. На душе было радостно и празднично. Но после этих торжеств я сильно простыла и заболела двусторонним крупозным воспалением легких. Врачи не давали гарантии на мою жизнь. Но я выжила, я должна была жить.

К 1 мая 1944 года нам на карточки выдали муку. Мама пошла в магазин, который находился на Константиновском проспекте, а мне строго-настрого наказала быть во дворе. Через некоторое время начался обстрел из дальнобойных орудий. Обстрел был сильный, и мы с детьми спрятались на крыльце дома. Когда неподалеку упал очередной снаряд и полетели осколки, то один из них попал в крыльцо и пролетел мимо меня. Я страшно испугалась, выскочила на улицу и побежала в магазин к маме. Магазин был закрыт, я начала стучать и кричать, что там моя мама. Меня впустили. Вскоре обстрел прекратился. Мы выкупили муку и пошли домой. Но вдруг обстрел возобновился с новой силой. Мы с мамой спрятались в убежище. Мама предложила поесть муки. Говорит: «Может, погибнем, так хоть поедим перед смертью». Она насыпала мне и себе немного муки в ладошку. Но поесть так и не удалось. Мука во рту размокла, стала липкой, а что не размокло — забивалось в дыхательные пути. Обстрел кончился, и мы вернулись домой.

В 1946 году дома на улице Кемской пошли под снос. Там стали разбивать

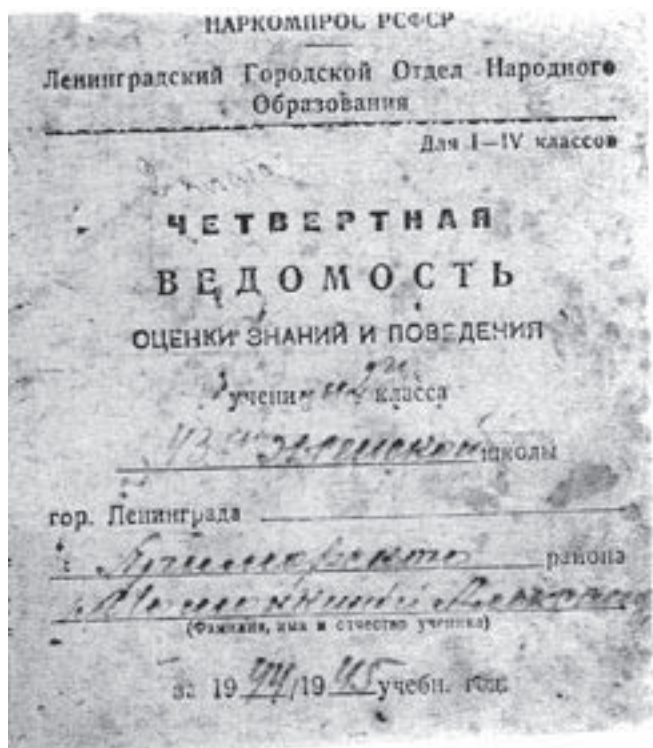
приморский парк Победы. Мы переехали жить в Московский район на Благодатную улицу.

На этом заканчиваются тяжелые воспоминания моего блокадного детства. Я уверена, что выжила только благодаря своей маме, которая всегда повторяла «Движение — это жизнь». Мы выжили, потому что все это время были вместе. Моя мама была награждена медалью за «Доблестный труд», имела медаль «За оборону Ленинграда».

900 дней блокада забрала из моего детства, 900 ран выжгла на моем детском сердце.

Я училась в школе №65 (в Приморском районе), а когда там разместили госпиталь, всех перевели в школу №43 на Константиновском проспекте. У меня сохранился школьный табель, в котором указано, что в 1943-1944 годах я являлась ученицей 2 класса СШ №43 Приморского района. А когда мы с мамой переехали жить на улицу Благодатную, то я перешла учиться в школу №351, которую и окончила в 1951 году. В этом же году поступила и успешно окончила Электротехнический техникум связи, по окончании которого получила направление на ра-

боту в Беларусь (город Минск), где и работала на приемном радиопункте «Станции технического радиоконтроля» в должности техника, старшего техника, старшего инженера. Отработала 15 лет.

В 1970 году перешла работать в производственный отдел заводу управления «Интеграл». В 1990 году вышла на пенсию.

В Минске в 1956 году встретила своего мужа, в 1959 году поженились. Вырастили двух дочерей. Имеем троих внуков, правнучку и правнука. Одна из наших дочерей с семьей в настоящее время проживает в Санкт-Петербурге.

* * *

*Целый день я сегодня бродил по знакомым местам,
Удивляясь тому, что их вижу как будто впервые.
Чуть вздыхала Нева, поднимаясь к горбатым мостам,
Вдоль проспектов цепочкой бежали огни золотые.
Летний сад за решеткой качался в сырой полумгле,
Чуть касалось щеки дуновенье просторного оста,
И разбрызгивал лужи трамвай, отражая в стекле
Клочья розовых туч да иглу над громадою моста.
В этот вечер откуда-то хлынула в город весна,
Рассекая все небо полоской зеленой и красной.
И сверкала на Невском, шумела толпой сторона,
Та, которая прежде была «при обстреле опасной».*

*Всеволод Рождественский
1945*

ВАСИЛЬЕВА Валентина Денисовна

Вот и Новый 1942 год. Отец пошел что-то продать и купил конину, жмыхи и бутылку вина, оказалось — подкрашенная вода. Я с детьми поехала в лес и привезла елку, маленькую, но елку.

Так пришел год страданий, голода, ужасов. Немец бомбил, обстреливал, сжимал кольцо вокруг Ленинграда.

12 февраля умер отец, умирал дважды. Первый раз умирал, я стала кричать, он очнулся. Уже ничего не ел. Лежал — кости да кожа, не вставал. Было жутко. А через несколько дней снова умирал. Тяжело и долго.

Мы: я, сестра и мать, были на ногах, двигались, ходили на Неву за водой, доставали дрова. Все, что можно было ломать из дерева, ломали. Недалеко от нашего дома был деревянный магазин и его стали ломать. Когда остались одни столбы, люди полезли на крышу. Строение рухнуло, подмяв под себя людей. Крики, стоны, мы с сестрой успели отбежать, ведь мне было 11, а сестре 15 лет. Нам повезло.

После смерти папы мама заболела желтухой. Ее положили в больницу, мы остались вдвоем — одни. Переехали на другую квартиру, где была печь, а не вре-

мянка. Это двухэтажные дома по проспекту Динамо.

Соседи жалели нас с сестрой, помогали, а мы доставали дрова, пилили, кололи, мыли им полы, помогали, чтобы нам достался кусочек хлеба, тарелка супа. У нас в доме соседка вязала носки для фронта, и я немного научилась и помогала ей вязать.

Я ходила в больших валенках и ватнике, меня часто принимали за мальчика. Я очень обижалась и показывала из-под шапки маленькие косички.

Однажды я пошла в магазин за хлебом, выкупила хлеб, а мальчишка выхватил у меня карточки и убежал. Прихожу домой, плачу, карточек нет, а жить еще 3 дня.

Мать в больнице, а сестра говорит: «Иди, и где хочешь, доставай». Я заплакала и ушла — было темно, холодно. Ушла недалеко от дома — боялась. Навстречу — две девушки военные, спрашивают: «Мальчик, почему ты плачешь?» — «Я девочка, у меня карточки украли, сестра выгнала из дома».

Они переглянулись и говорят друг другу: «Давай подарим», — и достают буханку хлеба. Я стою, разинув рот. Смотрю на них. Буханка хлеба — это чудо. Прино-

шу домой, а сестра глазам своим не верит.

Да, и в те суровые годы люди помогали друг другу.

В мае 1942-го нас, школьников, послали убирать урожай. Работали по 6-8 часов в день, в зависимости от погоды. Трудно было, но если выполнял план работы больше, чем на 100%, вечером давали стакан молока, а это что-то значило для нас. Я работала хорошо, старалась. На эти работы брали детей с 6 класса, а я была в 4-м, и все же это было лучше, чем сидеть дома. Нас кормили, мы были на воздухе, ели овощи.

Софья Антоновна — наша учительница — читала про зверства немцев, про Зою Космодемьянскую, про ее подвиг. Она всегда говорила: «Пройдут года, и вы — дети — заслужите за хорошую работу медаль «За оборону Ленинграда». Вы всегда будете в почете».

И на второй год я поехала работать в совхоз. Уже было полегче. Нас, детей, в 1943 году летом готовили к спортивному празднику на стадионе Ленина. Мы

очень гордились этим. Праздник проходил летом, и мы, окрепнув, смогли показать свои выступления.

Осень 1943 года. Мы закончили работу в совхозе, заработали не только деньги, но и овощи. С какой гордостью мы несли эти овощи домой. Ноябрь 1943 года. Нам сообщили, что те дети, которые хорошо работали, будут награждены медалью «За оборону Ленинграда».

Я получила медаль. У меня на руках большие гнойные волдыри, правая рука забинтована. Медаль вручили в левую руку. Мне было 13 лет. Всю дорогу домой я шла и боялась, что медаль упадет, и держала ее руками.

Я любила спорт, любила бегать, играть, и когда в марте 1945 года (еще была война) нас набирала в группу тенниса заслуженный мастер спорта Г. С. Коровина, — вступила одной из первых. Спорт помог нам почувствовать хоть какое-то детство. Фашисты не смогли его отнять.

45 лет я посвятила теннису. 35 лет проработала тренером — учила детей этому благородному виду спорта.

Мужество

*Мы знаем, что ныне лежит на весах,
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет.*

*Не страшно под пулями мертвыми лечь,
Не горько остаться без крова,*

*И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.*

*Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки.*

*Анна Ахматова
Февраль 1942 года*

Морячка

ГРИХАНОВА Роза Сергеевна

Почти в каждой советской семье хранились облигации. Их берегли на «черный день». Они были ценнее денег, может, потому что за них ничего нельзя было купить. Но тот, кто имел облигации, чувствовал себя уверенно. Государство когда-нибудь деньги отдаст. Это не сосед. Каждый, кто работал, обязан был на пол-оклада, а то и на весь оклад купить эти бумажки. Потом их берегли вместе с документами. И при первых обстрелах, когда еще бегали в бомбоубежище, облигации брали с собой.

Наша семья большая. Трое детей, родители, бабушка. И облигаций было много. У соседских ребят — поменьше, но все равно — это была большая ценность. И вдруг разнесся слух: то в одной, то в другой семье стали исчезать эти драгоценные бумажки.

Наш двор, если смотреть сверху, настоящий колодец. И дети всех четырех домов играли вместе, а значит знали обо всем, что делается в каждой квартире. Все чаще и чаще, стали рассказывать мы друг другу о семейных ссорах из-за... облигаций.

Я была очень хрупким, маленьким, пронырливым ребенком. Я знала все.

А тут — прокол. Кто и зачем забирал облигации — оставалось тайной.

Однажды вечером к моему брату Сереже пришли друзья. Они ему многозначительно подмигнули.

— Розка! Сгинь на кухню. — скомандовали они мне.

«Что-то тут не то», — сказала мне внутренний голос. Я сделала вид, что удалилась, а сама при-

строилась к двери и, о ужас! В щелочку увидела, как пацаны из-за пазухи достали пачку облигаций и стали что-то подсчитывать.

Кто-то из них загородил спиной дверь, и я больше ничего не увидела. А звук возбужденных мальчишеских голосов донес одно слово: Испания.

Весь следующий день я пыталась проследить за братом, но он, схватив сумку, куда-то убежал. Начало смеркаться. Я нетерпеливо ждала Сережу, чтобы хоть что-то выяснить. Но он домой не явился.

Всю ночь родители не сомкнули глаз. Утром родители оббежали всех его друзей. Телефонов ни у кого не было. Встревоженная мама стала собираться в милицию. Но раздался стук в дверь. На пороге — тетя Валя, мама Сережиного друга.

— Мой не у вас?
— А мы к вам собирались. Думали, заигрался.

— Нет, Моего тоже нет.

К нам приходили родители Саши и Славика. Ребята тоже не ночевали дома.

Положение становилось серьезным. Четверо подростков исчезли. Вместе с ними исчезли облигации.

Объявили розыск. Война еще не началась, и дети еще не пропадали.

Что могло случиться? Недоумевал весь наш квадратный двор.

Прошло трое суток. Мы играли в лапту, когда в проеме двора появились два милиционера. Рядом с ними, понурив голову, шли «пропавшие».

От изумления у нас открылись рты, и стало так тихо, как будто, кто-то выключил галдевшее радио.

Вдруг тишину прорвал радостно-отчаянный крик: «Сереженька!» Из подъезда выбежала мама и стала целовать его. Он как-то неловко отбрыкивался от нее. Потом что-то сказал милиционер, подбежавший к соседке. Мама отпустила Сережу, а соседка огрела своего сына затрепачной.

В те дни рассказывали, что в Испании началась война. И наши мальчики убежали на эту войну, не подозревая, что через несколько лет не вернуться со своей, а если и вернуться, то калеками.

Это они у кого могли стащили облигации, продали их и купили билеты на поезд. Мальчишек нашли в Одессе. Может их бы и не нашли, если бы я не

рассказала маме, что слышала, как они шептались «Испания» и пересчитывали облигации.

Испания, Долорес Ибарури, Чкалов, Северный полюс, летчики, моряки — это идеал довоенных подростков.

Я, с торчащими лопатками, едва расставшись со своей любимой куклой, хотя мне уже 15 лет, подаю заявление в техникум речного флота. Я решила водить корабли даже как-то умудрилась попасть на судоводительское отделение. «Наша морячка», — ласково и с гордостью называл меня отец. Большой сильный человек. Коммунист. Как понимаю теперь, занимал ответственный пост, потому что мама в сердцах ему часто выговаривала, что его коллеги имеют отличное жилье, а она вынуждена по ночам стирать в тазике, так как квартира была без удобств. Отец миролюбиво говорил: «Ну что ты, голубушка, у нас царские условия.. Посмотри сколько людей живут в полуподвалах!» И мама, тихонько вздохнув, умолкала и продолжала стирать по ночам. А папа уходил на работу в Смольный. «Морячка», то бишь я, неслась в красивое здание из белого мрамора, где находился наш техникум.

Но радость продолжалась до первой врачебной комиссии. «Не годна», — в один голос сказали врачи и предложили мне найти что-нибудь более женское, более подходящее для хрупкого создания, каким была тогда я. Я горько плакала Мне казалось, что меня все нарочно обижают за то, что не вышла ростом. Я не

могла себе представить, что не буду больше подниматься по белым ступенькам, не надену матроску, и я согласилась перейти на гидротехническое отделение; но что это такое — мне не пришлось узнать.

Пришло лето 1941 года. Сначала никто не боялся этой войны. Знали, что она вот-вот закончится. Но война приближалась все ближе и ближе. А мы все равно не боялись. Не боялись, потому что еще никто не умер. Первые налеты фашистов и бомбежки казались просто нелепостью. От бомб мы прятались в дверном проеме и только прислушивались, как где-то разрывались снаряды. Как будто дверной проем мог защитить.

И все-таки он защитил. Ни одна бомба не попала в нашу квартиру. Она была как-будто заговоренной. Правда, бабушка каждый раз осеняла дверь крестом. Бабушка была верующая, и каждое воскресенье нас, детей, водила в церковь. А на пасху мы одевались во все самое лучшее и вместе со всем двором шли на праздник. Останавливались трамваи, пропуская народ. В церковь и на демонстрацию шли с одинаковой радостью. Да и вообще, детство было радостью. В радость был каждый день.

Забегая вперед, скажу, что ленинградцы даже в самые тяжелые блокадные дни старались детям доставить радость. На

новый 1942 год в детских садах были новогодние представления и раздавались подарки, ставшие для кого-то первыми и последними.

А «морячка» теперь уже шагала на свой гидравлический факультет, пытаясь узнать, что это за профессия. Но однажды жестокая дифтерия не дала подняться по мраморным ступенькам. Зато целый месяц отливала нездоровым мрамором бритая наголо голова. Когда вернулась из больницы домой, квартира оказалась целой, но абсолютно пустой — нас обворовали. Заговоренную бабушкиным крестом квартиру уберегло от бомб, но не спасло от людей, в чьих душах зрело зло. Они наживались на горе других и тайком процветали.

Я заперлась в комнате, понимая, что это конец. Бабушка и мама уже умерли. Сестра, добавив себе годы в паспорте, вместе с братом ушла на фронт. Жить незачем и не за что. Я решила тихо умереть.

Но мне не дали. Восемь «морячек» с нашего гидравлического факультета обнаружили меня и не дали умереть. Нас ждала Ладога. Ждала своих несостоявшихся морячек и, как оказалось, без нашей помощи не могла обойтись. Сколько снарядов, пищи, людей мы перевезли! А сколько трупов вытащили из реки. Об этом знаем только мы и Ладога.

Фабзайцы

ДОВГАЛЬ Николай Павлович

Деревня Смык провозжала семиклассников в большую дорогу. Угловатые деревенские подростки хорохорились, демонстрируя свою независимость. А на самом деле было страшно покинуть свою деревню, маму, от которой всегда пахло парным молоком. Не дай бог, это заметят друзья — засмеют на всю жизнь. И шестеро пацанов пошли на смык деревни с городом. Совет Народных Комиссаров в 1940 году принял постановление о трудовых резервах. Нужно было строить страну, А страна Россия была в основном крестьянской.

Холщовые рубахи, лапти — в сторону. Первый настоящий костюм и туфли непривычно обнимали тело и ноги.

Если взглянуть в окно хаты, с улицы, то видно, как в зеркале, отражение растерянного неуклюжего паренька. Дальше своего Смыка он нигде не был. А тут такая даль — город Осиповичи, потом Могилев, а потом — Ленинград. Предстоящее путешествие манило, влекло своей загадочностью.

Мама отварила яиц, кусок хлеба, отрезала сала.

Ночь в Доме колхозника в Могилеве, санобработка в бане. Утром целый состав

из белорусских подростков отбыл в Ленинград. Учиться в ФЗУ, Страна готовила рабочие кадры. Довезли не всех. Двое сбежали и тогда вагоны закрыли наглухо.

В октябре 1940 года, наконец, закончилось нудное путешествие. Но ленинградцы приняли дружелюбно. Неуклюжих деревенских подростков опекали: не разрешали одним болтаться по улицам. Ходили только строем,

чтоб не потеряться в шумном городе.

Постепенно подростки превращались в щеголеватых (в сравнении с деревенскими парнями) ФЗУшников. Красивая форма, обувь, походы в кинотеатры, зоопарк — сделали свое дело. Началась новая безоблачная молодая жизнь. Незаметно подошли каникулы. Хотелось домой, но это далеко.

22 июня поехали в Озерки, Накупались вдоволь. К обеду шумная голодная ватага села в электричку. Едем на обед. Почему плачут женщины? Почему у репродукторов люди толпами? Что за новое слово «война».

Фашисты ползли к Ленинграду, И стар, и мал выходили за город копать оборонительные противотанковые рвы, траншеи.

Фуражки фабзайцев мелькали среди людей, а через 3 дня исчезли и появились в Кронштадте. Им дали более серьезную работу.

25 сентября 1941 года на Кронштадт посыпались зажигательные бомбы. Каждая — 25 кг весом. Мальчишки хватали их руками и сбрасывали с чердаков. За каждую бомбу дают по талону на обед. Жить можно. Главное не дать сжечь город.

Но город горел. Горели люди. Начались смерти. Начался голод.

— Взять санки, шпагат и на обход. — начальник цеха Л. Н. Мстельников дает задание. — Проверьте сначала своих. Кто три дня не выходил на работу — узнайте где находится, зайдите домой. Смотрите всюду если не уберем трупы погибнем все.

Три дня не выходил на работу Ваня Прохоров. Он жил вместе с мамой. Любящий сын отдавал ей свой ФЗУшный паек. Уверял ее, что сыт. А сам уже едва двигался, распух от голода. Сегодня третий день, как его никто не видел. Нужны санки.

Парни поднимаются втроем на второй этаж. Двери раскрыты. На полу лежит Иван, рядом мать. Крысы, огромные крысы, сидят на них и вершат свой кровавый пир.

С ужасом отступают назад. Но их трое. И в ушах: «Не уберем трупы — погибнем все».

Завернули обгрызенных Ваню с мамой в простыню. Связали шпагатом. На большее нет сил. По лестнице не сойти. Разорвало в доме водопроводную трубу и лестница превратилась в ледяную горку.

Пошли за подмогой. Свезли бывшего товарища в госпиталь зарегистрировать. Тогда еще умерших регистрировали.

Понесли в труперню, а там уже штабеля из таких же Иванов.

— Бросайте их повыше, а то места не хватит.

... Дома в деревне Смык, что в Белоруссии, возле хлева всегда лежала аккуратная поленица дров,

— Бросай повыше. Колька... — голос начальника труперни смешивался с голосом отца. Я уже не могу различить их... и что-то кидаю повыше. То ли Ивана, то ли березовое бревно. Мне уже все равно, Я едва держусь на ногах. От голода, холода и страха. Диагноз — «дистрофия». Но это еще ничего. Главное, чтоб не съели крысы.

Не съели. 17 ноября 1943 года меня, белорусского паренька. Николая Довгалея, ленинградского ФЗУшника наградили медалью «За оборону Ленинграда», а 18 февраля призвали во флот на краснознаменный крейсер «Максим Горький».

Смычка деревни с городом состоялась.

Потомки наши, дорогие наши!

ЛЕЙЗЕРОВ Аркадий Тевелевич

(17.01.1922 - 12.03.2007)

«Тому времени, Ленинграду, мы отдали все, что могли — юность, здоровье, наши мечты. Здесь погибли семьи многих из нас. Наши боевые друзья, наши однопольчане покоятся на Киневеевском кладбище Ленинграда, они лежат на дне Ладожского озера. Многие из тех, кто после 2-го ЗПП воевал в других частях, покоятся на бесчисленных военных кладбищах Восточной и Центральной Европы.

Вечная им память!»

А. Т. Лейзеров (Из книги «Они защищали небо Ленинграда»)

Родился 17 января 1922 года в Минске. Его отец Тевель Исаакович был научным работником, а мать Мирра Исааковна работала провизором. В 1939 году А.Т. Лейзеров окончил с отличием 1-ю Минскую среднюю школу имени А.С. Пушкина. Большую роль, в жизненном выборе Аркадия сыграл его дядя (брат матери) — легендарный советский разведчик, полковник госбезопасности Яков Исаакович Серебрянский (1892-1956 гг.). В 1939-1940 годах Лейзеров был студентом Минского юридического института. В 1940-м

со второго курса этого вуза его призвали в Красную Армию, во 2-ой корпус ПВО Ленинграда. Там и застало А.Т. Лейзерова начало Великой Отечественной войны. Участник Великой Отечественной войны с 22 июня по 9 мая 1945 года непрерывно был на должностях младшего командира, политрука зенитно-пулеметной роты, командира зенитно-пулеметного взвода, заместителя командира зенитно-

пулеметной роты 2-го зенитного полка Ленинградской армии ПВО (Ленинградский фронт, Украинский фронт). Задача зенитно-пулеметных рот состояла в защите важнейших объектов города от бомбежек с малых высот. Встречая сильный огонь на малых высотах, авиация противника, как правило, не предпринимала бомбежку города с этих высот и с пикирования. В августе 1941 года один батальон 2-го зенитно-пулеметного полка в составе 27 ДКШ несколько дней выполнял боевое задание по прикрытию наземных войск в районе Гатчины. Огнем этого батальона были сбиты 4 самолета Ю-88. Части зенитной артиллерии и зенитных пулеметов 2-го корпуса ПВО сыграли значительную роль в первые месяцы войны не только в обороне Ленинграда, но

и в борьбе с наземным противником. В 1941-1942 годах ряд подразделений полка проявили высокое боевое мастерство в боях с наземным противником у Пантонной, Ивановской, Шушар, за Пушкиным, у Колпино. В этих и ряде других мест полк понес ощутимые потери. Октябрь-ноябрь были самым трудным периодом для войск ПВО Ленинграда. С 12 сентября 1941 года враг продолжал обстрелы и бомбежки. С 1 октября по 24 ноября авиация противника произвела 37 бомбардировочных налетов на город. В них участвовали 840 самолетов. Из них 720 самолетов проникли в небо Ленинграда. Один из самых больших налетов на город был совершен 4 апреля 1942 года. Врагом был совершен «звездный налет», с разных направлений многими эшелонами на корабли КБФ, стоявшие в закованной льдом Неве, налетели более 100 бомбардировщиков. На пикировании они бомбили корабли. Мощное сопротивление всех средств ПВО помешало врагу. Налеты продолжались 24, 25, 27, 30 апреля. Во время каждого из них взводы 2-го ЗПП показали высокую боевую выучку, препятствуя совместно с зенитной артиллерией прицельному бомбометанию с пикирования. Прекрасно проявила себя на ПВО Ладужской трассы 124-я отдельная зенитно-пулеметная рота, сформированная на базе полка. В условиях суровой зимы зенитные пулеметчики в течение нескольких месяцев непрерывно находились на льду озера. Жильем для них служили ледяные домики из утепленных фанерных щитов,

поставленные на полозья. Время от времени на поверхности льда выступала вода, образовывались трещины и выбоины. Отдельные огневые позиции перемещались по десять раз и более. Летом 1942 года немцы стали готовить штурм Ленинграда. В подготовку отражения наступления были включены и войска ПВО. Во 2-м ЗПП были подготовлены запасные позиции, ОП которых располагались на земле, для ведения боя в городе. ОП, расположенные на крышах домов, приспособлялись для ведения пулеметами огня и по наземным целям. Многие угловые дома, вернее, их угловые квартиры, превращались в укрепленные точки, их окна были превращены в амбразуры. Среди объектов охраны была единственная работавшая 5-я ГЭС, которая тогда служила сердцем города. Она давала электроэнергию в госпитали, Смольный, еще работающим цехам отдельных заводов для фронта. Для ПВО 5-ой ГЭС была создана группа, в которую входили подразделения трех зенитно-артиллерийских полков, зенитная железнодорожная батарея, 8-я рота 2-го ЗПП. Взвод лейтенанта А.Т. Лейзерова находился на жилом 3-этажном здании в 150 метрах от здания ГЭС. Большие группы бомбардировщиков воины встречали сильным огнем, и ни одна не достигла цели. Зенитчики ставили огневую завесу, и самолеты освобождались от бомб, не долетев до цели. Ни в одном налете 8-я рота не допустила бомбежки с пикирования. Это было ее главной задачей. Она выполнила ее. Всего в

1943 году город подвергался налетам в течение 230 дней. По городу было выпущено 28 913 снарядов. В одни сутки разрывалось до 1638 снарядов. Немалую роль в отражении налетов авиации сыграли артиллерия малого калибра и зенитные пулеметы. В 1944 году налеты на город прекратились. После снятия блокады на базе полка был сформирован отдельный дивизион ПВО железнодорожных эшелонов. Его взвода (ЗПВ) обеспечивали надежное прикрытие эшелонов с войсками, военными грузами. Самолеты противника совершали налеты на эшелоны на бреющем полете. Самолет мог быть обнаружен только за считанные секунды до бомбежки и обстрела. Невозможность получения данных о воздушной обстановке приводила порой к созданию критической ситуации. Так было в январе-феврале 1944 года на станции Веймари, где скопилось несколько воинских эшелонов и сопровождавших их ЗПВ, командиром которого был А.Т. Лейзеров. Летом 1944 года несколько взводов прикрывали эшелоны на Карельском перешейке, где опасность налетов была постоянной, и дежурные расчеты были на месте. Участник обороны Ленинграда с 1941-ый по 1944 годы на всю жизнь запомнил ужас и кошмар тех незабываемых 900 блокадных дней, унесших жизни многих его однополчан и сотен тысяч ленинградцев. В середине октября 1942 года Лейзеров подобрал на улице больного человека и доставил его в приемный пункт для дистрофиков, который находился на Аничковом дворце. На

просьбу к медсестре, чтобы дала ему поесть, она ответила, что единственное, что может сделать, — это место в помещении. Увиденная картина всю жизнь стояла перед его глазами: «Тянувшиеся по обе стороны прохода нары, и на них тесно, прижавшись друг к другу, лежали одетые в верхние платья люди. Они не шевелились. Глаза всех были закрыты. Отличить живого от мертвого было невозможно».

В его памяти сохранился увиденный им «на пустынной набережной Невы, не очень далеко от Литейного моста, мертвый мальчик в форме ФЗУ. Уже было холодно, выпал первый снег. Он лежал на спине, вытянув руки по швам».

Вот еще одно воспоминание, после которого скоро, очень скоро, такие встречи стали обычными: «Я шел по пустынному Суворовскому проспекту. Вдруг я увидел мчавшийся на большой скорости в сторону Смольного большой грузовик ЯГАЗ. Так называемый 5-тонный грузовик Ярославского завода. В его кузове, намного выше кабины, была огромная груда в беспорядке сваленных тел. Поверх этой груды лежал кусок брезента».

О той трагедии и подвиге ленинградцев, о страшной судьбе, постигшей Ленинград, А.Т. Лейзеров в обращении к читателям в книге «Они защищали небо Ленинграда» привел стихи поэта Юрия Воронова:

*Рушится ночью небо.
Голод и синь с рассвета.
Если бы я здесь не был,
Я б не поверил в это.*

*Как не просто будет
Вновь обрести нам силы,
Чтобы поведать людям,
Что с Ленинградом было.*

С начала лета 1944 года Лейзеров был назначен командиром отдельного ЗПВ в дивизионе, и дивизион был направлен на 3-ий Украинский фронт. Новый, 1945 год дивизион встретил в Бухаресте с отправкой в Венгрию. Там началась операция по овладению Будапештом. Его ЗПР сопровождали воинские эшелоны, идущие на Будапешт. В январе был взят Будапешт, а 14 апреля — Вена. Дорогой памятью стали для него медали за взятие этих городов.

Затем поздней осенью полк был расформирован и Лейзеров был откомандирован в стрелковую дивизию, которая располагалась в Западной Румынии, в Араде. Он стал командиром ЗПВ зенитной батареи 35-го тяжелого танко-самоходного Рижского полка.

В своей книге «Они защищали небо Ленинграда» А.Т. Лейзеров написал: «Окончилась война. И в этот день — 9 мая — вспомнился 2-й ЗПП. Уверен, вспомнили его все, кто служил в нем в военные годы. Мы вернулись и разбрелись по земле, на долгие времена поселилась в нас боль, ибо оказалось, что военные дни прожиты нами с пользой неповторимой, что нужны мы были в те дни, как никогда больше, а, значит, эти дни были самыми счастливыми в нашей человеческой жизни».

Каждый год в День Победы профессор Лейзеров ездил в Санкт-Петербург

на встречу с однополчанами, которых становилось все меньше и меньше. Первая встреча ветеранов 2-го ЗПП состоялась 9 мая 1974 года на Марсовом поле, где когда-то был штаб 1-го батальона. Однополчан собралось уже немного: из 150, только 20-25 человек. Об этой встрече А.Т. Лейзеров пишет: «Давно расформирован полк, а однополчанам все кажется, что полк, их полк, жив. А может так оно и есть? Ведь если не кончается война для тех, кто был на войне, то не кончается и полк...

Задачей полка и еще нескольких частей МЗА было не допустить бомбежек города с небольших высот. Полки выполнили эту задачу. Может быть, это не много, совсем немного. Ведь полк не брал город, не форсировал реки. В его честь не гремели залпы салютов. Но однополчане гордятся тем, что они — среди тех, кто отстоял один из самых красивых городов мира».

А.Т. Лейзеров присоединился к словам А. Марьямова о своем полку и внес эти слова в свою книгу: «Среди однополчан много ленинградцев. Их узнаешь сразу — по той особой печати, которую оставляет на своих детях Ленинград, его белые ночи, прозрачный чугуны садовых решеток, вся изысканная тонкость, какой он окружает своих подростков с их первого лепета и первого шага».

С 1974 года Лейзеров ездил почти на все встречи, за исключением 2-3 из них. Каждый раз много фотографировал: «Много конвертов хранится у меня. Ино-

гда я извлекаю конверты из папок и вглядываюсь в дорогие лица. На них радостный отсвет их юности. Ведь этот день — 9 мая — все мы чувствуем себя молодыми. Мы снова в стране, которая называется «Юность».

В одной из книг И. Герасимова «Семь дней отдыха. Соловьи» — М.: Сов Россия, 1969, на с. 27 А.Т. Лейзеров оставил закладку, и там были следующие слова автора книги: «... Мы шли через город, через сгущавшуюся синеву мороза, мимо цоколей домов, покрытых густой солью инея, мы шли к Неве, где были окопы, и где была война. Так мы и идем до сих пор. Я навечно приговорен к этому городу. Здесь началась и кончилась моя юность. Но она начинается вновь, когда наступают белые ночи, стоят у домов в бессонном карауле, лишив все предметы теней. Тогда-то, зная заранее, чем это грозит, я сажусь в поезд, еду в Ленинград. Мне нужно пять дней и пять белых ночей, чтобы вновь увидеть сон, где есть мраморные цоколи домов, покрытые крупным инеем, и отпечатки ладоней на них, чтобы пережить все с самого начала.

Так каждую весну снова начинается моя юность»...

Именно воспоминания о боях на Ленинградском фронте в годы Великой Отечественной войны, о блокаде Ленинграда вместе с результатами архивных изысканий легли в основу его статей в ленинградских и белорусских газетах, а также вышедшей книги в Ленинграде в 2001 году «Они защищали небо Ленинграда

(Из истории 2-го зенитно-пулеметного полка)». С 1940 по 1957 год он находился в рядах Советской Армии.

Майор в отставке Аркадий Тевелевич награжден орденом Отечественной войны 2-ой степени, двумя орденами Красной Звезды, 14 медалями, в том числе, медалями «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда», «За взятие Будапешта», «За взятие Вены».

С 1945 по 1957 год служил на командных должностях в Советской Армии, в системе Военных трибуналов, в органах местного военного управления.

В 1949 году он окончил Военно-Юридическую Академию Советской Армии в Москве. В 1954 году окончил Военный институт иностранных языков Советской Армии в Москве. С 1959 года — научный сотрудник Отдела правовых наук Академии наук БССР. С 1966 года — доцент, профессор юридического факультета Белорусского государственного университета. В 1966 году защитил кандидатскую диссертацию по конституционному праву в Институте государства и права АН СССР в Москве. Результатом многолетних научных изысканий А.Т. Лейзерова стала его докторская диссертация «Теоретические проблемы усовершенствования демократических начал в формировании и деятельности местных Советов депутатов», защищенная в 1988 году по конституционному праву на юридическом факультете Московского университета.

В ведущем вузе республики Аркадий Тевелевич работал более 35-ти лет. «Уче-

ный с большой буквы» — так его называли многие выпускники юридического факультета Белорусского государственного университета. О научном авторитете А.Т. Лейзера свидетельствует и такой факт: в 1993-1994 годах он входил в состав Комиссии по разработке проекта Конституции Республики Беларусь, а в 1990-е годы являлся членом научно-конституционного Совета Конституционного Суда Республики Беларусь. Автор более 280 научных работ по конституционно-правовым проблемам, в том числе 5-ти монографий. Научные труды публиковались в Минске, Москве, Ленинграде, других городах бывшего СССР. Ряд трудов опубликованы в Германии, Польше, Венгрии, США, Израиле. Сферы научных исследований: Конституционное право, Великая Отечественная война (оккупация Беларуси, военные действия на Ленинградском фронте, блокада Ленинграда), Холокост.

На основе материалов из Национального архива Республики Беларусь А.Т.

Лейзеров раскрыл неизвестные и малоизвестные страницы Холокоста в Беларуси, участие белорусских евреев в Сопротивлении нацистам.

Участник ряда международных научных конференций (Венгрия, Германия), всесоюзных, межреспубликанских, республиканских. Вузовских научных конференций.

*Материал подготовила
Ивахненко Зинаида Павловна,
библиотекарь гимназии №74
города Минска.*

*В основу воспоминаний взят
авторский текст книги А.Т. Лейзера
«Они защищали небо Ленинграда.
(Из истории 2-го зенитно-пулеметного
полка Ленинградской армии ПВО)» —
Ленинград, 2001. — 165 с.*

*Статья Эммануила Иоффе «Ученый с
большой буквы». Вышедшая к 80-летию
профессора А.Т. Лейзера.*

* * *

*Мы тоскуем и скорбим.
Слезы льем от боли...
Черный ворон, черный дым,
Выжженное поле...*

*А за гарью, словно снег.
Ландыши без края...
Рухнул наземь человек, —
Приняла родная.*

*Беспокойная мечта,
Не сдержать живую...
Землю милую уста
Мертвые целуют.*

*И уходит тишина...
Ветер бьет крылатый.
Белых ландышей волна
Плещет над солдатом.*

*Георгий Суворов
1944*

Мы отдавали все силы, чтобы остановить противника

МИХАЙЛОВ Иван Адамович

Окончил 7 классов в 1940 году. В этом, 1940 году, был набор на обучение молодежи по специальностям в Ремесленное училище города Ленинграда. С нашей деревни мы со своим другом собрали нужные документы и уехали в Ленинград. Эшелон, в котором ехали белорусские ребята, прибыл в Ленинград на Балтийский вокзал, где нас встречали представители города Ленинграда. После встречи нас распределили по разным училищам.

Я со своим земляком Шафаренко Иваном Трофимовичем, был зачислен в 38-е Ремесленное училище, которое находилось на улице Можайской, 49, около Обводного канала. После прибытия нас повели в баню и выдали форму с названием 38-го Ремесленного училища. Затем нас распределили по специальностям. Мой друг был зачислен в 8-ю группу обучения на токаря, а я в 17 группу обучения на слесаря-инструментальщика.

Мастером в нашей группе был молодой мужчина Кудин Владимир. Очень грамотный руководитель. В нашей 17-й группе я приобрел хороших друзей-ленинградцев. Мамолыгин, Синяков, Су-

хий — все они погибли в Ленинграде от недостатка питания.

Начало войны

22 июня 1941 года, в воскресенье, нас отпустили в город, это был хороший, солнечный день. Мы с моим земляком в это время были около Витебского вокзала, и в это время прозвучало сообщение о начале войны, что гитлеровские войска перешли нашу границу и вели бои на многих участках фронта.

Участие в защите Ленинграда

Когда немецкие войска подошли к городу Ленинграду, наше 38-е Ремесленное училище, согласно приказу, было направлено на рытье окопов, траншей, землянок для наших воинов на Пулковские высоты, где мы отдавали все силы, чтобы остановить противника. Когда наши войска стали отходить, нас стали бомбить немецкие самолеты. А мы, в это время, прятались в свои окопы. В то же время стали сбрасывать бомбы и на наше убежище, но наш истребитель, зайдя сзади, двумя очередями сбил немецкий самолет. Немецкий летчик покинул самолет и спу-

стился на парашюте, после чего отцепил парашют и побежал. Неподалеку рос кустарник, где он и спрятался. В это время наши солдаты окружили кустарник, и летчик был пойман. Привели к нам, и так в августе 1941-го я в первый раз увидел немецкого летчика. Это был стройный, высокорослый немец, с рыжими волосами. После того, как немецкие войска взяли эти высоты, нас перевели на финскую границу, где в то время стояли наши дальнобойные орудия. После этого мы вернулись в Ленинград, в свое училище. 8 сентября 1941 года замкнулось кольцо блокады Ленинграда.

6 сентября 1941 года немецкие самолеты сожгли Бадаевские склады, и с этого времени в Ленинграде началась голодовка.

В марте 1942 года я от голода сильно заболел, и меня наша няня на саночках отвезла в больницу на Международный Проспект. Когда я пришел в себя, была уже настоящая весна, и в городе уже не было снега.

Прошла эвакуация

В августе 1942 года наше 38-е училище было эвакуировано на пароходе через Ладожское озеро. Когда пароход подошел к середине озера, нас стал бомбить немецкий самолет, но, благодаря нашим зениткам на борту, пароход был защищен. После мы благополучно переехали Ладожское озеро и нас встретили и стали вывозить к реке Волга, где погрузили на пароход и эвакуировали в город Куй-

бышев. Там нас встретили хорошо и перевезли в школу, где мы жили все время.

В Куйбышеве у нас был новый мастер, который возил нас на Безымянку на Авиационный завод. На этом заводе мы работали. Весной 1943 года завод отправил нас в подсобное хозяйство, в Петровский район Куйбышевской области, где мы работали и поправляли свое здоровье все лето. Осенью, после уборки, мы возвратились на свое место жительства, и продолжили работу на Авиационном заводе.

Воинская служба

В ноябре 1944 года я был призван в ряды Советской Армии и проходил курсы молодого бойца в Марийской АССР, городе Суслонгерь. Служба проходила очень строго, питание было плохим, выдалась суровая зима, мы жили в землянках, где не было света.

После прохождения курса молодого бойца нас направили в Саратовскую область, в поселок Разбойщина, где проходили учебу в 31-м отдельном танковом полку. По окончании школы, присвоили звания младших сержантов, и отправили на пересыльный пункт для формирования и отправки на фронт.

В 1945 году я был направлен в Шестую Гвардейскую Ровенскую Ордена Ленина, Краснознаменную, Краснознаменную, Ордена Суворова II степени Дивизию,

которая находилась в Чехословакии, городе Прага. В 1947 году наша Дивизия была переведена в город Борисов. В этой дивизии я прослужил до 12 августа 1971 года.

В 1971 году, прослужив 26 лет, ушел на пенсию.

На пенсии начал работать в Борисовском райисполкоме, где проработал до 2000 года.

Сейчас нахожусь на заслуженном отдыхе, но выполняю общественную работу. 8 мая 2003 был избран Председателем Блокадников города Ленинграда по Борисовскому району. В нашей организации насчитывается 34 блокадника.

Имею знак «Житель блокадного Ленинграда», медаль «За оборону Ленинграда» и награжден многими другими медалями.

Наш город

*Пусть тянет руку дерзкий враг
К нам в ленинградские пределы.
Их было много, тех вояк,
Чья рать войти сюда хотела.
На неприступном берегу
Обрубим руку мы врагу.
На крыльях черные кресты
Грозят нам нынче с высоты.
Мы стаи звезд на них пошлем,
Мы их таранить в небе будем,
Мы те кресты перечеркнем
Зенитным росчерком орудий.
Стой, ленинградец, на посту,
Смотри в ночную высоту,
Ищи врага на небосклоне, —
С тобой на вахте боевой*

*Стоит великий город твой
И дни и ночи в обороне!
Проверь и крышу, и подвал,
Забудь, как мирно ночевал,
Забудь беспечность и веселье.
Пускай, как крепость, темен дом.
Он вспыхнет радостью потом —
В победы нашей новоселье.
Наш город! В нем увидишь ты
Закалки ленинской черты,
Неиссякаемую волю.
Вглядись — в нем сталинская статья,
Не может в битве он устать,
Врага он к бегству приневолит!*

*Николай Тихонов
1941*

МЕЛЬНИКОВ Константин Владимирович

Родился 20 июля 1926 года в Ленинграде. Отец — партийный работник, мать работала на рояльно-пианинной фабрике «Красный Октябрь». Жили мы на Васильевском острове, угол Среднего проспекта и 12-й линии.

До войны окончил 7 классов. Подал документы для поступления в Ленинградский энерготехникум и тут война. Нас учили, как бороться с зажигательными бомбами, как их гасить щипцами в бочке с водой или сбрасывать с крыши на улицу. Дежурили мы на пару с девушкой по имени Анна Цветова. Потом она ушла воевать. На моем счету около 20-ти обезвреженных бомб, но свою квартиру не спас — сгорела.

Особенно голодно было в конце 1941 и начале 1942 года. Брат мой Юра, который был моложе меня, уже не мог ходить.

В конце февраля нас через Ладогу отправили на большую землю на машине. Ехали ночью, а фашистские самолеты повесили светящиеся приспособления на парашютах и бомбили нас. Одна машина ушла под воду. Меня, когда я привстал, сбросило с машины ударной волной. Остальные во время бомбежки лежали. Колонна ушла, а я остался на льду мокрый и с болью в спи-

не. Оказалось, что меня задело. Подобрала меня машина, которая шла в сторону Ленинграда, в Невскую Дубровку в медсанбат. Там у меня удалили железку из спины, и я попросил меня никуда не отправлять из медсанбата, а подобрала меня, как я потом узнал, Жилинская Маргарита Александровна.

Я не пишу о «Невском пяточке». Лучше никогда не видеть такое количество погибших солдат и матросов на таком ма-

леньком и очень важном клочке земли.

В медсанбате меня прозвали «матросиком». Меня одели в матросскую форму, видно с погибшего, и звали — Костя-матросик.

В медсанбате №14, 96-й Стрелковой дивизии уже в феврале 1943 года мне выдали справку, что я работал в медсанбате санитаром, и отправили меня через коридор на Большую землю.

Уехал я в Костромскую область, город Галич. В этом же году осенью был призван в Армию и прослужил до осени 1950 года. В настоящее время нахожусь на общественной работе — секретарем Дзержинского РК КПБ и членом президиума ОО «Белорусский Союз блокадников Ленинграда».

Эпизоды нашей блокадной жизни

ОДИНЕЦ Николай Григорьевич

В возрасте 14-ти лет я уехал из Белоруссии в Ленинград учиться в ремесленном училище. Там меня и застала война.

В памяти у меня сохранились эпизоды нашей блокадной жизни: холод, голод, разруха. Работаем на военном заводе, там же и спим на полу, возле станков. По ночам дежури́м на крыше, сбрасываем зажигалки.

Из моих друзей, уехавших в Ленинград из Гомельской области, умерли от голода, болезней двадцать человек. Осталось в живых только трое.

Нас спасла Дорога жизни, по которой нас вывезли из осажденного города.

Но светлый день свободы для многих стал последним днем. Дело в том, что нас, изголодавшихся, ждала очень вкусная еда, на которую мы набросились. И вдруг мой друг выбил котелок из моих рук. Я сначала очень расстроился и обиделся. Но потом был за это ему гл

убоко благодарен всю оставшуюся жизнь. Это потому, что на моих глазах ребята падали и мигом умирали. Желудки не могли усваивать жирную пищу.

Ольга Бундыга, ученица 7-го класса ГОУ школа №98

Две капли

ОСИПЧИК Римма Ивановна

...Страшные худюшие руки из одних костей без капли мускулов, шершавые, как неоструганная доска, тянутся ко мне со всех сторон. Их огромное множество. Вся моя комната заполнена этими руками. Они тянутся и тянутся, пытаюсь схватить меня. Я в ужасе забиваюсь в угол кровати, кричу, но крика не слышно в жутких голосах, которые сыплются на меня из всех уголков. Мужские, женские, детские. Тихие, молящие, злые, раздраженные, умирающие. В них одна фраза: «Ты мне не долила двух капель... ты повинна в моей гибели. Смерть тебе... смерть... Они все ближе и ближе. Я не могу дышать. Чья-то холодная рука скользит по моей шее, и я, ощущая, что она схватит меня, через силу кричу: «Мамочка!» И... просыпаюсь. Это сон. Сон ужасов. Сон реальный. Мамы давно нет. Война давно позади. А руки... те самые руки остались.

...Была весна 1941 года, шли последние экзамены, а затем — практика в железнодорожной больнице Ленинграда. Нас 8 человек, студенток Бологовской школы, направляли в Ленинград. Все уже были готовы ехать, и вдруг — война. Каникулы отменены. Всех, кому восемнадцать, взяли в армию, а нас, 16-ти летних,

из-за ежедневных бомбежек пристроили учиться в Вышне-Волоцкую школу. В ноябре приезжает врач санслужбы и отправляет нас на 10 дней домой собраться в путь. Через 10 дней мы явились в Бологое. Начальник ВСС Рулис Эльвира Яковлевна объявила, что мы, согласно распоряжению, едем на смену уставших (она так и сказала) работников больницы Ленинграда.

Железная дорога уже была на военном положении, поэтому разговор короткий.

Декабрь, Мы в Ленинграде.

Нас привезли в бывший роддом. Теперь здесь лежат дистрофики. На одну медсестру 60 больных. Днем приходит старшая сестра давать назначения.

Главное лекарство — соляная кислота. Ее выделают 25 грамм на всех. Каждому по 2 капли из пипетки. У всех атония желудка. Не вырабатывается желудочный сок. Не перерабатывается даже крошка хлеба. Кислота помогает желудку работать. Это знают все. И 60 глаз внимательно следят за пипеткой, из которой должны появиться заветные капли. Если случайно в чью-то ложку попадает лишняя капля вся палата взрывается в истерике. Это значит — одной капли кому-то не хватит. Шанс умереть первым.

Прошло много лет. Я чувствую эти шершавые руки живых мертвых. Тогда, в первые дни, у нас, девчонок, еще не работал инстинкт сострадания. Была обида и оскорбленное достоинство из-за того, что тебе не доверяли.

Не верили. Видели чуть ли не виновника всей трагедии голода. Понемногу мы гасили свою гордость, научились утешать, уговаривать, объяснять случайно перелитые капли.

...Каждый больной думал лишь о себе, и никому не приходило в голову спросить нас, как мы держимся на одном сухом пайке. Ходишь от больного к больному с химической грелкой под халатом — иначе не двигаются пальцы. (Химическая грелка — это специальный порошок, насыпанный в грелку)... и уговариваешь бороться за жизнь, еще сам по молодости не узнав, что такое — жизнь.

Через годы пришла еще одна мысль: я поняла, почему люди идут на предательство. Страх смерти превышает множества чувств человеческих. Это мне подсказали две капли соляной кислоты, из-за которой нас, молоденьких девчонок, ненавидели.

А потом мы теми же руками, что спасали людей, валили лес, разбирали деревянные дома, гасили зажигалки вместо того, чтобы обнимать любимых.

В той проклятой жизни нас было восемь медсестер-подружек. Нам было по семнадцать лет.

В 1996 году умерла последняя. Уже не в Ленинграде, а Санкт-Петербурге.

11 дней ее тело разлагалось в квартире. Летом. Сотрудники больницы, где она так и проработала до конца дней, просто о ней забыли. Семьи не было. Телефон мне о беде не сказал.

Она спасала жизни угасающих, презрев их ненависть. А о ней даже не вспомнили. А может быть, решили, что она будет жить вечно? Как и все мы?

Могло ли такое случиться в Ленинграде? В Санкт-Петербурге случилось. А в Ленинграде?

Не могло. Верю. И с этим буду жить.

*Анна Щербак,
ученица 7-го класса ГОУ школа №98*

Из-за войны мы не успели сдать экзамены

ПАЦЕЕВ Григорий Михайлович

Я родился в 1925 году в деревне Панское Крупского района Минской области БССР. В 1932 году пошел в школу и в 1940 году закончил 8 классов, но дальше продолжать учебу не пришлось. В этом году в нашей стране были образованы ремесленные училища с ФЗО, и я изъявил желание поехать учиться в ремесленное училище в Ленинград. В начале октября этого года набранная группой райкомом комсомола из 15 человек была направлена и прибыла на учебу. Встретили нас очень хорошо и определили в Ремесленное училище №6, которое находилось на Малой Охте улица Сергиевская №1 на территории бывшего сельхозтехникума. Из Белоруссии на учебу прибыло 400 человек. Училище было большое по количеству учащихся, 50 групп, в каждой группе по 25 человек, всего 1250 учащихся. Кроме нас, из Белоруссии, 850 человек — Ленинградцы.

Готовили нас по разным специальностям, а их насчитывалось полтора десятка. Я был зачислен в 25-ю группу по специальности «слесарь-сборщик». Ах, с какой охотой и желанием мы начали учебный год! Я не могу забыть старание ребят получить избранную специальность, их огромное желание учиться как лучше, чтобы через 2 года (такой срок обучения был в ремесленном училище) и по распределению остаться работать в Ленинграде. Время шло быстро. В июне 1941 года начались экзамены за 1-й год обучения, ко-

торые заканчивались в конце месяца и 30 июня мы должны были разъехаться по домам на каникулы.

Сколько было радости во всех нас, невозможно было представить. Но наша радость длилась недолго. Неожиданно пришла беда. 22 июня началась война. Фашистская Германия внезапно напала на нашу страну. Никто никуда не уехал. Учеба прекратилась. Начались повседневные рабочие будни. Многие наши ребята начали работать на заводах — им. Лепсе, Буревестник, Фонарный, Лесопильный. Они находились недалеко от нашего училища. Начали осваивать другие специальности, так как на заводе начали перестраиваться на изготовление продукции на военные цели. Часть ребят с первых дней войны уехала на оборонительные работы, в том числе и я. Наш отряд из 100 человек, находился под Гатчиной (Красногвардейск) в 45-ти км. от города. Кроме нас работало около 2-х тысяч ленинградцев. Сначала шло все хорошо, было спокойно. Немецкие самолеты иногда появлялись, но нас не беспокоили. Это было около месяца. Потом обстановка усложнилась. Начались частые воздушные тревоги у нас. Оповещали об этом нас обыкновенными свистками красноармейцы, находящиеся недалеко от нас в обороне. По тревоге мы должны были покинуть рабочие места и ложиться вниз лицом на землю и ждать сигнала — отбой воздушной тревоги. После чего мы опять продолжали работать.

А работа у нас была такая: рыли противотанковый ров, траншеи, хода сообщений, огневые точки и т.д. Были случаи, когда тучи немецких стервятников пролетали над нами, стремясь прорваться в город. Но чаще всего это им не удавалось. Очень мощная была воздушная оборона города. Запомнился один воздушный бой между нашими истребителем и немецким Юнкерсом (бомбардировщиком), который рвался к городу. Когда боеприпасы закончились у нашего летчика, он пошел на таран, сбил фашистский самолет, сам тяжким прыжком спустился на парашюте живым и невредимым. Это был старший лейтенант Харитонов, за этот подвиг ему присвоили Героя Советского Союза.

В конце августа завязался бой с танками противника в 5-ти километрах от Красногвардейска. Поступил приказ приготовиться к отправке в Ленинград. Прибыл первый поезд, и началась посадка, наша группа попала на этот поезд. Как только мы тронулись, налетели немецкие самолеты и начали бомбить его, но благодаря нашим летчикам-истребителям ни одна бомба не попала в наш поезд, бомбы рвались по сторонам. Мы благополучно прибыли в Ленинград.

Что было с оставшимися, не знаю. В городе остановка была напряженная. Некоторые улицы были заполнены повозками, на них находились женщины и дети — беженцы с оккупированных территорий, И вот у нас начались другие занятия, другая работа. В училище обстановка резко изменилась, столовой не стало. Ребята

были распределены по заводским столовым. Надо было уже преодолевать какое-то расстояние, чтобы туда дойти. Продуктов стало поступать все меньше, паек питания сокращался, консервная банка супа, ложка каши, 80 грамм хлеба на завтрак, 90 — на обед, 80 — на ужин. Несмотря на это наши ребята и мы, прибывшие, подключились и начали оказывать посильную помощь жителям близлежащих улиц Сергеевской, Мариенской, Уткина переулка. Помогали милиции смотреть за светомаскировкой, охраняли пороховые склады с милицией от ракетчиков, которых было полно. Часть — немцы забросили, часть — свои, предатели.

И вот 8 сентября кольцо блокады замкнулось. Наступило самое тяжелое время блокады. Доставка продовольствия и других материалов была только через Ладожское озеро, пока еще не замерзшее. Участились налеты немецких бомбардировщиков, обстрелы города из дальноточных орудий. Уничтожены Бадаевские склады (пятилетний запас продуктов для города). Выведен из строя водопровод. Воду стали брать из Невы. Не стало электроэнергии, выведены из строя ГЭСы. Не стало топлива. Но паники никакой. Люди вели себя спокойно. С каждым днем обстановка ухудшалась. Это происходило осенью, и вот наступила зима 1941-1942 годов. Последний источник доставки продовольствия городу и Красной армии и других необходимых материалов — Ладожское озеро замерзло.

Тогда принимается решение проложить дорогу по льду озера, что и было сделано. Дорога была оборудована всем необходимым, очищалась и охранялась. Эта дорога сыграла важную роль по обеспечению армии, а также эвакуации людей. Дорогу называли Дорогой Жизни. Люди постепенно истощались, появились слабобольные — так называли истощенных от нехватки еды. Постепенно начался голод. Мы имели преимущество в пайке хлеба — 250 грамм, перед интеллигенцией, которые получали по 125 грамм. Еще кое-как держались на ногах. Но и среди нас появились слабобольные. У кого еще были силы — ходили в столовые, кто не мог — им привозили на саночках пищу в общежитие. Таким поставщиком был и я. Нас было трое, и мы привозили еду со столовой завода Буревестник три раза в день — утром, в обед и вечером. Кроме этого привозили с Невы воду. Кто из ребят еще двигался, собирал дрова, надо было отапливаться, отопление в общежитии было печное. Ребята работали до последней возможности — пока ходили ноги и двигались руки. Но силы истекли, и среди нас началась смертность. Ребята умирали ежедневно по несколько человек прямо на наших глазах. Не так давно здоровые, ничем не болевшие, — умирали от голода. Страшно было видеть смерть в нашем возрасте. И самое страшное, что мы не могли своим товарищам чем-либо помочь, а им надо было немного поесть, и они бы встали на ноги. Но где взять, когда некому было привести

положенную пищу со столовой. Оставшиеся в живых еле-еле таскали ноги. На 1-е марта 1942 года нас осталось меньше половины из 1250 учащихся, остальные умерли от голода. Куда девали их останки? На территории училища было большое овощехранилище — оно опустело, и мы носили трупы и складывали в хранилище, к концу февраля оно было полностью заполнено умершими (белорусами и ленинградцами), и только в начале марта их тела были погружены на автомашины и вывезены военными. Где захоронены — не знаю. Ходили слухи, что трупы сжигали, опасаясь эпидемии. В Ленинграде есть Пискаревское кладбище, где захоронены 260 тысяч человек. Где захоронены остальные? Всего умерло больше миллионов.

И вот 10 марта 1942 года наше училище в количестве 380 человек было эвакуировано. До Финляндского вокзала мы добрались пешком, потом нас посадили в пригородный поезд, довели до Ладожского озера, дождались с того берега военных автомашин, уже стемнело. И когда автомашины разгрузили, нас начали сажать в кузова машин по 30 человек, накрыли брезентом, и мы поехали. Преодолели 30 км. благополучно и прибыли на противоположный берег. Нас разместили в каком-то разбитом здании. Выдали сухой паек, до этого мы ничего не ели. Сухой паек на всех нас, который в Ленинграде мы должны были получить, присвоили директор училища и замполит, за что каждый был осужден на 10 лет.

Потом нас накормили горячей пищей, в час дня подогнали товарный поезд. Погрузили по 60 человек в каждый вагон и повезли вглубь нашей страны. Потом мы узнали, что нас везут в Новосибирск. Но Новосибирск нас не принял, и мы простояли двое суток, и нас повезли в Алтайский край в город Бийск.

Там нас приняли очень хорошо. Еще было там много снега. И нас доставили до места поселения на лошадях, запряженных в сани. В течение двух месяцев нас откармливали, и когда мы поправились и начали бегать, повезли в город Куйбышев, где поместили в общежитие на улице М. Горького. Через пару дней нас повезли на Безымянку — это пригород города, где размещалось три авиазавода, и определили работать на завод им. Фрунзе. Начались трудовые будни. Работали мы в две смены по 12 часов. Выдали продовольственные карточки на питание. На работу с города ездили на трамвае, все было хорошо. И вдруг несчастье — у меня украли продовольственные карточки на питание. Об этом я заявил начальству. Получил ответ — продовольственных карточек повторно выдать не можем. Будете получать стахановский талон на питание один раз в день. Как жить и работать? И я при-

нял решение уйти с завода. Уехал в сторону Москвы остановился в Сараево, Рязанской области. Документов никаких. Никуда не берут на работу. Посоветовали пойти работать в колхоз села Одоевщина. Там меня приняли, предоставили работу. Я узнал, что в армию призывают тех, кто родился в 1924 году. Пришел в сельсовет и секретарю сказал, что я с 1924 года. Он тут же взял меня на учет, и недели через две я получил повестку в военкомат, прошел комиссию и был призван в октябре в армию.

Был направлен в город Кунцево Московской области и определен в 10-й учебный защитно-артиллерийский полк. Закончил учебу, получил звание сержант и был отправлен на формирование в Пензу, в формировочный пункт Ахуны. Был зачислен в батарею управления 40-й Зенитно-артиллерийской дивизии РКК командиром отделения связи. В конце года дивизию отправили на Волховский фронт, потом Ленинградский и впоследствии Корельский. Воевал 3 года. Войну закончил в Северной Норвегии. Дивизия награждена Орденом Красного Знамени. Демобилизовался в марте 1947 года. Награжден двумя орденами и 23 медалями.

Я выжила в блокаде благодаря маме

САВЕЛЬЕВА Нина Ивановна

Я родилась в Ленинграде 9 февраля 1939 года, все 900 дней и ночей я прожила в Ленинграде, и выжила в блокаде благодаря моей маме. Нас детей было трое. Брат умер от голода, его завернули в простынь и свезли на Пискаревское кладбище, куда всех свозили... А мы с сестрой, которая была старше меня, выжили. Война — это страшно:

бомбежки, голод, холод, не было электричества. Мама уходила на целый день на работу, а мы с сестрой сидели дома. Окна были забиты фанерой, было темно, холодно, и все время хотелось есть. Нам не повезло: бомбы все время попадали в дом, в котором мы жили. Мы поменяли много комнат в коммунальных квартирах, жили на Лиговском проспекте, проспекте Смирнова, на улице Фонтанка, с видом на цирк. Там мне в ногу попал осколок, и в старости у меня все время болит нога. Потом жили на улице Моховой, там и закончилась война. Мама после работы с другими женщинами шла за город в поле, где они выкапывали мерзлую картошку, варила суп, подмешивая муку, которую ей давали по рабочей карточке — 1 килограмм на месяц.

Продовольствие, которое привозили, как только вставала Ладога, распределя-

лось по карточкам. Я вспоминаю, как мама ушла отovarивать карточки. Вместо 1 килограмм крупы давали 0,5 килограмма дрожжей. Я пошла искать маму. Тогда мы жили на Фонтанке, я перешла мост через реку, но маму не нашла. Меня забрали в милицию, там накормили кашей залитой киселем. Как сейчас помню, кисель был красный и кислый, но такой

вкусный... В милиции я уснула, и спала, пока мама меня не забрала. Работала она на Финляндской товарной, и когда разгруженные вагоны уходили, она сметала все, что было внутри вместе с мусором. Из этого она делала блины, которые пекла без масла, но они были очень вкусные. Когда в 1944 году разорвали кольцо блокады, работающим стали по карточкам выдавать обед: суп и кашу. Я ходила в столовую на улицу Белинского с металлическим котелком, и пока мы сестрой шли — половину съедали. Продовольственные карточки отменили в 1947 году.

Нам давали 125 грамм хлеба, маме 250 грамм, а в 1942 году норму на карточки увеличили, детям и неработающим — 200 грамм, работающим — 350 грамм. Мама продала все: мебель, вещи, украшения — и все это за буханку хлеба. Были люди, которые наживались на чужом горе. Вес-

ной мама собирала крапиву и лебеду, варила щи, и это был праздник для нас.

Отец мой погиб в марте 1942 года, защищая Ленинград в Синявских болотах,

а мама на свою зарплату в 60 рублей вырастила и выучила нас с сестрой. Я уехала из Ленинграда в 22 года, и волею судьбы я с 1985 года живу в Мозыре.

«С возвращением». Вероника Демьянович, 13 лет

Мы выжили, выстояли и победили!

УСОВИЧ Тамара Семёновна

Я родилась в городе Ленинграде 1 августа 1937 года. Был у меня еще братик. Папа и мама работали на ткацкой фабрике имени П. Анисимова. Мама — ткачихой, а папа — шофером на грузовой машине. Он возил сырье для фабрики. Папа был высокий, красивый. Он приходил за нами в фабричный ясли-сад, иногда катал нас на машине, а дома играл с нами. Он брал меня своими сильными руками и высоко подбрасывал. Я взлетала к потолку и падала в его надежные руки. Папа любил читать нам сказки.

Но вот однажды папа пришел домой в военной форме и сказал, что идет на войну. Нам еще трудно было понять это. Он посадил нас с братом на колени и долго целовал. Потом подбросил меня к потолку и на прощанье сказал, что скоро вернется с победой. Мы стали ждать. Он написал в одном письме, что возит боеприпасы на передовую. А в декабре мы получили письмо не от него. Папа погиб. Фашистский снаряд попал в его машину. Уходя на войну, папа просил маму, чтобы она берегла нас, как могла. Ведь мы все были на грани смерти.

В начале сентября фашисты начали бомбить город. Однажды днем мы услы-

шали страшный гул моторов. Все, кто был дома, выбежали на улицу. Множество фашистских самолетов летело над нашей улицей. Затем вдаль слышались сильные взрывы фугасных бомб. Горели Бадаевские склады. Высоко в небе поднимались черные клубы дыма. Склады горели несколько дней. Это сгорели городские запасы продовольствия. Моя мама и все люди, кто жил недалеко от

складов, ходили туда и собирали обгоревший сахар вместе с землей. Опускали этот черный сахар в кипяток, и пили сладкий черный чай. В сентябре месяце мама получала хлеб по карточкам: рабочим — по 400 грамм, детям — 300 грамм, иждивенцам — 250 грамм. В ноябре была установлена самая низкая карточная норма: 250 грамм суррогатного хлеба рабочим и 125 грамм на детскую и иждивенческую карточку. Наступил голод, холод. Не было ни воды, ни света, ни тепла. Зима пришла ранняя. Выпало много снега, морозы в ноябре достигали -35 градусов. У нас в комнате стояла печка-буржуйка. Ее надо было топить целый день, чтобы согреться, но дров не хватало. Тогда стали топить печку стульями, жгли книги, собирали обломки от разрушенных деревянных зданий. Трудно

было достать не только дрова, но и воду. За водой мама ходила на Неву. С каким невероятным трудом преодолевались обледеневшие снежные горы! Мама часто ползала на четвереньках к проруби, чтобы набрать чайник воды. Многие не доползали, оставаясь «ледяными скульптурами». Весной, когда начал таять снег, вытаскивали трупы и с большим трудом увозили их на Пискаревское кладбище. Умирало много людей. Трупы лежали на улицах города, во дворах. Санитарные бригады выносили трупы из квартир и складывали их горкой во дворе. Я очень боялась этой мертвой горки, плакала и не хотела бежать с мамой в бомбоубежище. Во время бомбежки часто оставались в комнате, хотя это тоже было опасно.

В январе 1942 года мама слегла. У нее начался голодный понос. Спасла ее соседка тетя Галя. Она несколько раз в день давала ей пить водичку с каплями йода. Мама встала на ноги. Мы дружно жили в коммунальной квартире, помогали друг другу, чем могли. Но за эти суровые зимние месяцы 1942 года в нашей квартире умерло 11 человек из 28-ми. Голод, холод, непрерывные бомбежки и обстрелы все 900 дней и ночей мы выдержали, выстояли и победили! 27 января 1944 года враг был отброшен от города на сто и более километров. Блокада была снята. Война продолжалась, но мы уже не слышали ее грохота.

И вот долгожданная Победа! Солнечный день 9 мая 1945 года. Ур-ра! А как высока цена этой Победы! Два мил-

лиона ленинградцев остались лежать на Пискаревском кладбище. Когда я приезжаю в отпуск, то, прежде всего, захожу на Пискаревское кладбище: постоять, затаив дыхание, помолчать, глядя на трепетное дыхание Вечного огня. И каждый, кто приходит сюда, молча с глубокой скорбью и уважением к тем, кто лежит здесь, медленно проходит, склонив голову.

Спасибо вам, люди!

Ко Дню Победы я написала стихотворение, посвященное своему отцу, не вернувшемуся с фронта, отдавшему жизнь за Победу и за счастье своего народа:

Орленок

*Есть песня «Орленок»,
Она не умрет.
Нас в трудное время
На подвиг зовет.
Орленок, Орленок,
Я помню тебя!
Ты жизнь свою отдал
В защиту меня.
В защиту нас всех,
Миллионов орлят,
Мы вместе с тобою
Влились в тот отряд.
Ты смелым был в жизни,
Бесстрашно шел в бой
Во славу Отчизны погиб,
Как герой.
Твой подвиг мы помним
И славим трудом.
И каждый орленок
Стать хочет Орлом!*

После окончания войны в сентябре месяце 1945 года я пошла в школу. Мне было 8 лет. Окончив 8 классов школы № 170 Дзержинского района города Ленинграда, я поступила в педагогическое училище. После окончания педучилища меня направили работать старшей пионерской вожатой в школу №1 с уклоном английского языка. Через год поступила в пединститут имени Герцена на географический факультет вечернего отделения. Перешла работать в школу, которая находилась поближе к институту. Через пять лет закончила пединститут, вышла замуж за слушателя Военно-воздушной академии имени Можайского. После окончания академии муж получил направление служить на Север, на космодром Плесецк Архангельской области. Там «мы прослужили» (как в семьях военнослужащих принято говорить) 20 лет. Работы в школе не было, так как было всего две школы, работали в две смены, и в педагогах недостатка не ощущалось: школы были полностью укомплектованы. Два года была без работы, но в это время родилась дочь.

Когда она подросла, меня направили работать в детский сад воспитателем. До конца службы мужа я работала в детском саду № 5. Работать с детьми мне очень нравилось. Я была в передовых рядах: выполняла и перевыполняла социалистические обязательства, вела большую общественную работу: несколько раз меня избира-

ли председателем местного профсоюзного комитета, вела политические кружки, была главным редактором педагогической газеты, которые занимали призовые места. А самое главное: были хорошие результаты в работе. Из моих выпускников (30 человек) в школе учились на «отлично» 12-14 человек, остальные на «4» и «5». Мои дети, сын и дочь, в школе тоже учились на «отлично», а младший сын был хорошистом. Всего у меня трое детей.

За педагогическую работу я награждена медалью «За творческий педагогический труд», «Ветеран труда», а так как я «Житель блокадного Ленинграда», то мы приравнены по статусу к ветеранам Великой Отечественной войны. И награждена еще следующими медалями: «Жителю блокадного Ленинграда», «В честь 60-летия полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады», «В память 300-летия Санкт-Петербурга», «65 лет освобождения Республики Беларусь от немецко-фашистских захватчиков» и другими медалями, всего 12 медалей. Я также награждена многими грамотами: городскими, грамотой из воинской части, белорусской грамотой «за многолетний труд».

В настоящее время я председатель первичной районной организации ОО «Белорусский Союз блокадников Ленинграда» Московского района города Минска, секретарь президиума ОО «Белорусский Союз блокадников Ленинграда».

900 дней я была в Ленинграде

ЧИСТЯКОВА Ирина Ивановна

Я, Чистякова Ирина Ивановна, по мужу Гребенникова, родилась 22 мая 1935 года в городе Ленинграде.

Июнь 1941 года застал меня на летней даче в селе Рождественно. Это одно из живописных сел, под Ленинградом, где я отдыхала вместе с детьми детского сада. Оказалось, что гораздо безопаснее находиться в деревне и уже в последнюю минуту, на военных машинах, пришлось нас всех эвакуировать в город Ленинград. Приехали к себе в детский сад на правый берег Невы, начали готовиться к отъезду в Сибирь, и узнали, что последняя железнодорожная нитка перерезана врагами.

Началась блокада....

В старом особняке детского сада нас грели около горячих печушек, купали, стригли, переодевали: девочек в цветные, а мальчиков в синие халатики.

Посреди двора вырыли огромную траншею по всем правилам длинную и зигзагообразную, с двумя выходами. Сюда нас уводили во время воздушных тревог и обстрелов.

Были страшные дни... Однажды упала фугасная бомба, и наш детский сад частично пострадал, многие дети погибли,

но я к великому счастью — выжила, благодаря моей бабушке.

За зиму, люди очень ослабли, и в нашем доме, часто кто-нибудь умирал: от холода, голода. В 1942 году умерла и моя любимая бабуля, ее завернули в простыню и увезли на саночках. Потом мама получила справку, что бабушка похоронена на Пискаревском кладбище.

Трудно вспоминать, без слез, как мы выжили: при сильном морозе, голодные, без света, без воды, без канализации. Единственное что нас спасало — это «буржуйка». Мы жили и верили в победу!

После войны окончив 10 классов и поступив в педагогическое училище, я была в 1952 году принята воспитателем в детский сад №7 комбината им. «Тельмана». Этот сад был для меня очень дорог, ведь я была воспитанница этого сада. В нем я работала до 1957 года.

6 июля 1957 года я вышла замуж за военного, он окончил Нахимовское училище и Высшее инженерное техническое училище ВМФ. И началась кочевая жизнь... Мужа переводили по месту службы и жительства, а с ним везде переезжала и я.

Моя жизнь. Моя Судьба

ЩУЧКИН Виктор Федорович

Я родился 1 января 1934 года в Ленинграде.

Мать Щучкина Таисия Николаевна родилась в Вологде, домохозяйка. Отец Щучкин Федор Александрович родился в Вологодской области, военнослужащий, летчик.

В нашей семье было трое детей: Сестра Нелли, 1931 года рождения, я и младший брат Владимир, 1937 года рождения. Так как мама была домохозяйкой, мы с братом воспитывались дома.

Начало войны я встретил в больнице. Заметил под окнами палаты много людей. Но всего сразу не осознал, а только потом когда отец приехал и забрал меня домой.

Во время блокады Ленинграда мы проживали на Подъездном переулке. Напротив нашего дома находилась казарма. В ней во время войны ремонтировали танки и танкетки. Все ребята нашего двора днями пропадали там, помогали, как могли взрослым. Во время обстрелов и бомбежек прятались под днищем танков.

По приказу командующего на крыше нашего дома, и многих других домов, поставили ограждения, и мама с сестрой дежурили там, спасая крыши от зажигалок.

Отец был военным летчиком, охранял Ленинград с воздуха.

4 декабря 1941 года умерла от голода сестра Нелли. Мать сообщила отцу и он, бросив свое звено (тогда он был старшим лейтенантом), прилетел в Ленинград на похороны дочки. После чего, конечно, сразу вернулся на аэродром. За это его отдали под трибунал и приговорили к расстрелу. В это время в Ленинград при-

летел Жуков, и сослуживцы отца сделали так, чтоб он попал к нему в блиндаж.

Жуков спросил:

— Что старлей?

Отец ответил:

— Меня приказали расстрелять!

— За что?

— Я похоронил дочь.

Жуков посмотрел на адъютанта и тот утвердительно махнул головой. Тогда командующий произнес: «Иди и летай!»

Этот случай рассказала мне мама за два дня до своей смерти. Она умерла в 1961 году.

Мама была награждена медалью «За оборону Ленинграда»

В феврале 1942 года мы с братом пошли в магазин за хлебом. Когда подошла очередь, то я обнаружил, что в кармане

*Брат Вова, я и сестра Нелли.
Фото — начало зимы 1941 года, Ленинград*

нет карточек. Или потерял, или украли. Когда шли домой, то брат все время плакал: «Где хлеб?» Просто он привык, что довесок мы делили пополам и сосали, а хлеба не было. Когда мама узнала, что у меня нет карточек, упала в обморок. Это верная голодная смерть!

Но нас спасли от голода боевые друзья отца, подкармливали.

Перед эвакуацией мы долго жили на вокзале в вагонах электрички, из бочки сделали печку. Электричку перетащили на какую-то станцию. Потом неожиданно приехал отец на газогенераторной машине, за рулем была очень полная женщина. Я всю дорогу думал: «Как она там вмещается?» И нас по Ладоге отправили по Дороге жизни на Большую землю в 1942 году.

Отец летал всю войну. После войны папу перевели служить в Вологду. С отцом объездили весь СССР. Вологда, Баку, Хабаровск, Балашов, Конотоп и

т.д. В 1954 году, после аварийного прыжка ушел на пенсию в звании полковника авиации, был награжден многими орденами и медалями. Умер в 1987 году.

Из Конотопа в 1953 году меня призвали в армию и направили учиться в летное военное училище город Резекне, Латвия. Пошел по стопам отца. Окончив училище, я получил назначение в город Бобруйск, в/часть 40401.

Летал на ЛИ-2, потом ЯК-12. В конце 1956 года демобилизовался и уехал к

Фото 1945 года, после вручения наград

Моя семья: мама, брат Владимир, я и отец. 1949 год

родителям в Вологду, работал на радио-узле, по призыву военкомата был отправлен для продолжения службы в Плесецк, там, где сейчас космодром.

В 1961 году вернулся в Бобруйск и около 30-ти лет проработал электриком на «Заводе тракторных деталей и агрегатов».

В настоящее время проживаю в Республике Беларусь, городе Бобруйск.

Награжден знаком «Житель блокадного Ленинграда» и многими юбилейными медалями.

По сей день занимаюсь общественной работой и являюсь членом президиума ООО «Белорусского союза блокадников Ленинграда», бессменный председатель совета ООО «Белорусского союза

блокадников Ленинграда города Бобруйска».

Уже после Победы, эта история имеет продолжение, свидетелем которой был я. Полк отца сначала вывели в Баку, а потом эшелонами отправили в Хабаровск. С востока же шли эшелоны с пленными японцами. В одном из эшелонов, за проволокой, отец увидел своего «судью», они долго смотрели друг другу в глаза... Отец сказал мне тогда: «Запомни этот день!»

Женат с 1956 года, жена — Щучкина Ольга Захаровна. Имею сына и двух дочерей, пятеро внуков и двое правнуков.

Все начиналось так

ЯГОДНИЦЫНА Мария Давыдовна

Мне было 11 лет, когда грянула война, разделившая нашу жизнь на «до» и «после».

Хотя довоенная жизнь была не из легких, она вспоминалась, как сказочно прекрасная. Тепло. Пирог по выходным. Огромный абажур. За столом — вся семья. Шутки. Смех. Мягкий диван, на котором можно поваляться с книгой.

Рухнуло все разом.

Брат ушел добровольцем в армию. Отец ушел в ополчение, потом — добровольцем на фронт.

Остались мы с мамой вдвоем. Холод, голод. Дивана уже нет — сожгли. Болтаются ненужный абажур. В комнате жуткая мрачная тишина.

Все помнят суровую зиму 1941-42 годов. Тяжко было всем. Мы — не исключение. Не хочется об этом вспоминать, но и забыть невозможно.

Первая утрата

Раннее утро, вернее, еще ночь. Бреду за хлебом, карточки зажаты в кулак. У булочной уже очередь. На руке пишут номер. Все молчат, жмутся друг к другу.

Дома — мама. Она уже почти не ходит. Чувствую приближающийся ее конец. Она объяснила, где детский дом и сказа-

ла, как себя вести, когда она умрет.

Стою в очереди и плачу. Вдруг — вернусь домой, а мамы уже нет. Вытираю кулаком глаза. Прошу «поберечь» очередь. Бреду к маме. Очень скользко. Несколько раз падаю. Поранила руку.

Вот — и дома. Мама жива.

Опять — в очередь. До открытия магазина еще более часа. Находит дрема. Сквозь обволакивающий сон слышу: «Держите девочку! Голову, голову держите! До чего же тяжела!» Сознание возвращается и тут же — обида: «Тяжелая — значит толстая, я ведь очень худая».

Наконец, открыли. Вот и прилавок. Желанный черный кусочек на весах. Тянусь за хлебом. Внезапно худые длинные пальцы мелькают над моей головой. Хлеба на весах уже нет. За спиной — фигура: тощая, длинная, плачущая, рот набит хлебом. Моим хлебом. Что будет с мамой?

Похоронки

Февраль. Приближается День моего рождения. Знаю, что подарков не будет, но жду. Пытаюсь навести порядок. Мама немного повеселела. Фантазирует, как после войны жить будем. Какие платья мне купит.

Стук в дверь. Открываем. Женщина протягивает две бумажки и уходит. Радуюсь: «Письмо с фронта!» Спешу к маме. Надрывный крик. Похоронки. Две сразу. Папы больше нет. Нет и брата.

Обмен

Менять больше нечего. Голод нестерпим. Единственная ценная вещь — зингеровская швейная машинка. Обвязываю веревкой, спускаю по обледеневшей лестнице, затаскиваю на санки. С трудом удалось поменять. Повезло.

Вот я и дома, кладу на стол плитку столярного клея и кусок дуранды. Лепим лепешки, запекаем на буржуйке.

Радости нет конца!

За водой на Фонтанку

Было очень холодно. Валил снег. Так не хотелось идти за водой, но мама очень просила. Пошла. Очередь. Кто с чайником, кто с бидончиком.

Вот и я — с водой. Теперь выбраться бы на берег. Очень скользко, т.к. люди падают и вода, растекаясь, сразу замерзает. Ручка чайника примерзла к намокшей варежке.

Вверх вздымаются тонкие прозрачные детские руки. И вдруг... Никто ничего не понял.

На бреющем полете самолет пронесся над нашими повозками и... в нас полетели пули. На меня упало чье-то большое тяжелое тело.

Минуты казались часами. Выстрелы умолкли. Серебряная страшная птица улетела.

Я вылезла из-под чего-то очень тяжелого. Чьи-то тела. Это сестры Нина Марковна и Любовь Марковна (фамилии не помню). Мы начинаем их трясти... Густая черная кровь хлестнула из простреленной груди.

Наши воспитательницы, чужие, но родные люди, закрыли нас своими телами. Дети остались живы. Только на дороге кричала девочка. Ей оторвало обе ноги.

Прямо на нас откуда-то из-за поворота выскочила «Эмка». Остановилась. В ней генерал и еще какие-то важные военные.

Кольцо детей взяло машину в плен. Мы просили забрать нашу девочку и отвезти в госпиталь. Все плакали.

— Мы не можем этого сделать. Здесь нет госпиталя. Ей нельзя помочь. Дети, если вы нас не пропустите, то сорвется важное задание.

Кольцо расступилось. «Эмка» уехала. Девочка умерла. Ее похоронили вместе с воспитательницами.

А мы, дети, поняли, что генералы ехали, чтобы предупредить о самолете с красными звездами, под которыми на самом деле была свастика.

Обоз медленно катился дальше. И небо уже не было таким ярко-синим. Оно стало черным.

Русские — налево

Колонна с детьми медленно двигалась вглубь Краснодарского края. Подальше от войны. Но война шла по пятам. В прямом смысле. Под Майкопом нас окружили немецкие мотоциклисты. Вытащили

больных и здоровых из повозок. Здоровенный детина в каске ходил и заглядывал всем в лицо. Некоторым говорил: «Выйти направо». Так нашу группу разделили на две. Мы были слишком малы, чтобы понять в чем дело.

Прощайте, дети, — донеслось из маленькой группы.

Это крикнула наша воспитательница. Она хотела еще что-то сказать, но автоматная очередь оборвала такой родной голос навсегда.

Послышались крики, плач. Через несколько минут все стихло. Маленькая группа живых людей превратилась в кучку мертвых. Мы с ужасом жались друг к другу, ничего не понимая, плакали.

Город Майкоп находится на возвышенности. Внизу горели виноградники, кукуруза, подсолнечник.

Огонь окружил нас.

— Шнель, шнель, — подталкивая прикладами, немцы приказали нам ехать в станицу Калермесскую. Группа растрелянных ленинградцев осталась лежать на Майкопской земле. Они были евреями.

Конечно, фашисты рассчитывали на дармовую рабочую силу, которая вырастет из детей, вобравших в себя немецкий образ жизни. Но мы были советскими детьми. И мы сопротивлялись.

Недолгое счастье

Протарахтев в последний раз, эскорт из немецких мотоциклистов, подвод и нашего трактора с прицепом остановился на

площади станицы. Местные жители высыпали из своих домов, чтобы поглазеть, кого там привезли. Худющие, мы исподлобья наблюдали за людьми. Они смотрели на нас, кто с состраданием, а кто и недоброжелательно. Кому нужны лишние рты, да еще такие хворые. Староста объявил:

— Кто возьмет в семью ребенка, тому будет выдаваться пол литра молока.

Приманка сработала. Нас разобрали, но не всех. Остальных определили жить в школу, которая была заминирована. Давали ли тем, кто взял детей, молоко — не знаю.

Моя хозяйка — тетя Маруся — мать девятерых мальчишек — сказала мне сразу: «Ты у нас лишний рот, у меня грудное дитя кормить нечем».

Стала я чужой среди пацанов. Каждый день разводила огонь в печке. В нее был вмазан котелок. В нем варилась кукуруза. Из нее делали кашу — мамалыгу. Когда каша была готова, вся семья садилась у этого горшка и черпала из него.

Я отходила к забору и садилась на завалинку. Никому не нужная сирота в грязном черном пальто. А еще недавно было оно коричневым.

Мимо дома часто ходил дяденька. Он заметил молчаливое существо и как-то протянул мне руку. Я пошла за ним. Он жил с тетей Марией. Жили тихо, бедно, но меня жалели. Я уже не варила мамалыгу, хотя по хозяйству крутилась, как могла.

От тети Марии всегда пахло домом, Она напоминала мне маму, которая умерла от голода в Ленинграде. Я прижималась к ней на печке и вспоминала Ленинград, вздрагивая во сне.

Однажды раздался в сенях грохот. Чья-то нога вышибла дверь, и она сорвалась с петель. Ничего не понимая, мы проснулись. Грубая мужская рука стянула нас с печи.

— Где хозяин?

— Не знаю, — тетя Мария покачала головой.

— Отвечай.

Тяжелый кулак опустился на мою тетю. Тихо охнув, она осела в углу.

— Отвечай, щенок, где хозяин, — это уже полицай спрашивал у меня.

Я испуганно таранилась, мотала головой и вслед за тетей была сбита с ног. Не помню, как нас били. Куда-то отвезли. Очнулись в холодной подвальной комнате.

Утром вызвали на допрос — все спрашивали о хозяине. Оказалось, что квартира, где я чуточку отогрелась, была партизанской явкой.

Но я действительно этого не знала. И меня в конце-концов вышвырнули как ненужную собаку на улицу.

Я вновь осталась одна. Избитая, голодная, грязная. Слез не было. Боль и горечь еще одной потери в этом огромном враждебном мире застилала глаза. Кто-то подобрал меня. Кто — не помню. Но оказалась я среди детей, поселившихся в школе. Их еще раньше никто не взял. Даже за пол-литра молока.

Частушка

Фашистов гнали. Война стала откатываться назад, откуда пришла. А в станице вместо гогочущих немцев появились наши раненые. Госпитали росли, как грибы после дождя. Нам хотелось, хоть чем-нибудь быть полезными.

Приходили к раненым, пели, танцевали. Раненые смеялись и плакали одновременно. Жалели нас, что мы детдомовские. Мы были всесторонними «артистами», брались за все.

Мне в одном концерте выпала большая часть — петь частушки. Раненые их обожали. Они подпевали вместе с нами, смеялись.

Я вышла на импровизированную сцену. Глянула в зал. Вместо стульев — кровати. На них лежат раненые. Некоторые сидят, опираясь на костыли. Смотрят на меня.

Я молчу, в горле комок.

— Ну, дочка, давай, не стесняйся...

— Давай, давай, — слышу подбадривающие возгласы. Молчу.

Вот и ребята уже дружно подсказывают. Молчу.

— Ты что, немая, что ли? — это жожатая.

— Я сегодня не буду петь, я прочту стихи, — тихо сказала я и прочла стихи о девочке, которая встретила воина-освободителя и признала в нем своего брата.

Мне аплодировали. Но жожатая пожаловалась директору, изобразив, что я хотела сорвать концерт. Директор вызвал меня.

— Что случилось, Машенька? Я не верю, что ты нарочно отказалась петь.

— Нет. Я не смогла. Посудите сами. Разве можно такое петь:

Хорошо тому живется, У кого одна нога. Сапогов пару не надо и портяночка одна.

В зале были раненые, безногие.

Директор меня обнял. Так может обнять только отец.

— Молодец, Машенька. Я горжусь тобой.

Вожатой в школе больше не видели. А меня директор взял на выходные к себе домой. И целых два дня я жила в его семье! Это было такое счастье!

«Жди меня...». Анастасия Дмитровская, ученица 10-го класса ГОУ школа №128

ЯРЖЕМБИЦКАЯ Горгония Дмитриевна

В 2010 году все прогрессивное человечество отмечало 65-летний юбилей Победы в Великой Отечественной войне. 2011 год был ознаменован скорбными датами: 70 лет с момента вероломного нападения фашисткой Германии и 70 лет с начала блокады Ленинграда и память об этих событиях должна передаваться из поколения в поколение, чтобы такое больше не повторилось никогда!

Я, Яржембицкая Горгония Дмитриевна, родилась 22 июля 1943 года в Выборгском районе города Ленинграда в квартире 34 дома 96 по проспекту Карла Маркса (сейчас Большой Сампсониевский проспект) за 6 месяцев до снятия блокады.

Все мои знания о блокаде сначала строились по скудным воспоминаниям моих родителей об этом тяжелом времени. Родители не очень любили вспоминать это время.

Папа Моденов Дмитрий Павлович был шофером и в одной из поездок по «дороге жизни» через Ладогу, его машина ушла под лед. Он успел выпрыгнуть, но из-за долгого пребывания в холодной воде и пока его обнаружили, он обморозил ноги, в результате чего началась ган-

грена, а потом — ампутация ног. Впоследствии папа перенес много операций, во время последней он умер.

Мама Моденова Зоя Павловна также работала на автобазе. После окончания войны мама была признана инвалидом II группы.

Родители были награждены медалями «За оборону Ленинграда»,

«За доблестный труд в Великой отечественной войне 1941—1945 год» и почетными грамотами. Все эти награды, как самые дорогие реликвии, хранятся у меня дома. Я уверена, что они будут передаваться из поколения в поколение в моей семье.

Во время блокады умерло много наших родственников, среди них зимой 1941 года — мой родной брат Женечка, ему не было и двух лет.

Из близких родственников выжили две мои старшие сестры, одна из них до сих пор проживает в Санкт-Петербурге — Григорьева Тамара Дмитриевна, вторая — Воронина Кира Дмитриевна умерла в 2002 году.

Я закончила в Ленинграде сменную среднюю школу №96 и вечернее отделение Ленинградского института Советской торговли имени Ф.Энгельса. Рабо-

тала в Ленинградском Военторге. Вышла замуж, в 1966 году родила дочь. В 1971 году по сложившимся обстоятельствам переехала с семьей в город Минск Республики Беларусь.

В Минске работала в Научно-исследовательском Институте конъюнктуры и спроса, на Минском часовом заводе. Общий рабочий стаж мой — 40 лет.

После выхода на пенсию в 1998 году я активно занялась общественной работой.

В настоящее время являюсь председателем Советской районной организации ОО «Белорусский Союз блокадников Ленинграда» города Минска.

Судьба подарила мне многое: дочь, внука, успехи в работе, друзей, хороших знакомых.

Я считаю чудом свое рождение в блокадном Ленинграде и то, что я выжила. И все это благодаря жизненному подвигу моих родителей.

«Первый трамвай». Анна Бушевич, 10 лет

Содержание

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ

Сергеева Вера Владимировна, глава Муниципального образования МО Пискаревка	3
Пиотровский Михаил Борисович, директор Государственного Эрмитажа, президент Союза музеев России, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук	4
Каким оружием мы воевали. <i>Ю. И. Колосов.</i>	5
Чистое золото	27
Воля ленинградцев к сопротивлению сломлена не была	40
Обращение митрополита Ленинградского Алексия к верующим «Церковь зовет к защите Родины» 26 июня 1941 года	47
Из акта Городской комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников об ущербе, причиненном Ленинграду войной и блокадой	51
Докладная записка заместителя председателя горисполкома Е. Т. Федоровой заместителю председателя СНК СССР А. Н. Косыгину о борьбе с беспризорностью и безнадзорностью детей в Ленинграде в 1941-1943 годах	63
Навсегда Ленинградский	66
Рецепты блокадной кухни	72

ВСПОМИНАЮТ ВЕТЕРАНЫ

АЛЕШИН Иван Михайлович. Последнее письмо из школы. <i>З. И. Алешина</i>	75
БАБАЙКИНА Елена Александровна. Блокадный синдром	76
БИБИКОВ Андрей Иванович. О войне. Размышления ленинградского мелиоратора. <i>Т. В. Слышова</i>	79
БАЛМАТОВА Галина Георгиевна. Судьба	83
ВАСИЛЕНКО Виктор Васильевич. Мы с братиком тоже из блокады. <i>А. А. Самохвалова.</i>	85
ВИНОГРАДОВА Вера Николаевна. Время детства — война. <i>А. А. Самохвалова</i>	89
ГУСЕВА Вера Николаевна. Мы были рады, что остались живы и среди своих	92
ДЕНИСОВА Екатерина Андреевна. Немцы бомбили нас от зари до захода солнца. <i>Т. В. Слышова</i>	97
ЗВЕРЕВА Зинаида Ивановна. Блокадное отрочество.	99
ИЗОТОВ Лев Федорович. Блокада глазами ребенка	102
КАМЕНЕЦКИЙ Лев Исаакович. Защитник Ораниенбаумского плацдарма. <i>А. А. Самохвалова</i>	112
КОРОТКЕВИЧ Лина Ивановна. Нам жизнь дана... <i>Т. В. Слышова</i>	114
КОВШОВА Ирина Павловна. После эвакуации в Ленинград нас не пустили. <i>Т. В. Слышова</i>	146
ЛЕБЕДЕВ Александр Васильевич. Мы помогали взрослым как могли	149
ЛЕОНТЬЕВ Сергей Васильевич. Фронтовая жизнь в период 1941-1945 годов.	152
МАРКОВ Анатолий Павлович. Ладога. Дорога жизни	159
МАТЮНИНА Антонина Ивановна. Когда началась война, я ходила в детский сад. <i>Т. В. Слышова.</i>	177
ПАВЛОВСКАЯ Людмила Александровна. Через 67 лет нашла могилу отца	178

ПЕКШИЕВА Мария Степановна. Наша жизнь проходила возле печки-буржуйки	184
РЕЗНИК Леонид Самойлович. Не дает покоя память....	186
СВЯТОСЛАВСКАЯ Тамара Никифоровна. Я боялась, что мама не вернется домой	191
ТУТУРОВА Екатерина Ивановна. Служила в Военном трибунале	193
ФЕЛЬМАН Леонид Михайлович. Сталинградская битва глазами солдата	195
ШАТЕНЕВА Валентина Александровна. Немного о себе и о блокаде. <i>Т. В. Слышова</i>	198
ШЕВЧЕНКО Светлана Леонтьевна. Во время бомбежек я пряталась под кровать	200
ШЕЛУХИНА Наталия Виссарионовна. Получилось: эвакуация!	201

ВОСПОМИНАНИЯ О ЛЕНИНГРАДСКОЙ БЛОКАДЕ ЖИТЕЛЕЙ БЕЛОРУССИИ

БАЦЕЛЕВА Светлана Петровна. «Память наша блокадная»	205
БОГДАНОВА Александра Сергеевна. Воспоминания о прошлом	207
ВАСИЛЬЕВА Валентина Денисовна. В те суровые годы люди помогали друг другу	214
ГРИХАНОВА Роза Сергеевна. Морячка	216
ДОВГАЛЬ Николай Павлович. Фабзайцы	219
ЛЕЙЗЕРОВ Аркадий Тевелевич. Потомки наши, дорогие наши!	221
МИХАЙЛОВ Иван Адамович. Мы отдавали все силы, чтобы остановить противника	227
МЕЛЬНИКОВ Константин Владимирович. В медсанбате меня прозвали «матросиком»	230
ОДИНЕЦ Николай Григорьевич. Эпизоды нашей блокадной жизни	231
ОСИПЧИК Римма Ивановна. Две капли.	232
ПАЦЕЕВ Григорий Михайлович. Из-за войны мы не успели сдать экзамены.	234
САВЕЛЬЕВА Нина Ивановна. Я выжила в блокаде благодаря маме	238
УСОВИЧ Тамара Семёновна. Мы выжили, выстояли и победили!.	240
ЧИСТЯКОВА Ирина Ивановна. 900 дней я была в Ленинграде	243
ЩУЧКИН Виктор Федорович. Моя жизнь. Моя Судьба.	244
ЯГОДНИЦЫНА Мария Давыдовна. Все начиналось так	247
ЯРЖЕМБИЦКАЯ Горгония Дмитриевна. Мое рождение в блокадном Ленинграде — это чудо	252

**Внутригородское Муниципальное образование Санкт-Петербурга
Муниципальный округ Пискаревка**

Инициатива издания
Муниципальный Совет Муниципального образования МО Пискаревка
Администрация Калининского района Санкт-Петербурга

Автор концепции и руководитель проекта
В. В. Сергеева

Редакционный совет:
Н. М. Николаева, М. О. Орлинская, А. А. Самохвалова, В. В. Сергеева

Главный редактор
кандидат исторических наук
Н. К. Зайка

Комп. верстка, обработка иллюстраций, фото
Е. С. Липатова

Корректоры:
Е. А. Ветлугина, Ж. А. Мозговая

Фотографы:
Н. Н. Антонова, И. Э. Регентова, Л. Г. Хейфец

Использованная литература:

Ленинград в осаде. Сборник документов о героической обороне Ленинграда. СПб., Лики России, 1995

Отпечатано в типографии «НИКА».
191167, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, 23
Тел.: (812) 717-3123, тел./факс: (812) 578-5771 • info@ipfnika.spb.ru • www.ipfnika.spb.ru
Формат 60x90 1/8. Печать офсетная. Гарнитура Petersburg.
Бумага мелованная 170 г/м². Заказ № . Тираж 1000 экз.